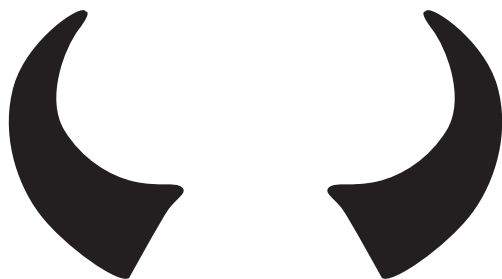

Джеймс Хиллман

ПРИСУТСТВИЕ
ЖИВОТНЫХ

Касталия
2021

УДК 133.5:54
ББК 84.6

Джеймс Хиллман

Присутствие животных. – М.: «Касталия», 2021. – 260 с.

Сборник статей и лекций выдающегося психолога Джеймса Хилмана, посвящённый присутствию некоторых видов животных к человеческой душе.

ISBN 978-5-521-16323-6

© Джеймс Хиллман
© Татьяна Лобанова, переводчик
© Сергей Горбачёв, редактор
© Денис Лапин, обложка
© «Касталия», 2021

Дорогие друзья!

Вот уже больше десяти лет, мы представляем Вам уникальные книги. Глубинная психология Юнга, древние и современные оккультные традиции, священные тексты восточных народов, темный путь, символическая поэзия, литература и еще много интересного. Вы можете приобрести книги как в бумажном, так и в электронном формате.

Добро пожаловать на наш сайт: <https://castalia.ru/>
Также на сайте представлены избранные главы издаваемых нами книг, множество отдельных статей, эссе, литературных творений.

Наш проект представляет огромный лекторий, в котором есть как отдельные открытые лекции, так и серии обучающих курсов по глубинной психологии Юнга, Таро, Рунам, Алхимии и многим другим эзотерическим направлениям.

Также, мы проводим регулярные открытые лекции в Москве и Санкт-Петербурге. Вся информация можно получить на странице руководителя проекта

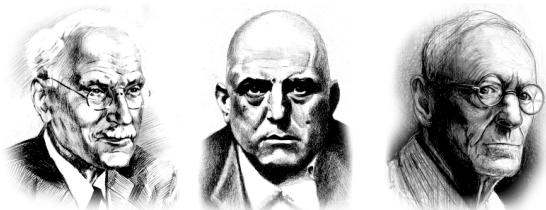
Олега Телемского

<https://vk.com/olegthelemskiy>

<https://www.facebook.com/oleg.telemskiy/>

Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков, а также другие психологические и эзотерические школы для реализации совместных проектов.

Электронный адрес для связи atong93@yandex.ru

castalia.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Царство животных в человеческом сне	9
Полярный медведь.....	9
Поросенок.....	14
Амплификации	21
Орел	29
Жираф.....	33
Первые выводы.....	36
Названия животных.....	39
Пути вырождения.....	40
Внутри царства животных.....	48
Домашняя мышь.....	54
Тело.....	56
За пределами интериоризации	59
2. Воображение – это чушь.....	72
Поприветствуйте быка	72
Чушь о быке.....	77
Алеф.....	79
Торреро	84
Ритуалы под золотыми арками	88
У подножия горы Синай.....	89
3. Змея – это не символ.....	95
4. Лошади и герои.....	100

5. Крыса.....	106
6. Львы и тигры, или почему существует две великие кошки	110
7. Тараканы в голове	117
Преамбула	117
Интенциональность	124
Рана	131
Искоренение.....	139
Тайна	146
Простое заключение	157
8. Слон в Райском Саду	162
Умиряющее животное.....	162
Путешествие на слоне.....	166
Почему слон?.....	175
Отцовское воображение.....	181
9. Ты – грязная собака!	190
Меланхолия.....	190
Животные в душе	191
Предки.....	195
Цинизм.....	197
Нечистоты.....	199
Грязный ангел.....	201
10. Человеческое существо как животное.....	204
<i>Переписка с Джоном Стоквеллом</i>	<i>204</i>
11. Присутствие животных.....	216
<i>Диалог с Джонатаном Уайтом</i>	<i>216</i>

12. Позвольте созданиям быть	230
<i>Диалог с Томасом Муром</i>	<i>230</i>
13. Сейчас ты видишь их, а сейчас – нет.....	239
<i>Диалог автора и художника</i>	<i>239</i>
Источники	251

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель найдет в этом сборнике статьи и лекции, посвященные некоторым видам животных, как и в основном выпуске «Эраноса» за 1984 год, в котором тема данного сборника рассматривалась в целом – присутствие животных к человеческой душе. Я говорю «к душе», а не «в душе», потому что в последнем случае предполагается включенность животных в человека (антропоцентрическая модель), а предлог «к» оставляет их местоположение неопределенным.

Просматривая список своих работ для этого тома «Собрания сочинений» под номером 1, я обнаружил, что тема присутствия животных работает на протяжении всего пути: том 5 – «Изображения животных в алхимии», том 6 – «Анималистические фигуры греческих богов», том 3 – «Изображения животных в депрессии и фигура обезьяны», и, более философски – в томе 8, который включает лекции в Каракасе («Культура и душа животных»), в Университете Тенри в Японии («С космологией для души»), а в Далласе – «Лотреамон Башляра». Во «Сне и подземном мире» есть короткая глава о животных, а изучение статуи козьего бога древнего мира, Пана и Кошмара, открыло дверь к анималистическому анимизму во всех вышеперечисленных более поздних работах уже в 1972 году.

Тем не менее, эти конкретные ссылки не отражают полного присутствия животных, привнесенного в мою работу. Мое первое художественное произведение, опубликованное в 1950 году, достигает кульминации на корриде, а моя первая книга по психологии – «Эмоции», опубликованная в 1960 году, была направлена на то, чтобы снять подавление с силы, называемой «животным духом». Я тогда не установил связи между жизненной силой психики и животными образами психики – «духи

животных» действительно являются духами животных! Теперь, на этом позднем этапе, я понимаю, что я последовательно пытался сохранить в психологии то, чего картезианская рациональность боится и осуждает. Действительно, если и была устойчивая линия, фактическое доминирующее повествование в моем подрывном служении психологии, так это то, что разъясняет этот настоящий том: сохранение, даже преклонение перед духами животных.

*Дж. Х.
Март 2008*

ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СНЕ

Полярный медведь

Во время одного из моих обучающих семинаров по изображениям животных в сновидениях женщина поделилась со мной своим сном:

Я летела в самолете, управляемом моим мужем. Во время полета я смотрела на пейзаж внизу. Тогда я сказала мужу: «Послушай, я вижу белого медведя там, внизу, под водой». Мой муж продолжил полет. Затем я посмотрела на экран его радара, и белый медведь отобразился на нем вместе с чем-то еще, похожим на два крестика. Затем мой муж сказал: «Хорошо, я посмотрю», и он развернул самолет, пока мы снова не увидели белого медведя, все еще сидящего под водой.

Когда сновидица летит в самолете, управляемом ее мужем, она пребывает в сизигии – она смотрит на мир сверху вниз как на декорации. Пейзаж состоит из вод внизу, где есть животное. Сначала оно появляется в летящем самолете на экране радара – абстрактный вид осознания медведя в летящем, смотрящем вниз уме, который заставляет ее мужа сказать: «Я знаю» и принять этот факт, то есть посмотреть еще раз, развернув самолет, изменив его изначальное направление.

Белый медведь отображается как знак ихтис, неизвестная величина, фактически как два ихтиса, поскольку во сне говорится: «Белый медведь появился на экране радара вместе с чем-то еще как два крестика». Медведя оказывается во сне два – с ним есть что-то еще, что-то большее, второй медведь, призрачный медведь, резонанс, видимый только абстрактно.

Что это за второй медведь, все так же неподвижно сидящий под водой?

Еврейская легенда гласит, что у каждого вида животных есть соответствующий вид в воде. Этот медведь в воде – тот самый медведь, который не попал в ковчег? Почему этот медведь сидит там, внизу, в воде? Кто этот медведь? Почему они должны его видеть?

Еще один сон о полярном медведе от женщины за тридцать:

За мной охотится белый медведь. Я в ужасе и пытаюсь закрыть дверь, чтобы не впустить его. Человек идет за ним, а потом я вижу, как медведь возвращается раненый. Его сбила машина, и его плечо все разорвано и окровавлено, он смотрит на свое плечо в замешательстве. Мне жаль, мучительно жаль, что это произошло. Я не хотела, чтобы он пострадал, я просто не хотела, чтобы он нанес мне увечья.

Во сне проявляется знакомый мотив преследования животным. Но преследует ли ее медведь, потому что просто идет «за ней»? Потому что она находится впереди него вопреки своему страху, закрывает двери перед белым животным, которое приходит за ней. Неизвестный мужчина идет за медведем, в результате чего животное ранено и сбито машиной. Машина во сне этой женщины представляет силу «мужчины» и орудие собственного внутреннего побуждения сновидицы. Это может сокрушить животное. Но теперь здесь есть примирение через боль: когда медведь ранен, женщина страдает – это отношения, установившиеся через боль. Возможно, боль открыла дверь между ними.

Третьим сном делится женщина пятидесяти двух лет:

Я вижу большого, огромного, сильного белого медведя – сверкающего белизной и стоящего на самом дальнем краю своей земли – точка льда и снега на вершине полюса, обращенного к голубой ледяной воде. Он стоит на задних лапах, выпрямившись, запрокинув голову, задрав нос к небу, и

ревет от боли, разрывая воздух. Наблюдая, я понимаю, что он на пределе своих сил от поисков своей пары и детеныша и кричит в ужасной агонии и беспомощной силе.

Сверкающий белизной, на самом дальнем краю земли, на конце своей веревки, на вершине шеста, вертикально стоящий и указывающий на небо, этот медведь – при всей его силе в этом месте – находится в агонии. Не потому, что на него охотятся или он ранен, а потому, что в этой крайней вертикальной северной точке он не может найти свою пару и ребенка – он один. Большой и сильный, но все же беспомощный. Какая ужасная мука раздирает атмосферу ее сна? Что должно быть понято? Говоря об этом медведе, что хочет сказать эта женщина?

А теперь четвертый сон о белом медведе, на этот раз от мужчины:

Я охочусь на белого полярного медведя в очень холодной дикой местности, прилагая все усилия, чтобы убить его. После нескольких тщетных попыток мы с белым полярным медведем подружились. Следует отметить, что, хотя воздух был чистым, прозрачным, холодным, я не был тепло одет. Внезапно я тону посреди озера, а мой брат и белый медведь наблюдают с берега. Каким-то образом белый медведь выплывает и спасает мне жизнь.

Не брат «выплывает и спасает мне жизнь», а белый медведь в паре с «моим братом» и, возможно, он больше, чем брат, по крайней мере, в способности спасти его жизнь. Медведь, которого он пытался убить, прилагая все усилия (ибо именно так он пытается убить медведя: «прилагая все усилия»), спасает ему жизнь. Попытка убить медведя была тщетной, но преследование привело его к дружеской близости с медведем/с животным. И «следует отметить», что этот сновидец не одет тепло. У него есть свое собственное внутреннее тепло, когда он и медведь подружились. Еще раз – кто, что это за медведь, который «спасает мне жизнь»?

Эти четверо сновидцев – современные американцы. У них нет эмпирических отношений с белыми медведями: они не охотники, не исследователи, не зоологи, не эскимосы. Я вполне уверен, что они не читали «Калевалу», не были в Логове Дракона и не изучали шаманизм. Я также не верю, что они знают о святой природе белого животного в фольклоре. Я сильно сомневаюсь, что женщина, во сне которой белый медведь ревел, призывая свою пару и детеныша, читала иллюстрированную книгу Томаса Бьюика «Общая история четвероногих» восемнадцатого века, где говорится, что среди белых медведей «любовь к потомству настолько велика, что они обнимают и оплакивают их самыми жалобными криками¹».

В сжатом формате лекции я не могу уделить адекватное время снам, но если бы мы были антропологами и находились среди жителей Северного полярного круга, мы бы признали в этом белом медведе «хранителя зверей», хозяина животных, который сам является зверем и который больше чем просто покровитель охоты или тотемный предок (большой белый медведь в роли дедушки или бабушки), он – высшее существо в форме феномена, как говорит Ивар Полсон, «одно из древнейших явлений бога в религиозной жизни человечества».

Эти белые медведи могли бы быть теофаниями, проявлениями божественности, представляющими дилеммы, муки, потенциальные возможности в том, что Юнг назвал «религиозным инстинктом». В каждом случае мы читаем, как сновидец обращается с белым животным: как он ведет себя по отношению к нему, что чувствует по отношению к нему и где он или она сталкивается с ним. И все же медведь – это нечто большее, нечто другое, чем просто религиозный инстинкт. Неизвестно, сколько остается за пределами нашего внимания, за пределами «сокращенного» образа во сне. И мы обращаемся к снам о животных ради самих же

1 T. Bewick, *A General History of Quadrupeds*, 3rd ed. (Newcastle Upon Tyne, 1792), 270.

животных.

Сны были даны мне как собирателю сновидений о животных, чтобы я мог использовать их по своему усмотрению, и я благодарен всем сновидцам, чьи сны я буду рассказывать, за их щедрость. Сны являются частью коллекции, которую я начал собирать в Институте Юнга в Цюрихе в 1959 году для исследовательской группы по изучению образов животных. Коллекция росла с годами. Я должен добавить, что, хотя материал является честно эмпирическим, он был передан мне в письменной форме сновидцами без комментариев или анализа, поскольку метод работы с этими снами не является эмпирическим в обычном смысле.

Никаких статистических частот, никаких корреляций между снами и состоянием сновидцев, как в старых сонниках: когда вы видите белого медведя во сне, вы простудитесь или будете одиноки, обнаружите, что ваша жизнь под угрозой или, наоборот, спасена, и так далее. Вскоре мы перестали приводить значение того или иного животного в прямой связи с диагнозом и прогнозом. Слишком просто. Существует странный разрыв между целью исследования и интерпретацией сновидений, между научной объяснительной психологией и понимающей психологией воображения. Это похоже на разрыв между дневным миром номотетических норм, порождающих законы из многих случаев, и ночным миром идиографических описаний: как животное из сновидения предстает в образе и что оно «означает». Но не «Что это значит для сновидца?», потому что у нас не было сновидцев. Таким образом, мы пытались понять животных как естественные и живые образы. Что такое животное царство в человеческом сне? Как оно себя ведет? Чего оно хочет? Какова связь между животным в сновидении и человеком?

Возможно, нашим первым результатом было это противостояние методу. Отстранение (*эпохе*) сновидца, терапии и теории позволила нам рассматривать животное без терапевтических намерений или психодинамических концепций, а скорее как

сложный образ, словесное изображение и образную поэзию того, что Юнг называл объективной психикой. Тогда мы этого не знали, но, оглядываясь назад много лет спустя, мы были на пути к другому виду работы со сновидениями: эссенциалистскому подходу – к тому, что, по сути, происходит в образе. Животные привели нас к этому подходу, как будто они были сутью снов, возможно, даже сущностями. То, что я собирал у этих животных, заняло много лет, чтобы начать находить эту первую письменную формулировку, которую я посвящаю духу Адольфа Портмана.

Поросенок

Теперь, когда мы переходим к дальнейшим снам, позвольте мне сказать, что я знаю, как трудно одновременно слушать сон и рассуждать о нем. Знайте, что каждый новый сон, который вы слышите, усиливает ваше герменевтическое разочарование. Я прошу вашей терпеливой восприимчивости и добровольного прекращения активных поисков смысла.

Женщина сообщает:

Я смотрю в глубокий, темный вертикальный туннель. На дне, очень глубоко, я постепенно различаю в тусклом свете, похожем на свет костра, мерцающую голову свиньи. В ней есть сочетание человеческого выражения злости и торжества. Я вижу, как ее голова поднимается и откидывается назад в самый момент ее триумфа. Она смотрит на меня маленькими черными глазками, приподняв брови, – мы смотрим друг другу в глаза.

Воображение ставит женщину и свинью в прямую связь, которая является вертикальной и последовательной, через темноту. Свинья находится глубоко, и там, где она находится, есть огонь и неустойчивый мерцающий свет, исходящий от огня. При

виде друг друга злоба и торжество соединяются в свинье – это человеческое выражение, как будто не свойственное свинье. Так это выглядит с точки зрения женщины, смотрящей вниз.

Давайте вспомним, что женщина находится «выше» свиньи, а животное – в глубине туннеля. Его голова приподнята, в то время как ее – опущена вниз. Такое туннельное видение, исключаящее все остальное, сужает фокус сна до его сути: интенсивности прямого взгляда на голову свиньи, ее черный глаз.

Мотив глаза животного – быть замороженным его взглядом, тронутым его выражением, его притягательностью, вспоминать при пробуждении только его глаза – требует минутного размышления о глазе как о зеркале души и о глазе как о входе во внутренний мир существа. Как указывал британский натуралист Э. Л. Грант Уотсон², мы знаем животного по его глазам: прикрытый глаз ящерицы; легкая паника, налитая кровью глаза у лошади; светящийся коровий глаз, отражающий темную внутреннюю мягкость, как будто застекленный его собственными метаболическими размышлениями, а не его экспансией; обсидиановый глаз мыши, похожий на бусинку, который почти не видит; козий глаз, кошачий глаз, рыбий глаз, глаз спаниеля, орлиный глаз – каждый отдельный, а некоторые даже как метафоры человеческих черт.

Здесь взгляд передает торжество и злобу, как будто душа у этой свиньи маленькая и черная.

Голова животного как часть целого появляется в культах животных и снах. Голова – это ведущий *эйдос* животного, его идея или наше восприятие его как идеи, как будто голова представляет специфическую физиономию животного, концентрируя и проявляя качества его сознания. Мы можем предположить, что сновидица начинает обмениваться взглядами со свиньей, принимая «свинью» как идею, и огонь, вызванный этим, начинает освещать ее суженное видение, признание того, что, поднимая, возвышая глубину образа свиньи, она видит это как момент триумфа злости

2 E. L. Grant Watson, *Animals in Splendour* (London: John Baker, 1967).

для животного.

Что еще женщина видит в морде этой свиньи? История свиньи в человеческой культуре предполагает, что она заглядывает в глубины своей плоти, которая так похожа на свинью – ее желудок, легкие, кишечник настолько похожи, что анатомия от Галена до Средневековья использовала труп свиньи как наиболее подходящую аналогию для человека. Кроме того, сам внешний облик свиньи: часто розоватый, коричневатый, кажущийся безволосым, ее челюсти и живот, ее округлый торс со складками на шее, короткие ноги и грязный зад, ее привычки к совокуплению, ее всеядный аппетит, как у человека, склонного к излишествам. Говорят, что даже человеческая плоть по вкусу больше всего похожа на свинину.

Этот телесный аспект свиньи оскорбителен: человек, называемый свиньей, означает жадного, грязного, угрюмого, грубого, упрямого, прожорливого, грязного, со звериными привычками. История Эдварда Топселла середины семнадцатого века «О четвероногих тварях³», в значительной степени исследуемая Иромом Конрадом Геснером⁴, использует такие эпитеты для свиньи: любитель грязи, зверь, молокосос, нечистый, грязный, жирный, влажный, жадный, громкий. И в свинье есть депрессия; наряду с собакой и ослом свинья была средневековой эмблемой *уныния*: лень, инертность, отсутствие духа.

Каждый вид представляет определенные стили патологизации. Барахтаться в депрессии, словно тучная свинья – это совсем не то же самое, что упрямо гоняться за собственным хвостом, грызть зарытые кости или лежать в пыли с печалью гончих собак. Отсутствие духа в свинье имеет свой источник связи со стихиями земли и воды. Его целебные свойства касались, главным образом, ее мочевого пузыря и жидкостей (молока, крови, свиного сала,

3 E. Topsell, *The History of Four-Footed Beasts and Serpents and Insects* (London, 1658).

4 C. Gesner, *Historiae Animalium* (Zurich, 1551–58).

даже мочи), возвращая жизнь старым грудям и высохшей коже, излечивая кашель лошадей и стариков. Конечно, влажный и грязный элемент традиционно «женский», и, согласно знаниям животных, мозг свиньи меньше, чем у всех существ с убывающей луной. Мозг свиньи подчиняется лунному притяжению и его ритмам во плоти. Упрямство служит принципам более глубоким, чем простое эгоцентрическое упрямство. Свиноматка не примет самца, говорит свиной ЛОР, если он сначала не наклонит ее ухо, так остро это ухо настроено на природу.

Отвращение к свињям, догматизированное в Книге Левит 11:7, распространилось вместе с верующими по всем монотеистическим землям ислама, так что свињи были воинственно казнены от берегов Атлантики до Индонезии. Даже в Европе дьявол любил появляться в облике свињи; ведьмы тоже ездили на них верхом. Свињи, предназначенные на убой, должны были сначала быть осмотрены местным экзорцистом, следуя строке Марка 5:12, где Иисус вселяет бесов в свињей.

Ненависть к свињям есть явление еще более древнее: Артемидор (Oneirocritica 1.70) пишет, что свињина – благоприятный символ сна, потому что «пока свињья жива, от нее нет никакой пользы... Но как только она умрет, она станет более вкусной, чем другие животные, которые, в свою очередь, более полезны, пока они живы...».

В исламских источниках – обратимся к «Нузхат-аль-Кулуб⁵» («Услада сердец»), научной энциклопедии, составленной около 1300 года – говорится, что больная свињья излечивается рационом из крабов.

Лечение одного животного другим: медведей – диетой муравьев, львов – диетой обезьян – традиционно учит психологическим прозрениям. Почему поедание краба вылечит свињью? Лекарство должно быть гомеопатическим (как и подобные лекарства), потому что краб тоже символически лунный,

5 Hamd Allah Mustawfi, *Nuzhat al-Qulub* [1340] (Tehran, 1957).

влажный и отнюдь не героический: Бальдр умирает, когда солнце входит в Рак, Гераклу мешает Лернейский краб, схвативший его за ногу, тем самым побуждая героя удвоить свою львиную силу. Астрологический Краб прибывает в день летнего солнцестояния, когда солнце на мгновение «останавливается» после своего подъема вверх, в водянистых глубинах и отражении перед жарким владычеством Льва. Его астроанатомическое место – грудь и живот, совсем как у свиньи. И то и другое – нежная, сочная, жирная пища. Предложенный Юнгом пример интерпретации⁶, в котором он демонстрирует свою психологию сновидений, опирается на краба как на центральную фигуру. Юнг воспринимает краба как регрессивное либидо, втягивающее пациента в бессознательное состояние цепкой старой привязанности, которая в разоблаченном случае была синонимом страха перед раком. «Краб, – говорит Юнг, – ходит задом наперед».

И все же это лечит больную свинью. Помимо общей идеи обновления, связанной с крабом, со времен Аристотеля и заявления Артемидора (*Oneirocritica* 2.14), что морские существа, «которые сбрасывают свои старые раковины, являются хорошим знаком для тех, кто болен», существует более тесная особая связь между крабом и свиньей. Если свинья пожирает, краб переваривает, если свинья вырывается с корнем и обнажается, краб разрывается на части, кусочек за кусочком, изящно, осторожно.

Упрямство в свинье противостоит цепкому упорству краба (у краба клешня может сжимать в тридцать раз больше веса своего тела; гигантский японский краб-паук имеет вытянутый размах когтей, простирающийся до трех метров). Краб – падальщик, он пожирает падаль: переваривает мертвых, прошлое, он вспоминает. Свинья идет вперед, имея большой аппетит. Кабан нападает – краб отходит в сторону, отступает, пятится от скелета, в котором он обитает.

6 См. C. G. Jung, *Two Essays in Analytical Psychology, Collected Works*, trans. R. F. C. Hull, vol. 7 (Princeton Univ. Press, 1967), 123–65.

Ходьба задом наперед также выражает отклонение назад от отражения, превосходство психической деятельности⁷, и поэтому краб был спарен с бабочкой в эмблемах эпохи Возрождения, которые сочетают крайние различия и тайное сходство⁸. Регрессивное либидо, которое Юнг видит в крабе, также можно представить как либидо желудка, которое идет за пределами *fressen* – рыла и орализма – к *pepsis* в укрытии. Ибо, прежде всего, крабы знают искусство скрытности, в то время как свинья так полно, неизбежно присутствует (созвездие Рака почти незаметно, оно состоит только из звезд четвертой величины⁹). Крабы прячутся: внутри их собственных панцирей, в песке – зарываясь вниз; в пустых раковинах – закрывая их; в глубоком море – разгуливая с губками на спине для маскировки; в водорослях. Краб, перенесенный из аквариума с зелеными водорослями в аквариум с красными, часами снимает зеленую листву со своего панциря и прикрепляет к нему красную, «переодеваясь» для своей новой среды обитания. Эти тихие, скрывающие себя, обращенные внутрь модели поведения – интровертные, возможно, психотические – могут вылечить свинью, заболевшую избытком своей собственной свинской природы. Подобное лечит подобное, и то, что лечит болезнь плоти – это то существо, которое имеет сходную природу, но с существенным оттенком различия.

Я пытался вызвать с помощью амплификации тот мерцающий свет в туннеле, тот естественный просвет, то сознание черноглазой свиньи, которое играло такую роль в культуре Деметры-Персефоны Элевсина. Молокососание, плодовитость, прожорливость и свинокое отвращение. Короткий нос, который, согласно легенде, научил людей искусству земледелия; плоть, научившая людей

7 R. F. C. Hull, vol. 8 (Princeton Univ. Press, 1970), 241–43.

8 См. E. Wind, *Pagan Mysteries in the Renaissance* (London: Penguin, 1967).

9 См. P. Lum, *The Stars in Our Heaven: Myths and Fables* (New York: Pantheon Books, 1948).

искусству приготовления пищи; кишки, через которые мы узнали о нашей собственной анатомии – предположим, что психическая ценность оказалась ниже совокупного значения по отношению к тайне подземного мира плоти, подобно целым кускам свинины в кельтских могилах для загробных пиршеств.

Каждое животное – это психический знак, заставляющий человеческое сознание отказаться от своей териофобной исключительности, восстанавливая участие в царстве животных. Свиньи Деметры-Персефоны, те мистические свиньи, которые умирают в малых мистериях, как описано Карлом Кереньи¹⁰, сами являются посвященными (воспринимая свинью в обстановке тайны, я могу отдаться этому с преданностью; мое признание божественности в моих свинских потребностях позволяет ей удовлетворять свои требования).

Свинья посвящает сознание в тонкости грубости: ее преувеличенная навязчивая телесность – это само стремление проникнуть в тайну материальности жизни, в мир тьмы Плутона-Гекаты под землей Деметры, требующий темного глаза, который может видеть психологический шик в бетоне, тонкое тело в грубой одержимости, может видеть, что аспект *суксмы* присутствует посреди *штулы*, что в жире есть дух, свет и огонь.

Сон, о котором сообщил аналитик в одном из случаев, показывает этот дух в свинье.

Я видел ребенка четыре или пять лет, предположительно моего младшего сына, который с восхищением наблюдал за какими-то маленькими поросятами. Они встали на задние лапы в игре, и он, со своим обнаженным розовым телом, почувствовал себя отождествленным с ними. Его особенно интересовали их мужские органы. Он сказал им, что чувствует себя намного больше и сильнее, чем обычно, размером с толстую половинку сосиски, которой он указал

10 K. Kerényi, *Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter*, trans. R. Manheim (Princeton Univ. Press, 1967), 55.

на меня. Я чувствовал, что пришло время для родительского рассказа о сексуальной жизни, но его это не интересовало.

Снова возникает свинья, но теперь очарование и искренность, Эрос маленького мальчика, эрекция, где «четыре» с таким же успехом может быть «пять», то есть в этот момент Эдипов переход, с точки зрения концепции четверичности, неотличим от чувственной структуры Афродиты-Иштар. Инструкция и посвящение констеллируются, но обычные роли меняются местами: не она, старшее эго, должна учить мальчика – свинья нормам этикета, но сновидец учится самому сну.

Амплификации

И это ключевой момент во всех этих снах: образ – это учитель. Нам приходится терпеть кропотливо медленный метод работы со сновидениями, расстраивающий наше герменевтическое желание услышать образ. Сон приносит с собой ужасное стремление к пониманию. Мы хотим, чтобы сны расшифровывались согласно их значению. Но сон, как и животное в нем – это живое явление. Он продолжает демонстрировать себя, выходя за пределы все большего внутреннего пространства, если мы сможем сдерживать герменевтическое желание, чтобы образ мог развиваться сам по себе. Если да, то происходит ли амплификация, понять трудно.

Мы следуем методу амплификации Юнга, потому что, как он говорит: «везде, где речь идет об архетипических образованиях, личностная попытка дать какое-то объяснение уведет нас в сторону¹¹», и «мы прибегаем к амплификации в толковании снов, ибо сон – это очень тонкая подсказка для понимания, пока она обогащается материалами из ассоциаций и аналогий,

11 C.G. Jung, *Civilization in Transition, Collected Works*, trans. R.F.C. Hull, vol. 10 (Princeton Univ. Press, 1970), 646.

таким образом, усиливаясь до степени разборчивости¹²». Создавая символический, исторический, филологический и иконологический контекст исследования, мы получаем объективную основу значения сна животного.

Критикующие амплификацию утверждают, что этот метод не является адекватной научной процедурой, по крайней мере, по этим трем пунктам. Во-первых, критерий достаточности не может быть удовлетворен. По определению амплификация означает расширение, добавление деталей, обогащение – так когда же человек достигает достаточного количества материала? Где можно остановиться? Поэтому, во-вторых, ограничения должны быть установлены произвольно при отборе материала аналитиком и пациентом в соответствии с их склонностями и потребностями, называемыми эвристическими. Поэтому, в-третьих, амплификация не достигает объективного контекста, который соответствует свинье и при этом не может быть беспристрастно описана. Следовательно, амплификацию нельзя назвать методом в научном смысле, но анекдотическим способом, передающим аллегорические предложения, мудрость и морализм. Она не может избежать обвинения в субъективизме.

Четвертый пункт критики исходит с другой стороны. Это и есть образная критика. Она обвиняет амплификацию в неспособности уловить реальный образ сна: этот маленький розовый мальчик с эрекцией, похожей на сосиску, играет с поросятами на задних лапах. Мы теряем изображение в суматохе усиливающих доказательств. Сон растворяется в более широком контексте и защищается от интеллектуализированного знания. Важность и сложность сновидения и его эмоций переносятся в захватывающие и богатые открытиями амплификации. Нас ведут прочь от того, что есть, к тому, чего нет – свинья приходит в контексте, отличном от этого реального сна.

12 C.G. Jung, *Psychology and Alchemy, Collected Works*, trans. R.F.C. Hull, vol. 12 (Princeton Univ. Press, 1968), 403.

Для имажиниста сновидение обладает врожденной сверхдетерминацией. Оно наполнено собственными основаниями для архетипического значения. Не может быть никакого улучшения в сновидении или основы для сновидения за пределами сновидения. На изображении есть все, что ему нужно: розовый, пенис, тело, обнаженная, сосиска, поросенок, восторг, войлок, эрегированный, вертикальный, роза, игра... Что может усилить изображение больше, чем это слияние, эта слоистая плотность (*Dichte*), которая делает каждый сон также вымыслом (*Dichtung*)?

Когда архетипическая психология призывает к максиме «придерживайся образа» (вслед за Юнгом, который пишет: «Чтобы понять значение сновидения, я должен держаться как можно ближе к образам сновидения¹³»), это говорит о том, что ассоциации и амплификации могут дать немногим больше, чем уже сделал образ – ассоциации и амплификации становятся заменителями самого сна. В то время как сон, если с ним остаться, поработать, высвободит свои архетипические последствия наслаждения плотью, возникновения возбуждения, указания на эрекцию, усиленный акцент на колбасу – все это наводит на мысль об опусе, начальной трансформации фаллического сознания.

Более того, говорится в критике имажинистов, с укреплением этого метода юнгианской школой в течение последних семидесяти лет свинья во снах больше не указывает, по словам Юнга, каким должен быть символ, и это лучшее возможное выражение. Вместо этого свинья теперь представляет символ «из». Итак, когда женщина смотрит в голову свиньи, опытный аналитик знает, что пациент смотрит в черный глаз ужасной матери, как Джон Лейард¹⁴ называет свинью. Свинья-Исида возникает, и женщина встречает свою *prima materia*, триумф «снизу» часто графически

13 C.G. Jung, *Psychological Types, Collected Works*, trans. R.F.C. Hull, vol. 6 (Princeton Univ. Press, 1971), 320.

14 J. Layard, *Identification with the Sacrificial Animal*, *Eranos Yearbook* 24 (1955), 390.

изображается ниже пояса. Она противостоит «Архетипической Женственности¹⁵» (Эрих Нойманн), теневой стороне женской природы, и теперь ей придется смириться с плотью как со злом (злостью), дьяволом в свинье, ведьмой – всем, что представлено образом свиньи.

Я действительно верю, что на критику можно ответить, в том числе и на критику имагинистов. Но чтобы найти значение амплификации, мы должны переместить метод с его основания в том, что мы могли бы назвать научной ошибкой, на идею о том, что амплификация психологического материала сопоставима с методами, используемыми в исторической науке или археологии. Юнг, который в юности хотел стать археологом, часто соединяет термин «амплификация» с прилагательным «исторический¹⁶». Однако сам метод частично определяется собственным историческим контекстом – ранними годами этого столетия и параллельными дисциплинами антропологии, археологии и филологии: Фрейзер, Кук, Харрисон, Леви-Брюль, Рэдклифф-Браун, Маусс. Амплификация послужила научному утверждению об универсальности архетипов и коллективного бессознательного.

Раскопав или собрав изображения свиней, ритуалы и этимологии, мы смогли бы наблюдать возникновение объективного значения слова «свинья» – свинья как символ оплодотворяющего, теллурического Архетипа Матери, и это сокращение в первоначальной фигуре, это единство значения послужило объяснением всех разновидностей фигуры. Демоническая свинья (ее раздвоенное копыто и диетическое табу) в суровых монотеистических культурах, а также свинья невежества (авидья) могут быть объяснены отказом от Матери-

15 E. Neumann, *The Great Mother: An Analysis of the Archetype* (Princeton Univ. Press, 1963), 18ff.

16 См. C. G. Jung, *Freud & Psychoanalysis, Collected Works*, trans. R. F. C. Hull, vol. 4 (Princeton Univ. Press, 1961), 329–30; *Civilization in Transition* (выше, № 12), 771, 733.

Земли, в то время как клыкастый кабан, принадлежащий Аресу или Вишну, может быть объяснен Нойманном и Лейард как образ той же негативной матери, клыкастой, как фаллический символ, с которым он, подобно Одиссею, должен встретиться в качестве инициации и снова преодолеть регрессивное очарование примитивного фаллизма в аниме Цирцеи, когда Герой уходит от свиньи на героическом этапе развития сознания¹⁷.

Однозначность смысла – это, конечно, как раз то, что Юнг намеревался исключить при амплификации. И все же научная ошибка вынуждена своей логикой приписывать фигуре единое значение. Если свинья крылата, играет на флейте, танцует джигу, высечена на церковной скамье; если это Бог-солнце (Скандинавия), высший и последний зодиакальный знак на Дальнем Востоке; фигурка, усеянная звездами, найденная в Трое; или если это наивные, нежные, трусливые и веселые существа, имеющие настолько тонкий слух, что валлийские друиды, понимавшие язык птиц, получали пророчества через своих спутников-свиней¹⁸; или если сегодня психологи животных говорят нам, что свиньи умнее лошадей, и возможно, по интеллекту равны слонам¹⁹ и поэтому, вероятно, являются одними из первых одомашненных животных²⁰–

17 Победа льва над свиньей (кабаном) была греческой иконографической и литературной условностью. Например, у Гомера Патрокл был львом, когда побеждал, и стал кабаном, когда умер. См. E. Vermeule, *Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry* (Berkeley: Univ. of California Press, 1979), 88-92.

18 См. A. Ross, *Pagan Celtic Britain* (London: Routledge, 1967).

19 См. C.J. Warden, *Animal Intelligence*, *Scientific American* (June 1951), 64–68.

20 Недавние исследования датируют одомашнивание свиньи не позднее 6000 года до н. э.;

предположительно, собака и овца восходят, по крайней мере, к 7500 и 9000 годам до н.э. Для содержания свиней требовались поселения, а свиньи не подходили для жизни собирателей пищи, кочевников и охотников. См. A. H. Brodrick, ed., *Animals in Archeology* (London: Barrie and Jenkins, 1972), где также отмечается, что «отращение к свиньям, похоже, существовало с очень

все эти многочисленные тонкие импликации выходят из единого источника – символа свиньи как матери-земли, в негативном или позитивном толковании. Произвольность метода, однако, связана не столько с манипуляцией (обработкой) эвристическим способом его использования, сколько с научной ошибкой, на которой он основан.

Если мы сохраним метод и отбросим свои научные претензии, отбор не будет пытаться определить объективное ядро смысла неписаными правилами поведения: культурная тематика прежде, чем личные ассоциации, образные тексты прежде научных текстов, религиозные прежде, чем светские, архаическое прежде современного, народная культура прежде, чем высокая, этимология прежде чем фонетика, Западное прежде Восточного – все это можно свести к принципу: выбор всегда шире и древнее фактов.

Вместо этого мы бы следовали идее Юнга об эвристике: выбирать из данных то, что работает, что имеется в виду под *эффектом*. «Эвристика» – это идея, взятая из искусства исцеления – это художественный принцип, требующий эстетической экономии, чтобы определить, какие несколько штрихов наиболее остро вызывают суть, проникают в сердце, чтобы усилить, расширить, развернуть эффект. Цель состоит в том, чтобы заставить образ сновидения полностью раскрыть свои возможности – подтексты, осложнения – а не наполнять его полностью или заглушать доказательствами: воображаемое ощущение амплификации отличается от смысловых данных.

Поскольку этот важный экономический прием является навыком, требующим культурных символических знаний, пригодность не случайна. Мы не вытаскиваем что-то старое из мешка с символами, но выбираем с целью тронуть душу, символически разговаривая с ее образами. Символы – это не столько вещи, сколько риторические агенты, способы убеждения

ранних времен в некоторых частях Западной Азии» (32).

образов в их более полном охвате и глубине. Они подобны алхимическим веществам. Они катализируют, растворяют, окрашивают образы сновидений, активируя их *эффект*.

Это дает возможность прояснить, как я использую амплификацию и почему я это делаю. Во-первых, амплификация улучшает навыки, предоставляя знания, и, как я помню, Карл Кереньи сказал мне однажды после того, как я пожаловался на скучную, хотя и заученную лекцию: «*Но знание не вредит*». Знание – это техника юнгианской практики. Несмотря на все сходства в клиническом обучении и терапевтических процедурах, юнгианцы отличаются от других школ в одном важном аспекте: знании архетипического воображения, традиционного воплощения символов и ритуалов в искусстве, культуре и религии. Сетки, с помощью которых юнгианцы работают со сновидением – это узоры и материалы, подобные сновидению, взятые из тематики воображения. Юнгианцы предполагают, что эти паттерны являются формальными причинами психических событий и что материалы являются их содержанием, и что знание о них раскрывает суть, целенаправленность событий. В юнгианской психологии знание эффективных причин – в настоящее время называемых «психодинамическими объяснениями» – играет гораздо меньшую роль.

Символическое знание, конечно, может потерять свою жизнь, превратившись в рутинный формализм, интеллектуализированные материалы и предписанные цели. Это часто происходит с любым знанием, но только из-за тени знания мы не должны отказываться от самого знания.

Во-вторых, амплификация предполагает *космологию*. Свинья или краб во сне проникают сквозь века и географические области, потому что это видимое присутствие архаичных и вездесущих невидимых процессов. Символ свиньи – это также вечная, плероматическая свинья, включающая всех свиней вообще, космическая свинья, появившаяся раньше, чем сон. В этом видимом об-

разе сновидения связаны вместе свиньи Меланезии – нелюбимые Афродитой за то, что они убили Адониса – и свиньи как источник моего любимого полуфабриката. Таким образом, сон со свиньей больше не может быть частью только «меня»: как моя лень или уныние по поводу моей полноты или как непристойная компенсация за презирающую жизнь чопорность. Космос свиньи разливается по кадрам, в которые я ее вставляю – ее плерома требует, чтобы каждая амплификация казалась достаточно полной. Космос свиньи никогда не сможет вписаться в фантазию личной частной психологии. Само ее появление нарушает такие границы, и амплификация является адекватным методологическим ответом на эту космическую амплитуду.

Итак, в-третьих, амплификация – это терапия. Путем вливания космического в личное и высвобождения личного в космическое метод является религией – связующей, запоминающей. Я возрождаю традицию, поскольку признаю, что я – в связи со свиньей – разыгрываю то, что происходило, например, в книге Левит, и то, что говорится в Библии о свиньях, продолжает излагаться в душе в моих снах. По мере того как эти мифы возрождаются во мне, свинья возвращается к своей роли демонического существа, посредника, который сам по себе является методом или путем *тавила* из эгоцентрического светского мировоззрения.

В-четвертых, амплификация сама по себе является ритуалом, служащим образу, подобно тому, как если бы кто-то вырезал свинью из дерева, нарисовал поросят или церемониально забил, разделал и зажарил. Амплификация подводит нас к изображению: мы предлагаем ему время; мы реагируем на его появление с благодарностью. Наши дополнения – это нагромождение подношений ему, *дулия*, для того, чтобы мы могли узнать его лучше.

Орел

Чтобы показать силу амплификации для придания сновидению мгновенно узнаваемого *топоса*, давайте начнем с самой амплификации, а затем перейдем к сновидению. Все птицы, независимо от их вида, согласно книгам бестиария, рождаются дважды: один раз в виде яйца от матери, а затем – из яйца. Птица приносит стихию воздуха, ориентирование сверху. Филон сказал, что птицы – посланники Бога, чтобы избавить нас от материальных затруднений; они представляют *высший активный разум*, который нисходит в человеческую сферу, но не рождается от нее, что подразумевает, что высший разум – это животное, что идеи и интуиции – это крылатые тела с быстро бьющимися сердцами, которые могут ударить нас когтями и разорвать клювами. Ассоциации птиц с половыми органами в народе признают, что *высший разум* проявляется также в поющих, парящих возбуждениях сексуального желания. Птица подобна физической силе метафизического.

Из птиц орел – король, и он появляется как эмблема королей и королевств. При кремации римского императора рядом с погребальным костром выпускали орла, чтобы проводить императорскую душу на небеса. Говорят, что только орел может смотреть прямо на солнце, как Моисей в лицо Богу, и только орел не может быть убит светом. Престарелый орел обновляется, взлетая на солнце, пока его перья не станут раскаленным огнем, а затем, нырнув в воду, он снова появляется молодым. Итак, Христос – это воскресшая яркость, а Логос, который просвещает – это орел, подобный Иоанну Евангелисту, который в изгнании на Патмосе был взят на небеса за свои апокалиптические видения. Или, как бегство из Египта, Исход был совершен на орлиных крыльях – возвышающая, возносящая сила духа над материальной ловушкой.

Орел «вскоре приходит в ярость от духовного высокомерия», потому что его темперамент чрезвычайно горяч и сух. В его миссии

есть воинственность, даже насилие²¹, потому что орел всегда воюет с меньшими птицами и ползучими существами: особенно с голубем-колумбийцем, потому что «орлы не разводят голубей²²». Могучий, помешанный на битвах Аякс берет свое имя от орла (*аитос*). Он хватает испуганного зайца, молочного теленка, блеющего ягненка, брошенного ребенка – эти слабаки становятся жертвами соблазна большой хватки. Любой красивый мальчик, такой как Ганимед, может быть увлечен восходящим импульсом. Сила. Знания. Парить среди вспышек молний нетронутым. Каждый день орел разрывает печень Прометея, вводясь в страстную органическую душу с *гневом и вожделием*, поглощенный амбициями Прометея в повседневном мире.

Как Император, дух, логос, бессмертный, тень орла – это *сенекс*, поэтому в орлиных преданиях много говорится об обновлении и старении. Говорят, что он умирает из-за увеличения кривизны его клюва, так что он либо больше не может принимать пищу и голодает, либо прокалывает собственное горло²³.

Мы можем ожидать, что сон, показывающий движение в душе орла, имеет имперскую, повелительную силу, несет большое послание, коллективную миссию. Мы можем далее ожидать стремительного роста, раздувания последствия того, что есть что-то слабое и незащищенное, что было приманкой. Это может указывать на пробуждение *деятельного разума* как Логоса в нашей

21 Сразу же после того, как орел покинул ковчег, он совершил первое убийство, убив птицу. Бог позволил ему избежать наказания со стороны других птиц благодаря его высокому полету (L. Ginzberg, *The Legends of the Jews*, vol. 5: From the Creation to Exodus [Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998], 187n51).

22 Итальянская поговорка: «Орлы не разводят голубей».

23 О возрождении орла с помощью «песни, танца и фестиваля» см. Историю старой Орлиной матери, рассказанную Кнуду Расмуссену и пересказанную Нор Холлом в *The Moon and the Virgin* (New York: Harper and Row, 1980), 105–108.

культуре и как шаманское посвящение в архаичных культурах²⁴.

Женщине снится, что она поднимается по ступеням Нью-Йоркской Публичной библиотеки, когда орел с огромной высоты пикирует на нее, и она в ужасе прикрывается. Сон оставался с ней на протяжении многих лет. Во сне она была дочерью своего отца и женой, попавшей в ловушку своей материальной защищенности в Египте, из которого она медленно начала целенаправленное отступление с помощью дальнейшего образования и профессии.

Другой женщине снится:

Я стою на нашей кухне и расчесываю волосы расческой моей дочери перед зеркалом. С каждым чесом выдергивается большое количество волос. Я понимаю, что в моих волосах есть проплешины, открытые места. Интересно, вырастут ли они снова. Я иду на вечеринку и рассказываю нескольким людям о том, что в моих волосах есть проплешины. Я спрашиваю, думают ли они, что моя шевелюра снова вырастет. Они говорят «нет». Но каждый раз, когда я подношу руку к проплешинам, я чувствую маленькие тугие белые перья – как шапочка на голове орла. Это прекрасно, и мне нравится обладать подобной тайной.

На кухне, у зеркала, мать-дочь, выпадение волос – совокупность знакомых трансформационных мотивов. Кроме того, здесь шапочка с белым орлиным оперением, появляющаяся при отсутствии ее собственных натуральных волос, в лакунах, открытых местах ее головы. Появляется сила орла лицом к лицу и вместе с этим психотический потенциал: наслаждаться прелестью обладания этим личным секретом в разгар «вечеринки», несмотря на то, что говорят другие.

Сон более молодого человека:

24 Об орле и шаманизме см. литературу, на которую ссылается Мирча Элиаде в *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, trans. W.R. Trask (Princeton Univ. Press, 1972).

Я стою на камбузе рыболовецкого судна, на котором работаю. Со мной за столом еще четверо членов экипажа и капитан. Я начинаю осознавать, что с каждым из них связано животное, которое они держат. Что это за животные, неясно, так как люди и животные скрыты в тени. Кроме того, я заворожен появлением в воздухе ослепительно яркой и светящейся формы, формы белоснежного орла, чьи перья покрыты темно-синими звездами и полумесяцами. В благоговейном страхе я думаю, что орел несет на них плащ волшебника. Орел садится на меня и расправляет крылья. Постепенно я начинаю осознавать только это царственное создание, которое продолжает извергать молнии и становиться все ярче. Я думаю, что это животное принесет удачу в рыбной ловле.

Из-за нашей предыдущей амплификации орла мы не должны удивляться словам во сне: *ослепительно яркий, белый, синий, светящийся, царственный, молния, благоговение* или повторением слов Логоса, таких как *я думаю, формируют, отражают, осознаю*. Обратите внимание на контраст между постепенным преобладанием образа орла и исчезновением других людей и их животных-компаньонов. Обратите также внимание, как мотив яркого/темного (скрытого, теневого) поглощается образом орла, который включает середину ночи в своей волшебной форме. По мере того как царственное ослепление становится все ярче, «я больше ничего не осознаю». Это завораживающий эффект орла, расправляющего над ним свои крылья. Как говорит Юнг, архетип духа – это одновременно мудрость и волшебник, благодетель и колдун²⁵. Данный эффект подобен возможностям орлиных перьев на голове женщины. Оба сновидца становятся сосредоточенными на себе.

Грозный образ орла, под которым я подразумеваю

25 C. G. Jung, *Archetypes and the Collective Unconscious, Collected Works*, trans. R. F. C. Hull, vol. 9.1 (Princeton Univ. Press, 1969), 413–18.

отождествление с его видением, проявляется в этом сне пожилого мужчины:

Я нахожусь в пейзаже, окаймленном горами. Птицы в небе. Два орла. Огромный, с размахом крыльев от 30 до 50 метров. Я слышу, как хлопают их огромные крылья, когда они кружатся в какой-то любовной игре. Зрелище внушает благоговейный трепет. Рядом находится пруд с рыбой. В нем темная рыба. Внезапно я осознаю, что слева от меня, как будто спрятанная в гроте прямо под берегом, находится огромная рыба. Она черная и обращена к открытой воде. Мужчина, связанный с достопримечательностями этого пейзажа, делает замечания о том, опасно это или нет. Проснувшись, я немного испугался, что рыба опасна. Может быть орлы поймают рыбу.

Здесь, как и во сне о рыбацкой лодке, свет и тьма, небо и вода, орел и рыба принадлежат одному и тому же образу. В обоих снах сновидец ждет, что орел поймает рыбу, противопоставляя их образы друг другу.

Черная рыба в гроте представляется в терминах опасности (орел – в терминах благоговения). Он отождествляет себя с силой орла, как будто его уже перенесли на его место в небе. Амплификация может подготовить нас к этим неожиданностям.

Жираф

Что касается жирафа, то здесь мало обычных знаний, которые можно было бы использовать для амплификации. Ни физиология, ни сказки, ни мифы не рассматривают как предмет жирафов. Это не знаковое храмовое животное в Египте, несмотря на его изображения, и его не следует путать с мифами о сказочных убийствах в Китае или с библейским замаром, хотя иногда жирафа

отождествляют с обоими. Также нет никакого изображения жирафа в классическом греческом искусстве, поскольку он описан только в более поздних эллинистических произведениях.

Но во снах есть жирафы. Молодой женщине из высшего светского общества, страдающей анорексией, снились два жирафа. Другой молодой женщине снится, что она спускается по Цюрихбергу в маленьком поезде с жирафом рядом с ней, но есть опасность, что он столкнется с воздушными проводами и мостами. Она просыпается в тревоге, что жирафу отрубят голову, если поезд не остановит спуск. Третий сон, о котором сообщалось косвенно, был от матери, предположительно фригидной, чьей главной заботой была сексуальная репутация ее дочери: ее могут запятнать.

Изображения жирафа от африканских скал через персидские рукописи до европейских рисунков восемнадцатого века демонстрируют распространенное анатомическое заблуждение: весь торс животного нарисован наклонно вверх. У настоящего животного горизонтальный живот, тем не менее, изображение поднимается, потому что это животное, чья голова находится дальше всего от его тела, а его тело – дальше всего от земли. Заземлять его голову как-то неуклюже. Его голова, естественно, находится на деревьях, над всем этим, отчужденная, поведение «преувеличенно вертикальное», как говорит натуралист Вольфганг Шад²⁶. По словам Хедигера²⁷, в его теле «удивительно мало себорейных [жировых] желез» (наш анорексичный сновидец?) и, по словам Адольфа Портмана²⁸, у жирафа самый высокий уровень развития нервного центра [головного мозга] из всех пар-

26 W. Schad, *Man and Mammals: Toward a Biology of Form* (Garden City, N.Y.: Waldorf Press, 1977).

27 H. Hediger, *Psychology and Behaviour of Captive Animals in Zoos and Circuses* (London: Butterworth, 1955), 91–92.

28 A. Portmann, *Animals as Social Beings*, trans. O. Coburn (London: Hutchinson, 1963), 87–89.

нокопытных животных. Кроме того, в нем отсутствует след обычного признака агрессии: верхние клыки. Материнский инстинкт, за которым мы обращаемся к млекопитающим в качестве примеров, у жирафа не так уж и силен – по крайней мере, в той мере, в какой он наблюдается в неволе.

Протокол Хедигера о первом рождении матери-жирафа в зоопарке Базеля сообщает, что мать боялась ребенка, игнорировала его и растоптала, так что теленка пришлось воспитывать людям²⁹.

В арабском соннике Аль-Дамири говорится, что жираф может означать достойную или красивую женщину, а иногда может указывать на неверность жены своему мужу. Это предвещает финансовую катастрофу или бедствие для вашей собственности, и нет никакой гарантии безопасности человека, которого вы, возможно, захотите взять с собой в свой дом.

Эти предупреждения имеют смысл, учитывая удаленность жирафа от общей территории, его легкомысленную беззащитность и его красоту. В психологии мы могли бы говорить об эстетической аниме – послушном, нежном, девственном качестве изящной неловкости и повышенной чувствительности, которое, однако, убивает, если к нему подойти неправильно или слишком тесно. Мать, которая сама «фригидна», боится, что ее дочь запятнает себя, тем самым потеряв их общий тотем жирафа. А сон о поезде в Цюрихберге рассказывает о затруднительном положении жирафа: как спуститься, не отрубив голову, которая не может преодолеть горизонтальные линии коммуникаций и мостов, пересекающиеся с этой «преувеличенной вертикальностью».

29 Я не выделяю жирафа как единственный пример неловкого материнства, поскольку детская смертность, детоубийство и воспитание новорожденных, как в неволе, так и в дикой природе, являются сложными объектами исследований – я просто замечаю, что животное, используемое Хедигером в качестве свидетеля неловкого материнства, было жирафом.

Первые выводы

Эти амплификации опирались на три взаимосвязанных источника «рассказов» о животных: классический символизм (включая знания, басни и так далее), этнологию или антропологию, историю культуры – короче говоря, мифы. Мы обратились к гуманитарным наукам за описанием появления данного животного в образных контекстах. Вы, однако, заметили, что я осторожен в четвертом источнике – естественной истории, расширяя его в направлении, исходящем от Адольфа Портмана. Классический юнгианский метод использует текстовые источники: символ свиньи, а не свинья из животноводства, лабораторной психологии, биологии. Юнгианский метод следует традиционному разделению двух видов понимания: гуманистического понимания и эмпирического наблюдения.

Однако, читая Портмана, свинья раскрывается наблюдающим чувствам как поведенческий, эстетический феномен – короче говоря, природа – а не только как филологический, символический, текстуальный. *Самовыражение* живой свиньи – это еще один контекст проявления. Поскольку каждое животное, как говорит Портман, является живой формой, оно выражает себя. Все животные говорят. Они говорят как метафорически с наблюдательным воображением, так и с символическим.

Давайте посмотрим, как свинья, краб и жираф выставляют себя напоказ. Оранжево-белый сетчатый покров жирафа являет собой великолепное зрелище. Этот покров, как отметили биологи, не скрывает и не маскирует – что в любом случае является милитаристским термином, возникшим в 1917 году и неправильно применяемым к экологическому соответствию – но обеспечивает повышенную видимость для связи на больших расстояниях. Жирафов надо видеть – они не окликают друг друга. Шерсть свиньи – это само ее туловище, как если бы оно было голым. Фаршированная, как сосиска, компактная, как ветчина, она

представляется как плоть, мясо. Громкая, громоздкая, она тянется за корнями, в то время как жираф вытягивается вверх к деревьям и воздуху (таксономия помещает жирафа и свинью в одну и ту же большую группу парнокопытных или даже копытных).

В отличие от того и другого, краб полностью скрывает свою нежную сладость внутри: кто бы мог догадаться о тонком сочлененном разрезе его внутренностей по колючему, покрытому коркой, ракушкам, драчливому внешнему виду? Чтобы узнать краба, нужно проникнуть в него через его укрытия и маскировку в покрытиях из твердой скорлупы, бронезилет, который он сбрасывает только в моменты спаривания. Сравните их движения: отдаление жирафа с помощью своеобразной галопирующей походки; приземление свиньи с ее короткой рысью; бег краба, выражающий уклонение. Сравните их шеи: у жирафа, как будто для того, чтобы держать голову и туловище отдельно; у свиньи, как будто для того, чтобы они сливались; и у краба без шеи, голова которого находится в его теле.

Или вернитесь к белому медведю, услышав этот отчет от Вольфганга Шада:

Спаривание происходит ближе к концу полярной ночи, в конце марта или начале апреля. Однако развитие эмбриона приостановлено до конца октября... Как раз в начале зимы эмбриональное развитие возобновляется – в разгар самых сильных холодов, в январе, глубоко в снежных пещерах, над которыми бушуют арктические штормы, крошечные, голые, нуждающиеся в тепле детеныши появляются на свет почти как эмбрионы. Здесь причинно-следственные и телеологические объяснения разрушаются. Но существенный характер медведя выражается все более отчетливо... полная независимость их сильно метаболической природы. В пространстве, как и во времени, эти крупные хищники удаляются от окружающего мира и времени года... выживая

*исключительно за счет своего метаболизма*³⁰.

Это внутреннее тепло, независимое от пространства и времени, может выдержать холод темной ночи. *Танас* шамана, «отрешенного от окружающего мира», *природа и культура*, дан вместе с их природой.

Я предлагаю, чтобы мы «читали» само животное, а не только о животном. Я предполагаю, что животное из сновидения может быть амплифицировано как посещением зоопарка, так и словарем символов, и я предлагаю, чтобы мы, толкователи снов, не сводили сновидение к символу, а сводили себя, наше собственное видение, к животному – это сокращение может быть расширением, амплификацией нашего угла зрения, чтобы видеть животное глазами животного.

Что узнает животное, когда оно сталкивается с другим животным? Вне сказок и легенд текст, который представляет собой животное – это живая форма. Чтение жизни из самовыражающихся метафор, которыми и являются животные – это то, что подразумевается под легендами о том, как святые и шаманы понимают язык животных – не в буквальной речи слов, а психологически, от души животного к образу животного, разговаривая с животными, когда они приходят во сне.

Чтобы прочесть животное, чтобы услышать, как оно говорит, требуется эстетическое и экологичное восприятие, для которого психология еще должна натренировать свой взгляд и найти слова, которые выражают не просто аллегорический морализм (типа свинства, мышьиной серости, обезьяньих трюков и медвежьих объятий) и не упрощенные метафоры. Такое эстетическое восприятие учитывает значимость формы, соответствующе, с уважением реагирует, оно благодарно за сам факт, что животное появилось во сне, оно осознает, что этот визит – как мгновенное возрождение Эдема. В этой короткой вечности во сне и в

30 W. Schad, *Man and Mammals* (выше, № 28), 66–68.

последующих воспоминаниях об этом сне, в образах сновидения присутствует изначальное совместное пребывание человека и животного. Когда во сне мы предстаем перед животным, там же есть и Адам и Ева, и мы находимся в Саду, из которого животные никогда не были изгнаны.

Осмелимся ли мы добавить еще один *Мидраш* в этот Сад? Это не просто ностальгия по непогрешимому раю, погружение в невинность или незаконную жестокость. Сад – это мифическая природа, *топос*, где естественные вещи также мифичны, и миф представлен как природа, где животное и имя животного, живая свинья и символ свиньи не могут быть разрушены, где каждое существо поддерживается мифами своей природы, подчиняясь законной дисциплине каждого в соответствии с его видом.

Названия животных

Теперь нам нужно поднять вопрос, который должен привести нас к более глубокому пониманию природы животного во сне. Зачем разделять сны в соответствии с видами животных: сны о свиньях, сны об орлах и так далее? Зачем эти рубрики? На чем основан метод?

Очевидно, что название животного в качестве особенности помещает сновидение в древнюю традицию, восходящую к Аристотелю и Плинию и продолжающуюся по сей день, где систематика следует общепризнанным формам животных – их внешнему виду. Название отражает образ-совокупность привычек, представлений, стиля – с помощью которого каждое животное раскрывает свой вид. Ной тоже ввел животных в ковчег в соответствии с их видами, и так же они предстали перед Адамом – как виды, каждый со своими морфологическими признаками.

Свинья, Краб, Орел утверждают, что каждый вид животных – это узнаваемая сущность, конкретная и видимая универсалия,

всегда одна и та же. Как таковые, эти особенности придают сновидению существенность, а в качестве субстантивов они обладают содержанием и силой, подобно тотемной власти сновидения в целом. Действительно, это сон со свиньей, а не сон с туннелем, потому что каждое имя животного вызывает присутствие дэймона, от имени которого будет рассказан сон. Часто на практике сновидение на самом деле озаглавлено в честь животного – что необычно для сновидения об автомобиле, снов о полетах, снов, наполненных сексуальным контекстом. Они могут быть более распространенными и более эмоциональными, но заслуга в названии принадлежит животному. И я признаю, что неизменно воспринимаю животное во сне как его самый важный элемент, потому что это место, где психика открывается сущностям тайны и красоты, которые так же живы, как и мы, и все же остаются «другими». Животное – это тот странный другой, которого я больше всего хочу вызвать в течение аналитического часа и с помощью которого надеюсь дальше инициировать воображение.

Исследовать и обосновать это чувство субстанции и силы в животном сновидении, примириться с этой инаковостью – наша основная задача. Однако сначала мы должны в общих чертах вспомнить способы деградации животного царства, которые все еще действуют в реакции интерпретатора на сон и в реакции сновидца в сновидении.

Пути вырождения

В снах о животных многие трудности «спящего Я» связаны с тем, что мы получаем животное, которое опасно, мы опасаемся, что его укус, его преследование, вторжение во многие из снов наверняка соответствуют девальвации животного во сне, чтобы искоренить его или ввести в заблуждение сновидца (фраза «Я

думал, что...») и его намерения. Напряженные отношения между человеком и животным в современных снах повторяют западную традицию и деградацию животных в ней.

Западная традиция, касающаяся животных, состоит из четырех основных направлений: еврейского, греческого, римского (стоического) и христианского, каждое из которых состоит из меньших нитей, отражающих разных писателей, экономику, законы и культы. Библия помещает животных в первоначальный Сад и выделяет их для спасения от Потопа. Диетические законы демонстрируют тщательную дискриминацию среди животных, подобную той, которую мы находим в греческом естествознании, например, в биологических трудах Аристотеля. Даже если животное решительно передано в руки человека (Бытие 1:28, 9:2), в Притче 12:10 говорится: «Праведный человек заботится о жизни своего животного...» И в Экклезиасте 13 говорится: «То, что постигает сынов человеческих, постигает зверей... как умирает один, так умирает и другой, да, у всех у них одно дыхание [непеш, душа] – чтобы человек не имел превосходства над зверем». Долгое время Греческая традиция от Пифагора до Плутарха и Порфирия также тесно связывала человека и животное, и предположительно одной из трех нравственных заповедей Элевсина было «не будь жестоким к животным».

Однако это отношение к ивриту и греческому языку, по-видимому, не оказало главного влияния на более поздние западные взгляды. В основном, греческое религиозное чувство, выраженное в животных формах богов, сопровождалось римским государственным культом пышности, зрелищ и жестокости. Несмотря на представления Плиния о том, что животные дороже Богу, чем человек, вера Лукреция в то, что животные счастливее и выше человека, а также популярная третья Георгическая книга Вергилия, римское право дало владельцам животных *право собственности* и *право произвольного обращения с вещью*, позицию, поддерживаемую стоической идеей разума, которой были лишены

животные.

Поскольку греческий язык уступил место латинскому, а еврейский – христианскому, Экклезиаст нигде не упоминается в Новом Завете. Там, где некоторые греческие Отцы (Ориген, Климент, Василий Великий) писали, чтобы показать обнаруженную симпатическую связь между человеком и животной душой, другие (Григорий Нисский) приписывали грехопадение одному источнику: животному способу зарождения или животной сексуальности. В конце концов, Змея была животным.

Основная христианская линия проистекает из самого Нового Завета.

Августин пишет:

Сам Христос показывает, что воздерживаться от убийства животных и уничтожения растений – верх суеверия, потому что, рассудив, что между нами и животными и деревьями нет общих прав, он послал бесов в стадо свиней и с проклятием иссушил дерево, на котором он не нашел плода. Воистину, свиньи не согрешили так, как и дерево³¹.

Наслав бесов на свиней, Христос, согласно Августину, совершенно ясно дал понять, что мир животных не относится к миру людей³².

31 J. Passmore, Treatment of Animals, *Journal of the History of Ideas* 36.2 (1975), 197.

32 В Исповеди 5, 3.5 и 7, 9.15 Августин повторяет Послание Павла к Римлянам 1:23–25, объясняя, что поклонение животным, ощущение их божественности – это отпадение от Бога, поклонение органическому, тленному и смертному, а не бессмертному, созданию, а не Творцу. Парадигма этого греха (предпочтение сотворенного Творцу) – это противостояние между Моисеем, который, подобно орлу, мог смотреть в лицо всевышнему, и красным или золотым теленком. На заднем плане этой сцены изображено териоморфное разделение между орлом и теленком, представленное, например, знаком орла на загонах для скота в древнем Ближнем Востоке, которые наносили,

Фома Аквинский видит пути вырождения в большей степени в стоическом направлении: у животных нет разума, поэтому они были полностью переданы в наши руки. Когда святой Павел говорит, что «Богунетдела до волов», Фома истолковывает это так, что «он не судит человека по тому, как он поступил по отношению к волам или другим животным». Фома действительно отмечает библейские предписания хорошо обращаться с животным, но они, как он утверждает, были необходимы, потому что евреи были склонны к жестокости! Предписания против жестокого обращения с животными заключаются в том, что такая жестокость делает нас преступниками – человек жесток или бессердечен по отношению к другим людям. Это забота не о животном³³.

Кант продолжает рационалистический путь деградации. Животные не обладают самосознанием и существуют лишь как средство достижения цели. Как и Фома Аквинский, он указывает, что доброта по отношению к животным разовьет гуманные

чтобы отпугнуть хищную птицу. Народная традиция гласит, что орел был проклятием для евреев, что свидетельствует – независимо от вавилонских и сирийских ассоциаций с богом – о психологическом осознании опасностей восходящего духа и его трансцендентной теологии, то есть Иоанна, Орла. Разделение между «теленком» и «орлом» может привести к разделению между природой и духом, сотворенным и творцом, как подчеркивается в теологии Павла и Августина.

33 Святой Франциск Ассизский, поднятый из приходской безвестности биографией конца девятнадцатого века (*Paul Sabatiers Life of St. Francis of Assisi* [1893], trans. L.S. Houghton [New York: Charles Scribners Sons, 1928]), часто рассматривается христианами апологетами как пример любви к животным, присущей христианской доктрине. Однако Франциск не имеет большого теологического влияния, и сама эта история рассказана в анонимном «Фиоретти ди Сан-Франциско» («Цветочки святого Франциска»): когда брат Иоанн, ученик Франциска, будучи больным, возжелал отведать свиных ножек, то отрезал ногу у живой свиньи. «Святой Франциск упрекнул его, но без малейшего намека на его бессердечие. Франциск только убедил Иоанна извиниться перед владельцем свиньи за то, что повредил его собственность» (Passmore, *Treatment of Animals* [выше, № 32], 200).

чувства в человеке. Опять же, забота не о животном³⁴.

Теперь моя точка зрения должна стать очень ясной из этого отрывка из проповеди кардинала Ньюмана:

Мы, в свою очередь, не имеем никаких обязанностей по отношению к животному творению – между ними и нами нет никаких отношений справедливости... Они ничего не могут требовать от нас – они полностью переданы в наши руки. Мы можем использовать их, мы можем уничтожать их по своему усмотрению, не для нашего бессмысленного удовольствия, но все же для наших собственных целей, для нашей собственной выгоды или удовлетворения, при условии, что мы можем дать рациональный отчет о том, что мы делаем³⁵.

Нравственная философия Фомы Аквинского, Канта и Ньюмана действительно признавала, что животное страдало. Это чувствующее существо, если не разумное. Животная природа груба только в отношении отсутствия разума – разум, конечно, является отличительным признаком человека, знаком божественного Логоса. Однако для Декарта и Мальбранша даже чувствительная душа способна исчезнуть. Поэтому жестокое обращение с животными логически невозможно, так как они неспособны чувствовать. «Они едят без удовольствия, они плачут без печали, они ничего не желают, они не боятся ничего, они ничего не знают», – говорит Малбранш. Они – машины. Картезианец Жак Роо утверждал, что орган издает больше шума, когда на нем играют, чем животное, когда оно кричит, но мы не приписываем органу чувств³⁶.

34 «Обязанности по отношению к животным и другим духам», в I. Kant, *Lectures on Ethics*, trans. L. Infield (New York: Harper and Row, 1963), 239–41.

35 J.H. Cardinal Newman, *Sermons Preached on Various Occasions* (London: Longmans, Green, and Co., 1908), 79–80.

36 См. Passmore, *Treatment of Animals* (выше, № 32), 204.

Даже наше питание картезианское, или христианское. Согласно одному японскому культурному аналитику: только в западных обществах один этот факт может играть такую заметную роль в диете, потому что только здесь существует онтическое различие между человеком и животным, которое позволяет передать его в руки человека – онтическое различие, которое ритуально отмечается три раза в день³⁷. Подобно одному из верующих, обращенных лицом на Восток, наша вера в человеческое превосходство подтверждается беконом на завтрак, гамбургерами на обед и курицей на ужин, и все это с благодатью – благодарю тебя, Господь, и благослови эту еду. Животное как мясо относится к нашим религиозным убеждениям. Сравните, например, то, что эскимос-иглулик сказал Расмуссену: «Величайшая опасность для жизни заключается в том, что человеческая пища полностью состоит из душ³⁸».

Исторически пути вырождения продолжают появляться во снах. Молодой женщине из католического кантона, находящегося на территории Швейцарии, снится:

Я прохожу мимо стеклянной витрины с маленькими мягкими игрушками разных видов, а также птицами, выставленными на всеобщее обозрение. Когда я подхожу ближе и приглядываюсь повнимательнее, я с удивлением вижу, что все они живые и двигаются.

Мы можем наслаждаться этим маленьким сном как психологической реакцией на Декарта. Животные, которые поначалу кажутся набитыми концептуальными ярлыками, доступными только для объективного изучения, бесчувственного, мертвого, на самом деле помещены в стеклянный сосуд психики,

37 S. Toyoyuki, *The Meat-Eating Philosophy*, ed M. Hyoe and E. Seidenstick-er, eds., *Guides to Japanese Culture* (Tokyo: Japan Culture Institute, 1977).

38 S. Giedion, *The Eternal Present: A Contribution on Constancy and Change* (New York: Pantheon Books, 1962), 290.

в реальный «случай» – и если мы делаем шаг ближе к этому образу животного, мы будем удивлены, увидев, что они живые и подвижные.

Неизбежным противодействием бессердечию является сентиментальность, которая в отношении животных, особенно у британских моралистов с восемнадцатого века и далее, достигает кульминации и другой формы деградации – в этой молитве двадцатого века, написанной в руководстве для британских герлскаутов:

Услышь нашу тихую молитву, о Боже, за наших друзей, животных... мы благословляем тебя за то, что ты заботишься о бессловесных созданиях земли... особенно для животных, которые страдают – для всех, кто переутомлен и истощен... для всех задумчивых существ в плену, которые бьются о прутья решетки, для всех, на кого охотятся или кто потерян или покинут, или напуган, или голоден³⁹.

Вырождение жалости все еще отдает судьбу животного в руки человека. Роли теперь поменялись местами: человека теперь можно рассматривать как животное, как животное привлекательное, но животное остается трогательно зависимым и стоящим ниже нас на эволюционной лестнице.

Наиболее знакомым способом вырождения является теория эволюции. *Homo sapiens* находится на вершине дерева. Тем не менее, теория Дарвина была воспринята изначально и многими до сих пор воспринимается как вырождение человечества. Просто вернув людей в царство животных, Дарвин поставил нас слишком близко к обезьяне, тому виду, который на протяжении веков нес в себе тот или иной аспект культурно подавленного, будь то знание, пьянство, жестокость, дьявольская фигура или полиморфное удовольствие. Психологическая причина, по которой теория

39 См. C.W. Hume, *The Status of Animals in the Christian Religion* (London: Universities Federation for Animal Welfare, 1957).

эволюции встретила такое сопротивление, заключается в том, что обезьяна находится в ее тени.

Представления об эволюции влияют на интерпретацию сновидений. Чем ниже эволюционное место животного, тем больше должно развиваться существо, как, например, в хорошо известном случае, описанном Медардом Боссом, где прогресс в терапии показал аналогию с развитием образов животных в соответствии с эволюционной шкалой, начиная со снов насекомых, пока животные полностью не исчезли из снов. Юнг также считал, что низшие животные, например змеи, свидетельствуют о хладнокровных рефлекторных действиях, далеких от человеческих⁴⁰.

Однако подразумеваемая телеология в теории эволюции состоит не в том, что все виды животных стремятся к человеческому состоянию, а в том, что каждый вид достигает своего собственного совершенства, подобно устрицам и акулам, которые не изменились за миллионы лет. Лягушка во сне не «лучше» рыбы, собака – волка. Нет никаких неправильных или плохих животных, ни во сне, ни в чем другом. Алхимическое предостережение гласит: «Вы не можете сделать дойную корову из мыши». У каждого животного есть свое собственное совершенство: оно не превращается в другой вид. Мышь привносит свою собственную добродетель в сон, и оценочные сравнения между видами одиозны, потому что они искажают образ и оскорбляют как мышь, так и дойную корову.

Разворот теории эволюции – это деволуционный взгляд на животных, иногда называемый анималитаризмом⁴¹. Звери впали в человеческое состояние, и пали за свои грехи. Обезьяны когда-то были людьми, но из-за своих греховных привычек, которые каждый может увидеть, они стали обезьянами, отрасли волосы,

40 C. G. Jung, *Aion: Researches into the Phenomenology of the Self, Collected Works*, trans. R. F. C. Hull, vol. 9.2 (Princeton Univ. Press, 1969), 369.

41 Анималитаризм, или врожденное превосходство животных, обсуждается в его научной документации Артуром О. Лавджоем и Джорджем Боасом в их примитивизме.

потеряли речь и осквернили свои жилища. Юнг в какой-то момент более тонко формулирует деволуционный взгляд на этот вопрос: «Являются ли психические функции животных остатками сознания?»⁴² Подразумевается фантазия о том, что интеллект предшествует инстинкту, инстинктивные реакции являются остатками более индивидуализированных и гибких адаптаций, которые превратились в сегментированные врожденные механизмы высвобождения.

Жан Сервье придает эволюционному взгляду красивый поворот. Он рассказывает историю о том, что животные в культурах Северной Африки, которые он изучал, как говорят, богаче нас. Почему? Потому что богатые дают, а бедные получают – поскольку у людей есть речь и огонь, а у животных их нет, животные дали нам речь и огонь. Их богатство скрыто – они несут в себе невидимый огонь, неслышимое слово.

Внутри Царства Животных

Животное как скрытый благодетель открывает нам серию взглядов, в которых оно так или иначе интериоризируется в человеческую душу – как филогенетические следы, как тотемическая родословная, как врожденные механизмы высвобождения, и от этого животного мы произошли или инстинктивно наделены силой. Именно это животное лицо психики мы видим во сне.

«Поймите, что внутри вас есть стада крупного рогатого скота, – говорит Ориген в третьем веке (в переводе Патриции Кокс), – стада овец и козы... и что птицы небесные также находятся внутри вас... Вы видите, что у вас есть все то, что есть в мире»⁴³. Каждый из нас не просто ковчег, микрокосм, содержащий животных, но

42 C. G. Jung, *Archetypes and the Collective Unconscious* (выше, № 26), 502.

43 P. Cox, *Origen on the Bestial Soul: A Poetics of Nature, Vigiliae Christianae* 36(1982), 115–40.

все эти животные служат функциональной цели внутри нас.

Нам нужны животные, говорит Лоуренс ван дер Пост, потому что они – это отражение нас самих. Мы не можем познать самих себя, пока не увидим свое отражение в них. Они делают возможным наше рефлексивное сознание – действительно, мы обязаны им огнем и речью. Вспомним туннель со свиньей, мерцающий свет костра... Разве эти образы сновидений не подразумевают, что животное погружено в естественный свет (*lumen naturalis*), который мы получаем от него? Изучая животных на стенах пещер Франции и Испании, Клейтон Эшлеман утверждает, что эти первые моменты рефлексивного сознания появились благодаря «названию животных» и размещению их «там», поскольку они были нарисованы на этих стенах полностью внутренним зрением в вызывающей клаустрофобию темноте⁴⁴. Микрокосм перед макрокосмом. Как будто происхождение вида, животного, находится внутри души.

Грант Уотсон, британский натуралист, о котором я уже упоминал, говорит: да, действительно, мы выбросили животных. Не эволюция, а мы, как стоящие на вершине животной цепи, восходящей от амёбы. Скорее, мы отбросили от нашей адамической природы эти животные части. Там бродят гиены, гориллы и маленькие белые ягнята. Конечно, Адам знал имена животных, и пещерный человек мог так верно нарисовать их – они были частью его самого. У каждого животного есть свое особое призвание, отражающее специфические человеческие характеристики, и даже современная лабораторная психология и зоология признают, что один конкретный вид идеально сконструирован для того, чтобы давать ответы на одну конкретную человеческую проблему.

Полная проработка специфической функции каждого вида – это план польско-французского врача-философа Хелен Яворски.

44 C. Eshleman, предисловие к *Hades in Manganese* (Santa Barbara: Black Sparrow Press, 1981).

Его формула лаконична: «Зоология, интериоризированная, становится физиологией – физиология, экстериоризированная, становится зоологией⁴⁵». Животные там – наши человеческие органы.

Батрахиумы (лягушки и жабы) представляют кожу: человеческие потовые, сальные и потогонные клетки имеют аналогию в кожных выделениях лягушек и жаб. Ракообразные – это конечности, даже их глаза находятся на стеблях, и отделенную клешню можно отрастить снова. Змеи потеряли свои конечности ради пищеварения, интериоризируя свое передвижение до двигательной перистальтики. Они переваривают пищу в течение нескольких дней, беззащитные и сонные, чему способствуют даже их позвоночник и челюсти, которые могут вывихнуться, чтобы вместить пищу большего размера, чем они сами. Рыбы – строение скелета; моллюски и осьминог – женские гениталии; насекомые – внешний эквивалент вегетативной нервной системы человека, отсюда их симбиоз с растительным царством. Высшие млекопитающие – это экстериоризации (или «разрастающиеся души» на более древнем языке) человеческой психики и ее эмоций. У обезьяны, например, все руки, даже их хвосты – это руки. Раскачивание, ковыряние, уход, поддразнивание: это проявление манипулятивных способностей. Лев – это храбрость, лиса – хитрость, а леопард – жестокость. Далее: «если бы все живые формы исчезли, человек, разделенный на каждую из своих различных частей и органов, мог бы воссоздать их снова».

Это гомеопатическое видение предлагает глубокое органическое родство, сохраняя при этом человеческое превосходство. Мы можем воссоздать животных по одной из наших органических функций, но только все они вместе, когда каждое выполняет свою специфически ограниченную функцию, могут воссоздать человека. Животные остаются частичными

45 Н. Jaworski, *Batrachia, Reptiles, Birds-Their Significance*, *British Homeopathic Journal* 48.3 (1959).

функциями. Они сами идут к нам в руки. Идея животного как внутренней функции человека продолжает существовать в глубинной психологии. Фрейд пишет:

Животные, как правило, подвергаются воздействию работы сновидения, чтобы выразить страстные импульсы, которых боится сновидец... Затем требуется лишь небольшое смещение, чтобы дикие звери стали представлять людей, одержимых этими страстями... Ужасный отец представлен хищным зверем, собакой или дикой лошастью. Большинство животных, которые используются в качестве генитальных символов в мифологии и фольклоре, играют ту же роль в снах, например, рыбы, улитки, кошки, мыши (из-за лобковых волос) и, конечно же, наиболее важные символы мужского органа – змеи. Мелкие животные и паразиты представляют собой... нежелательных братьев и сестер⁴⁶.

Вильгельм Штекель развивает эту идею. Жаба – это матка; мокрые, скользкие животные (улитки, лягушки и так далее) должны восприниматься как женские; собака, змея и птица являются эквивалентами пениса. Блоха – это фаллос, потому что она свежая, живая и агрессивная. Эрнест Джонс объясняет, почему изображения животных представляют сексуальное либидо:

Несомненно, особенность животных, которая больше всего привлекает... это свобода, которую они проявляют в открытом удовлетворении потребностей, особенно сексуального и экскрементного порядка... Наблюдение за совокуплением животных часто является первым опытом сексуального характера в детстве... Животные, таким образом, предоставляют себя для индивидуальной репрезентации грубых и необузданных желаний⁴⁷.

46 S. Freud, *The Interpretation of Dreams*, trans. J. Strachey (London: George Allen and Unwin Ltd., 1954), 357–416.

47 E. Jones, *On the Nightmare* (New York: Liveright Publishing Corp.,

Теперь послушайте Юнга о животных:

Люди не понимают, когда я говорю им, что они должны познакомиться со своими животными или ассимилировать их. Они думают, что животное всегда прыгает через стены и устраивает ад по всему городу. И все же по своей природе животное является благовоспитанным гражданином. Оно благочестиво, оно следует по пути с большой регулярностью, оно не совершает ничего экстравагантного. Только мужчина экстравагантен. Поэтому, если вы ассимилируете природу животного, вы становитесь особенно законопослушным гражданином, вы можете двигаться очень медленно, и вы становитесь очень разумными в своих действиях... У нас совершенно неправильное представление о животном – мы должны не судить со стороны. Со стороны вы видите, возможно, свинью, барахтающуюся в грязи, но это отчасти потому, что человек сделал свинью такой – глядя на свинью со стороны, мы видим ее грязной... Но это не о свинье. Вам следует оказаться на месте свиньи⁴⁸.

Это был Юнг пятьдесят лет назад. Современная аналитическая психология превратила эту базовую эмпатию к животному в идеализацию теоретической абстракции: инстинкт. Сейчас животное во сне функционирует как представитель филогенетически более древнего уровня психики, часто называемого «инстинктивным», «хтоническим», «примитивным» или просто «телом», от которого современное эго считается слишком далеким. Сновидения с животными компенсирует чрезмерно рационализированное и денатурированное состояние человека

В статье Марио Якоби хорошо представлена современная

1951), 69–70.

48 C. Douglas, ed., *Visions: Notes of the Seminar Given in 1930–493-4 by C. G. Jung*, 1 vols. (Princeton Univ. Press, 1997), 1:168.

юнгианская точка зрения: «Сны о животных в первую очередь компенсируют постоянно присущую людям опасность потери инстинктов⁴⁹». Инстинктивная основа человеческой природы подобна внутреннему зверинцу, в котором необходимо заботиться обо всех видах, иначе они окажутся голодными или вымрут. Любое животное, которое становится слишком пожирающим, представляет это частичное побуждение, жертвой которого стал человек. Например, падение жертвой стадного инстинкта проявляется в снах с овцами и козами, инстинкт власти проявляется в снах о льве и орле. Мышь, которая грызет в темноте, выражает возмущение сексуальными побуждениями, которые человек считает незначительными и в то же время тревожащими и пугающими: «Животное из сновидения, таким образом, является образом специфического инстинктивного поведения⁵⁰».

Животное «представляет». У него одна единственная функция: грызун грызет, овцы собираются в стада. Этот способ понимания следует старому аллегорическому топосу. Григорий Нисский, например, утверждал, что люди становятся жабами из-за похоти, стервятниками из-за жестокости и тиграми из-за гнева. Животные классифицируются исходя из того, что у каждого из них есть только одна так называемая инстинктивная функция. Этот метод похож на средневековый bestiарий, где каждое животное служит для морализации в терминах Христа. Каждое животное служит для морализации с точки зрения эго, которое видит стереотипный аспект самого себя в поведении животного.

Помимо неисследованных теоретических предположений, которые разделяют человеческую природу на инстинктивное бессознательное и рационализированное культурное сознание, между которыми действует система компенсаций, где символы животных функционируют как сервомеханизмы, этот

49 M. Jacoby, *Das Tier im Traum*, Studium Generale 20, no. 3 (1967).

50 «Das Tier im Traum ist also ein Bild eines spezifischen Instinktverhaltens» (там же).

компенсаторный взгляд, как говорит Юнг, не помещает вас на место свиньи. И он пренебрегает характером каждого животного. Басни, мультфильмы, игрушки и детские сказки по всему миру показывают, что каждое животное забавно, на него весело смотреть и в него можно играть.

Домашняя мышь

Рассмотрим домашнюю мышь: у нее не просто одна функция, и ее образ во сне – это не просто символическое отображение этой функции. Это расплющивает образ мыши, делая ее вторжение в сон слишком понятным. «Быть внутри образа мыши» означает отдать должное богатому, целостному существу, которым является каждое животное, с его сложными адаптивными манерами питания, размножения, воспитания, передвижения, его окраской и глазами, его географией. Каждое животное представляет собой не только способ выживания и самосохранения, оно также демонстрирует паттерны защиты и патологизации, а также позволяет наслаждаться миром с помощью специальных чувств и интеллекта. Мыши не просто грызут, они слушают. И они прекрасны.

Если вы окажетесь на месте мыши, вы сможете сидеть там тихо, как мышь, и слышать мир, его малые тональности, его шепот, для этого вы должны оставаться очень близким и в то же время очень скрытым – каждый мускул жив и неподвижен (а «muscle» и «mouse» – этимологические родственники) – чтобы не мешать происходящему, звукам, запахам, не привлекая к себе внимание. Намеренный, интенсивный, вы следуете по четко регламентированным, почти пуританским путям, потому что можете впасть в парализующую истерику, если вас обнаружит кошка или змея. На своей маленькой серой спине вы несете внезапность *invenio*, неожиданность, врывающуюся в привычное, как возвращение мертвых душ, особенно маленьких (детей), как

развратные страсти и жажду пьянства людей, запертых в домах. Вы должны быть одновременно скрытным, скромным, и в то же время наглым, дерзким, торопливым, потому что воровство в вашей природе, взлом и проникновение через коробки, мешки с зерном, стены – все, что лежит и хранится, подвластно изобретательному гению мыши, вдохновляя изобретательный ответ на создание лучшей мышеловки, ибо вы подобны маленькому меркурию, хитрому трюкачу, который не терпит перегородок, делая дыры и открывая пути, которых люди боятся как «загрязнения», беспорядочного распространения через быстрое размножение или через блох и болезни⁵¹. И кошке, которая ради своего эгоцентричного комфорта контролирует хозяйство, нужно, чтобы вы охотились, поэтому вы довольствуетесь объедками, крошками, тем, что перепадает вашей жадной скромности.

Остерегайтесь заключать мышь из сна в ловушку теорий сексуального подавления и функциональной компенсации. Вместо этого, погрузившись в териоморфное воображение, вы можете спасти этот феномен от теорий. В конце концов, это была забота Бога – спасти феномен «животное» (или это нуменон?) – для чего он повелел построить ковчег. Мир может пойти ко дну, его города, леса и равнины, и все его люди, за исключением одной нуклеарной семьи. Но то, что должно выжить из всего, что Он создал – это семена творения, животные.

⁵¹ Хедигер (Psychology and Behaviour [выше, № 29]) пишет: «Человек должен объявить войну мышам, не только в зоопарках, но и везде; у нас нет выбора, либо мыши, либо люди... Благодаря своему меньшему размеру мыши способны проникать в места... [и] прятаться там, и это важно, учитывая, что они переносят болезни... Помимо чумы, они могут переносить тиф, тяжелый энтерит, лептоспирозы и туляремию, часто переносят сальмонеллез и вирусные инфекции, а также грибковые заболевания... Приведенный выше список ни в коем случае не является исчерпывающим...»

Тело

Я хочу продолжить свою критику взгляда глубинной психологии на образы животных далее, чем ее предположения об инстинкте в сравнении с культурой, и далее, чем использование каждого животного в качестве аллегорической маскировки для этих так называемых человеческих инстинктов. Нам также необходимо поставить под сомнение идентификацию животного с телом.

«Тело» – любопытное слово в английском языке, обычно означающее лишнюю конечностей, безголовую центральную массу или туловище, неартикулированное и свернутое, скомканное и даже инертное. Часто это собирательное существительное: водоем (объем воды), отряд солдат (корпус), корпус сочинений. Его происхождение неясно: англосаксонский *boding*, восходящий к древневерхненемецкому слову «*bot/pot*», вероятно, связан с немецким *Hottich*, что значит пивоваренная ванна, бочка, чан. Это отношение сомнительно, а других нет. Слово-сирота без двоюродных братьев и сестер. Гигантская этимологическая энциклопедия Покорны не уточняет этого. В шедевре Онианса, посвященном идеям органов и функций тела, не обсуждается само слово в названии книги⁵². Двухтомное фрейдистское исследование языка Таса Тьенеманна утверждает, что «в языке человеческое тело является первичной реальностью, и ссылки на тело и процессы в теле предшествуют любым ссылкам на объекты⁵³». Тем не менее, Тасс Тьенеманн отказывается от рассмотрения главного слова, тела, к которому, как он утверждает, относятся все остальные.

«Тело», первичный референт феноменологии, остается на удивление неотраженным словом в английском языке. Возможно,

52 R. B. Onians, *The Origins of European Thought about the Body, the Mind, the Soul, the World, Time, and Fate* (Cambridge Univ. Press, 1954).

53 T. Thass-Thienemann, *The Interpretation of Language* (New York: Aronson, 1968, 1973).

эта несовершенство и есть именно то, что означает тело, своего рода тупое, грубое явление, прямое, наивное и невысказанное. По-видимому, это корневая метафора натуралистического заблуждения в психологии. Терапевтические попытки дифференцировать тело, пробуждая его и постигая психику через него – например, через телесную терапию – таким образом, может быть попытками работать не через «тело» как таковое, но через сознание, пойманное в ловушку натуралистической перспективы.

Изображения животных могут отличаться этим натурализмом. Вместо того чтобы находить животных в теле, мы можем разбить «тело» на образы животных. Различные пары животных тянут множество колесниц сексуальной любви (как изображено на фресках в Ферраре⁵⁴), тем самым дифференцируя сексуальное тело в стиле лебедя, свиньи или манере спаривания, как у двух горлиц. Физическая жизнь (инстинкт) всегда изображена⁵⁵. Тело всегда переносится душой определенным способом. И этот способ происходит от образов души. Изображения животных, таким образом, являются носителями телесного существования. Или, лучше сказать, нет такого понятия, как «тело» как таковое, поскольку в библейском и в иврите для него не было слова, но есть много разновидностей изображений животных, более соответствующих реальному поведению и более точных и эффективных для захвата его моделей, чем общее понятие «тело»⁵⁶.

54 Здесь древняя христианская моралистическая идея о «шкурах животных» или «пальто» (см. Даниелу, *La Colombe et la tenebre dans la mystique*, «Византийская древность», *Eranos Yearbook* 23 [1954]), которые заключают духовную сущность человека в звериную одежду, нас самих, заключенных в биологическое существование, переоценены воображением эпохи Возрождения. Образы животных становятся фантазиями, средствами для переноса нашей биологической направленности в дифференцированные модели действия и отражения.

55 О психологизации термина «инстинкт» см. мои *Re-Visioning Psychology* (New York: Harper and Row, 1975), 244–45, и *Essay on Pan*, в *Pan and the Nightmare* (Putnam, Conn.: Spring Publications, 2007), XXIII–XXVI.

56 Дифференциация «тела» с помощью образов животных представлена

Когда животных приравнивают к телу, обычно происходит одно из двух. В первом случае животные должны представлять эту неуклюжесть тела, словно оно низкое, загнанное и желанное, безголовое и обременительное животное, как говорит У.Б. Йейтс в своих последних стихах («Человек и эхо»).

*Проснувшись, он думает, что он Господь, потому что
У него есть неуклюжее тело.*

Или животных хвалят за их удивительную инстинктивную уверенность, мудрость тела как естественное превосходство внутреннего животного, которому миллион лет. Чтобы стать здоровым и нормальным, нужно только позволить животному вести, следуя за телом.

Другой поэт, Джеральд Бернс, ставит под сомнение идеализацию тела психологией:

*Анализ ума неполон,
Когда тело значит что-то нормальное,
И то, как человек тщетно извивается, или ярость
ускользает от внимания.*

в этом отрывке из семинара Юнга «Заратустра» (3 июня 1936 года): «Тело – это изначальное животное состояние, мы все животные в теле, и поэтому у нас должна быть психология животных, чтобы мы были в состоянии жить в нем... Поскольку у нас есть тело, мы обязательно существуем как животное». (J.L. Jarrett, ed., *Nietzsches Zarathustra: Notes of the Seminar, 1934–1939*, C.G. Jung, 2 vols. (Princeton Univ. Press, 1988), 2: 967. Эта «психология животных» состояла бы в том, чтобы вернуть «тело» в его «первоначальное животное состояние», то есть представить и пережить события «тела» как живые, хотя и не в стиле Яворского, Якоби и др. Мы бы воспринимали каждый орган, каждое физическое ощущение и поведение не как одну функцию (овцы – «равно» стадный инстинкт и т. д.), а с териоморфным воображением. Например, когда я спорю с кем-то, я как краб в своем твердом панцире, я щиплю противника; иногда я величественные, как лев; иногда – веду себя, как обезьяна, болтаю и бегаю. Мухаммед Али, говоря о своем стиле бокса, использовал териоморфное воображение для «телесных» движений: «Пари, как бабочка, жаль, как пчела».

Приравнивая животных к телу, мы усредняем их специфические особенности. Они исчезают в собирательном существительном, как в плавильном котле. Они теряют свои имена. Мы не обращаем внимания на то, что тело обезьяны отличается от тела лошади, а тело лошади может быть разным в зависимости от того, как оно изображено: лошадь в стойле бьет копытом, тянет тележку с пивом, берет губами сахар? Какого она цвета, где она и с кем она? Животное из сновидения находится в образе, а не в теле.

Кроме того, животное во сне представляет не мое тело, что бы ни означало это слово, а его тело, существенную инаковость его формы и движения, проявление его физического присутствия.

За пределами интериоризации

Было время, когда психоанализу приходилось интериоризировать животных, низводить их до «внутреннего психического зверинца», этого микрокосма Оригена, этого стандартного латинского *топоса* животной души как джунглей или зоопарка внутри человеческого существа⁵⁷. Интериоризация в инстинкт, в тело – это способы вернуть то, что было выброшено, и привести животных к внутреннему чувству родства. После крайней онтической инаковости стоиков, римлян, христиан и картезианцев, где животное было просто развлечением, собственностью, мясом и машиной, внутренняя отделка, по крайней мере, давала животному царству обитель в душе.

Душа, однако, прошла долгий процесс субъективизма. Это уже не психика в платоническом смысле («я внутри нее»). Душа

57 «Таким образом, римлянин видит низший анимус как джунгли или как эти парки Востока, наполненные оленями для королевских охот. Именно дух, поддерживаемый волей, является охотником и дрессировщиком, который должен убить или приручить этих монстров души, устранить или подчинить эти чуждые ей энергии» (Y. A. Dauge, *LeBarbare* [Brussels: Collection Latomus, 1981], 606).

приняла внутренний персонализм Августина («это внутри меня»), кульминацией которого является интроспективное отождествление всех событий души как «моих», «мои эмоции», «мое тело и его потребности». Таким образом, мышь во сне – это мое беспокойство, а свинья – моя жадность. Имманентность утратила свою инаковость, которую Юнг пытался восстановить своим представлением об объективной психике, где образы существуют сами по себе. Как лиса в лесу, которая не моя только потому, что я ее вижу, так и лиса во сне не моя только потому, что она мне снится.

Чтобы животные существовали в своей собственной инаковости, они должны быть защищены от закона компенсации, который провозглашает, что «сон строго причинен», всегда в компенсаторной связи с «сознательным разумом⁵⁸». Пока я могу влиять на животных в своем сне из состояния обыденного бодрствующего сознания, их трансцендентное инобытие невозможно отделить от моей бессознательной психической жизни, грехов и желаний, эмоций, которые животные в этом сне представляют⁵⁹. Они находятся не внутри человеческой природы, но внутри них содержится взгляд на человеческую природу – наша субъективистская теория личности строит клетки внутреннего

58 C. G. Jung, *Practice of Psychotherapy, Collected Works*, trans. R. F. C. Hull, vol. 16 (Princeton Univ. Press, 1966), 334.

59 Сведение каждого животного к единственному значению стереотипного признака также является результатом того, что Эмиль Мале называет «манией символизма» (*The Gothic Image: Religious Art in France of the Thirteenth Century*, trans. D. Nussey [New York: Harper Torchbooks, 1958], 48). Символический взгляд на соборную скульптуру тринадцатого века – которая читает каждого зверя и составное существо как символ религиозной психологии – использует животное для субъективистских функций. Но Мале говорит, что мастера не вырезали символы животных: они «наслаждались природой ради нее самой». Именно само животное вдохновляло их на художественные изобретения. Поэтому животные так ярки и глубоки. Это не символы, а настоящие образы, животные как они есть, даже если это не реалистичные копии с реальной природы.

зоопарка. Закон компенсации полностью передал животных в сновидениях в руки человека, в руки наших гуманистических интерпретаций.

То, что я критиковал как функционализм, символизм или субъективизм, может быть отнесено к интериоризации. Образ животного как репрезентация органа, влечения или *бытия* все еще является деградацией, даже если этот способ является самым тонким и психологическим. Потеряно животное как другое, его владение собой как самостоятельным существом со своей собственной природой, не ассимилируемой с моей. Можем ли мы оставить животное там, в его непохожести, и все же сохранить его психологическое значение и наше родство с ним? Можем ли мы оставаться психологичными без интериоризации?

Генри Франкфорт⁶⁰ борется с аналогичным вопросом, касающимся отношений между животными и богом в египетской религии. Во-первых, Франкфорт говорит, что термин «животные боги» неверен. Они не были тотемными фигурами – не было священной связи с животным, и животное не функционировало как символическое представление бога «так, как орел объясняет характер Зевса»: «В связи между богом и животным в Египте не было ничего метафорического». Никакого функционализма. Никакой интериоризации. Скорее, «животные как таковые имели религиозное значение для египтян. Их отношение вполне могло возникнуть из религиозной интерпретации непохожести животного. Признание непохожести подразумевается во всех специфических религиозных чувствах». Здесь Франкфорт ссылается на Рудольфа Отто.

«Тогдамыпредполагаем, – говорит Франкфорт, – что египтянин интерпретировал нечеловеческое как сверхчеловеческое, в частности, когда он видел это в животных – в их нечленораздельной мудрости, их уверенности, их решительных достижениях и, прежде

60 Н. Frankfort, *Ancient Egyptian Religion* (New York: Farrer Torchbook, 1961), 8–14 (Sacred Animals and Otherness).

всего, в их статичной реальности. У животных непрерывная смена поколений не принесла никаких изменений... Казалось бы, они разделяют друг друга... фундаментальная природа творения: его повторяющаяся, ритмичная стабильность. Каждое животное подтверждает, что живые формы продолжают – это вечные формы, которые ходят вокруг. Животное – это вечность, живая и выставленная напоказ. Каждый жираф и белый медведь являются как индивидуальностью здесь и сейчас, так и самим видом, неизменным, всегда создающим себя в соответствии с видом. Каждый белый медведь представляет вечное возвращение духа белого медведя в качестве охранника Яна, *ректора спиритуса*, из которого, по словам Ивара Полсона, говорящего о циркумполярных арктических народах, возникает сама идея Бога. Боги «возникли внутри самого животного мира, то есть вместе с настоящим животным⁶¹».

Это дает ответ на вопрос о природе видов, общих названиях бестиария – например, Свинья, Орел, Краб. Их названия восходят к Адаму в мифическом саду. Каждый вид представляет собой первичную субстанцию или живой архетип в виде видимого образа, к которому вопрос о происхождении, будучи временным, неприменим. Происхождение вида находится за пределами исторического, эмпирического знания. Сами виды могут быть восприняты как истоки, как откровения вечных форм, и поэтому теории неоднократно обращаются к ним за тайной происхождения.

В образе животного есть вечное возвращение в смысле Элиаде, не как инстинкт смерти, повторяющийся в энтропии, но исходящий всегда из творения. Как несметные стада буйволов для равнинных индейцев были одним и тем же буйволом, возрождающимся из земли каждую весну. Неподвластное истории существо, которое прорывается сквозь историю. Повторение как обновление, благословение, свидетельство продолжения творения. Итак, когда последний жираф, последний белый медведь падут мертвыми, это

61 Paulson, *The Animal Guardian*, (выше, № 2), 218.

будет также первый жираф, которого назвал Адам и который был на ковчеге. Его падение – это угасание вечного семени, убитое божество – и это богоубийство.

«Их уверенность, их решительное достижение, их статичная реальность» (Франкфурт) подтверждает в людях животную веру. Мы полагаемся на термин «животное», чтобы выразить нашу безоговорочную уверенность в реальности бытия. То, что мы абстрактно называем «инстинктом» – это поведение уверенности, демонстрирующее веру в повторяющиеся, статичные реальности, «следование пути, – как сказал Юнг, – с большой регулярностью». Западный культ человеческой воли, его вера в исторический прогресс, конечно, объявляет этих свидетелей изначальной веры в реальность непрерывности принадлежащими к меньшему царству или объявляет их уже по определению вымершими, то есть бездушными, иррациональными или механическими. Но восстановление этих форм в наших снах может восстановить ту животную веру в повторение непрекращающихся реальностей, ту животную уверенность, как это называет Франкфурт, или сохранение вида, как это называет биология. Животное – это решительный ответ нигилизму: оно должно продолжаться, каждое в соответствии со своим видом. В каждом животном повторяется ковчег и Сад. В *то время*, этим утром в твоём сне.

Непохожесть каждой формы животного – вот что Адольф Портман, изучая реальную природу, позволил нам увидеть и почувствовать в течение тридцати лет в «Эраносе» (любопытно, что в течение многих лет он выступал с лекцией последним, завершая каждый год этой замаскированной данью уважения царю животного царства. В последние годы «Эранос» заканчивался лекциями о Египте, где животное также высоко почиталось. Таким образом, заключительные лекции, обращенные к животным, свидетельствуют о нашей вере в непрерывность «Эраноса»).

Портман настаивал на том, что «внешность, как и опыт,

является основной характеристикой бытия живым⁶²». Все живые существа стремятся представлять себя, демонстрировать себя, выставлять себя «напоказ» – *ostentatio* – что является общепринятым латинским переводом греческого *phantasia*, фантазия. Хвастовство каждого животного – это его фантазия о себе, его представление о себе как об эстетическом событии без скрытой функции. Портман привел множество доказательств этих «безадресных появлений». Например, маленькие прозрачные океанические существа, которые живут внутри других более крупных существ или ниже глубин, куда может проникнуть свет, не имеют самих органов зрения, и их ярко-яркие и симметрично узорчатые формы не выполняют никаких функций, ни в качестве посланий своему собственному виду, ни в качестве привлекательности или предупреждения, ни в качестве маскировки. Чистая внешность ради нее самой – безадресно. «Здесь самовыражение реализуется в чистом виде. Внешний вид является результатом очень специфической структуры плазмы – это ее собственное предназначение⁶³».

Внешний вид – это его собственная цель – разве это не говорит о том, что животное является эстетическим созданием, что глаз животного – это эстетический глаз, и что животное вынуждено эстетической необходимостью представлять себя как образ.

Радикальное понимание Портманом биологической необходимости эстетики взрывает чисто функциональную идею животных, которые изо всех сил пытаются прокормиться и размножиться, всегда в страхе и трепете, их поведение как простая территория или собственность, и причина их существования на

62 A. Portman, *Entlauft die Natur den Menschen? Gesammelte Aufsätze zur Biologie und Anthropologie* (Munich: Piper Verlag, 1971): Das Erscheinen ist wie das Erleben ein Grundmerkmal des Lebendigen (84).

63 «Hier ist Selbstdarstellung in der reinsten Weise verwirklicht. Die Erscheinung ist das Werk einer ganz spezifischen Plasmastruktur, sie ist ihr eigener Zweck» (там же, 86).

земле – чистое сохранение без духа, без спорта, без игры. И мы также видим, как человеческая психология, используя этот узкий взгляд на жизнь животных, не может иначе воспринимать их образы во сне, подразумевая, что путь назад в царство животных для людей может быть проложен только через жестокость и скотство – секс, телесность, территорию, борьбу или бегство, механизмам высвобождения, запечатление – природа все еще «красна на клыках и когтях» (А. Теннисон «In memoriam», *прим. ред.*). Тогда поведенческая психология, основанная на биологии, должна рассматривать эстетику как вторичное сопровождение большего количества функций по сохранению видов или как случайное украшение. Психология отказывалась видеть, что животное царство – это в первую очередь эстетическая демонстрация, фантазия для демонстрации цветов и песен, походок и полетов, и что это эстетическое проявление является первоначальной «инстинктивной» силой, присущей органической структуре.

Благодаря попытке делитерализовать интериоризацию, мы делаем второй шаг. Во-первых, мы должны были увидеть, что внутреннее пространство образов животных находится не внутри нас. Теперь нас подводят к пониманию того, что это внутреннее также не находится внутри них. Их внутренняя сущность заключается в их внешности. Внутренняя самость животного проявляется в его отображаемом изображении. Интериорность не обязательно должна следовать антропоморфным и субъективным представлениям о памяти, опыте и интенциональности. Не самосознание, а самопрезентация.

Я продолжаю здесь тему, которую я начал формулировать в прошлом году как «глубинную психологию экстраверсии» – поворот к миру как психологической арене, где любое событие, отображаемое чувствами, также является воображаемой формой. С этой глубинной точки зрения мира все вещи являются проявлениями, а воображение и восприятие, невидимое и видимое, интуиция и ощущения не разваливаются, когда их различают

животным глазом.

Как получить этот звериный глаз? Как поместить себя внутри образа свиньи? Мы затронули несколько способов: установление филогенетических соответствий с эмбриологией человека; интериоризация животных как физиологии человека; рассмотрение стереотипного поведения как аллегорий (жадная свинья); раскрытие символической сущности посредством усиления (пожирающая мать-земля свинья). Теперь давайте выйдем за рамки соответствий, символизации, интериоризации и живых форм как метафор. Давайте попробуем еще раз войти в царство животных. Сможем ли мы подняться на борт ковчега?

Мужчине снится:

Я гуляю со своей женой где-то на улице. Мы замечаем много муравьев, мы интересуемся ими, даже опускаемся, чтобы посмотреть на них поближе. Быть может, смотреть на них – это все равно как быть одним из них. Видеть вещи такими, какие они есть.

В следующем сне жена опускается на колени перед собакой, чтобы показать некоторым детям, которые не могут научиться собачьему трюку, как это делается. И собака тогда легко выполняет свой трюк. Преклоняя перед ними колени, снисходя, мы начинаем видеть так, как видят они. Боги сохраняют этот звериный глаз. Их головы животных и маски животных демонстрируют их животное сознание. Голова животного на человеческом туловище поддерживает это низшее, имманентное видение сотворенности – создателя и создания, Бога и животного в одной и той же фигуре.

Видеть глазами творения – это акт воображения мира таким образом, чтобы он проявлялся в продолжающейся анимации, в продолжающейся игре творения, в которой человеческое сознание участвует посредством воображаемых действий. Не творческое воображение как некий чудесный дар, создающий образы, произведения искусства и идеи. Скорее, перенесенный

глаз сам высвобождает то, что есть, в свою собственную сотворенность, каждое событие как проявление творчества. Человеческое воображение не является творцом, не творит – оно видит творческое, смотрит творчески на происходящее в мире – оно «играет».

Действие, «игра» по-английски, коренится в значениях «танцевать от радости», «радоваться» – как в еврейских легендах, которые поют хвалу животным. Слово «играть» наполнено животными эмоциями. Красоваться, танцевать или иным образом демонстрировать себя, как петух, как курица перед цыплятами; передвигаться быстро и капризно (как козел); летать, шнырять туда-сюда, чтобы резвиться, порхать, свободно колебаться, словно игра света на блестящей, сверкающей, светлой поверхности (например, перья, панцири, чешуя). С «животного» ракурса идея игры выступает как раскрытие фантазии в действии, ее свободное движение, оживленная радость при представлении образа. В этом смысле игра – это видимое проявление невидимого, свободное от цели, функции, отличное от его собственного отображения.

Фонетическая связь между игрой и демонстрацией – и я узнал от Пола Куглера⁶⁴, что такие связи могут указывать на более глубокие связи – предполагает, что стремление животного к самораскрытию является достаточной причиной для его создания. Это именно та помощь, которую он предлагает Адаму: животное постоянно напоминает, что игра творения – это откровение. Быть – значит быть увиденным, красота дается вместе с существованием. Как показывает Портман, быть увиденным так же генетично, как и видеть: органические структуры создания образцов и симметричный взгляд являются такими же генетическими, как и органы зрения, которые позволяют видеть картинку. На самом деле шерсть генетически предшествует глазу, который ее видит. Именно эту красоту феноменального и его вечное возвращение

64 P. Kugler, *The Phonetic Imagination, Spring 1979: An Annual of Archetypal Psychology and Jungian Thought*, 126–28.

того же самого раскрывают животные, как будто они упиваются своей собственной фантазией – не информацией, не общением, не метафорой – за пределами понимания и смысла, красотой этих удивительно сложных и «других» живых существ. Это как если бы они говорили: посмотрите как мы с уважением относимся к вам, что означает «посмотрите еще раз», как если бы глаза Адама были созданы для того, чтобы видеть их образы или видеть их как архетипические образы.

Внутри ковчега, конечно, было темно, потому что ковчег был покрыт смолой внутри и снаружи (Бытие 6:14). В каком же свете тогда видели существа? Каково видение этих семян⁶⁵ в ковчеге, основное видение? Еврейская легенда гласит, что Бог послал архангела Рафаила Ною с книгой мудрости, в которой были записаны все тайны и загадки. С помощью этой книги Ной знал, как выполнить свою задачу и собрать животных. С собой в ковчег он взял эту книгу, и она была сделана из сапфиров, и благодаря ее свету все существа в ковчеге могли видеть.

Нетленная субстанция целума – это свет, которым видят тленные животные. У естественных животных есть образное видение; физический мир воспринимается метафизическим светом. Чтобы вернуть нашему человеческому глазу этот сапфировый свет, мы должны быть прижаты среди животных к каменной стене. Путь к воображаемому лежит в животном. Объяснения этого голубого софического света следует искать в трудах Гершома Шолема, Анри Корбена, К. Г. Юнга и в пятидесяти ежегодниках «Эраноса». Мы приходим на эти конференции ради этого света. Со своей стороны, позвольте мне только предположить, что глаз, который видит с помощью живого зрения, привнесен животным во сне. Голубое видение находится внутри свиньи, и мы проникаем внутрь свиньи ради ее сапфирового света. Интериоризация – это не они в нас, а мы с ними внутри ковчега.

⁶⁵ *The Zohar 1:59b (Pritzker Edition, vol. 1, trans. D. C. Matt [Stanford Univ. Press, 2004], 341).*

Почему они приходят к нам, животные? Если они не часть нас, если не субъективные частичные побуждения, символические представления стереотипных стилей, но присутствия, даймоны – чего они хотят, населяя наши сны?

Почему белый медведь входит в дверь, орел спускается, чтобы сесть среди людей?

Женщине снится:

Есть много крошечных животных существ, обладающих фрагментами оригинальных знаний, руководств, которые они ревниво оберегают с большим упорством, чтобы сохранить их и самих себя живыми. Я наблюдаю, как они берегут эти фрагменты и суетятся вокруг, строят или перестраивают свое жилище, и я чувствую уверенность и надежду. Я знаю (хотя и не могу сказать, почему это так), что эти святые фрагменты будут длиться вечно, продолжаться вечно, но помогут только в том случае, если эти существа проявят к ним предельную заботу и внимание.

Являются ли эти существа хранителями животных, которых может погубить творение, и требуют ли они такого же пристального внимания с нашей стороны? Можем ли мы узнать ответ, не обращая на них внимания, не разговаривая с ними? Мы можем догадываться, почему они приходят, но давайте отступим от унижительных убеждений, что они приходят для наших субъективных целей, чтобы компенсировать наши упущения. Возможно, они боятся потери человеческого родства, что их уже исключили из следующего ковчега, или что Боги покинули их, так что они похожи на людей, просто сбитых с толку экологическими проблемами, административными решениями и благотворительностью. Представьте себе – жалость к орлу! Мы не можем знать, зачем они приходят, пока мы впервые не начнем побеждать, пока мы не развернем самолет и не посмотрим в воду, где ждет медведь, пока мы не будем глубоко-глубоко питаться

черным и несравненным глазом этой свиньи, пока мы не снизойдем до муравья. Эти теофании призывают душу мечты в свое царство?

Мы знаем историю истребления. Животного царства, от пещерного человека до Дарвина на Галапагоссах и Мелвилла на китобойном судне, больше нет. На листьях лежат инсектициды. В зеленых холмах Африки слонов-быков ставят на колени за их бивни. Мы стремимся к экологическому восстановлению царства, которое невозможно. И все же это благородное стремление, ибо в нем заключен утопический импульс, импульс, который может быть удовлетворен в мире мечты – «нигде». Там их души и наши встречаются как образы. Сон – это ковчег, в котором все живые формы присутствуют согласно их видам, они могут пребывать во время вечного катаклизма, который совпадает с ковчегом. Приходят ли они, чтобы напомнить о катаклизме, который возникает всякий раз, когда люди не видят при голубом свете⁶⁶, не видят, что невидимое находится в воспринимаемом, невидимое, в котором тени появляются вместе с их «непохожестью», без учета наших потребностей и значений. Приходят ли они для того, чтобы мы все еще могли видеть красоту, даже для того, чтобы спасти красоту?

Поэтому восстановление животного царства является восстановлением самого себя в этом царстве через сон, в котором мотивы, с которыми мы столкнулись во сне, выходят за рамки героического стереотипа мифической амплификации⁶⁷

66 J. Hillman, *Alchemical Blue and the Unio Mentalis*, *Sulfur* 1 (California Institute of Technology, 1981), 33–50. Также *The Azure Vault: Caelum as Experience*, в *Alchemical Psychology*, Uniform Edition of the Writings of James Hillman, vol. 5 (Putnam, Conn.: Spring Publications, forthcoming).

67 Героические стереотипы мифического усиления (Геракл как парадигма) – это именно те, которые противопоставляют друг другу животное и человека. Гедион (*The Eternal Present* [выше, № 39], 273) пишет: «Эпоха превосходства животного – естественного порядка – уходит своими корнями безмерно далеко назад... Затем человек отделился от самого себя... Первым шагом в этом разделении было свержение животного. Другой подход к миру был продемонстрирован в греческих мифах. Животное здесь свергнуто:

животного, которая поразила своей красотой, тронула своей болью, примирила с ним, помогла и спасла животное. Эти мотивы сновидения восстанавливают причину, приведенную в Бытие 1 для создания животных, как помощь (*иезекс*). Ужасная дикость животных исчезает в мессианские времена, говорят как еврейские легенды, так и сивилины оракулы. Эти моменты восстановления появляются во сне: спасенный плавающим медведем; поросята, неожиданно возникшие и радующиеся; животные, возвращенные к жизни в стеклянном футляре.

В «Эраносе» много раз говорилось, что душа находится в изгнании – из своей платонической возможности, чистой земли, Храма. Но для этого восстановления может потребоваться другое, более раннее: восстановление ковчега и Эдема, восстановление, выраженное сегодня как экологическая ностальгия по *топосу*, периметру, где люди и животные разделяют одно и то же царство. Но сам сон надежно заключает нас в спасительный ковчег, в зарождающийся сад, и там, во сне, мы можем восстановить привычки краба и мыши, знания свиньи, шерсть животного, хвост животного, глаз животного.

Возможно ли, что это мы отданы в их руки, чтобы уберечь нас от нашего собственного вымирания? И все же мы не можем призвать их. Они другие. Это для того, чтобы они пришли к нам. Будет ли орел нырять? Завладеет ли краб этой ночью? Спи и надейся на свинью.

свергнуто навсегда... Возникает новая фигура: герой... Животные, которые появлялись на стенах пещер – быки, львы, змеи, кабаны, птицы – в греческих мифах [о Геракле] превращаются в сказочных человеконенавистников. Возникает трагическая ситуация: полубог, сам находящийся в рабстве, должен совершить их уничтожение. Нет и памяти о той связи, которая когда-то скрепляла человека и животное в едином объятии».

ВООБРАЖЕНИЕ – ЭТО ЧУШЬ*

*, **, ****bull* переводится с английского как «бык» и как «чушь, брехня, бессмыслица», здесь и далее до конца статьи автор обыгрывает эти слова в разных контекстах – прим. ред.

То, что вас ждет в течение последующих пятидесяти минут – это рассказ о том, что есть любопытное смешение воображения и чуши**, которое является особенностью нашей деятельности в Далласе. На самом деле, мои пятьдесят минут обещают даже больше, чем вся деятельность Института гуманитарных науки культуры. Вы услышите великие рассказы о мифах и происхождении – о том, как бык появился на свет – о природе инфляции, о деньгах и «бычьем рынке» (ориг. *bull market* – рынок быков и игра на повышение – прим. ред.), почему бык*** в воображении нарушает договоренности, почему Блейк сказал: «Иисус – это воображение», почему Джонни не умеет читать (ориг. *Why Johnny Can't Read?* – книга Р.Флэша о проблемах образовательной системы в Америке – прим. ред.) и, наконец, и это необходимо для каждого публичного выступления в Америке – что не так с этой страной, как мы дошли до этого и как мы все еще можем спастись. Эти пятьдесят минут должны обещать все это, потому что тема этого выступления – бык*** – от начала до конца.

Поприветствуйте быка

Теперь давайте познакомимся с великими мифическими быками, чтобы мы не говорили чушь у них за спиной. Давайте пригласим их на арену, одного за другим.

Вот самый известный из них, бык Посейдона, чьи жрецы (если их можно так назвать) были известны как Тауросы. Этот бык

поднимается из моря (как и многие другие во многих культурах) к концу пьесы Еврипида «Ипполит». Вспомните момент, когда молодой человек, проклятый Афродитой (потому что он пренебрегает ею) и своей мачехой и отцом, гонит свою упряжку, запряженную четырьмя лошадьми, вдоль побережья, и появляется большой бык:

*И вот глаза открыли там, где берег
Прибоем волн скалистый убелен,
Огромную волну. Она вздымалась
Горою прямо дивной, постепенно
Застлав от нас Скирона побережье,
И дальний Истм, и даже Эпидавра
От глаз она закрыла скалы. Вот
Еще она раздулась и, сверкая,
Надвинулась и на берег метнулась,
И из нее явилось, на манер
Быка, чудовище. Ущелья следом
Окрестные наполнил дикий рев...
И снова, и ужасней даже будто
Бык заревел. Как выдержать глаза,
Не знаю я, то зрелище сумели?*

«Ипполит», 1200–25

Перевод Иннокентия Анненского

И в этом хаосе колесница переворачивается, убивая невинного, благородного юношу.

Есть еще одна история о быке Посейдона. Она также показывает власть Афродиты над судьбой тех, кто ей отказывает. Жена владыки Крита, Пасифая, не стала бы умолять Афродиту. Богиня отомстила, вселив в Пасифаю чудовищную страсть к быку. Этот белый бык с мягкими складками и изогнутыми рогами был быком Посейдона, пасущимся со стадами

ее отца. Желание Пасифаи к нему не знало границ, поэтому она поручила Дедалу, старому мастеру-ремесленнику, соорудить полую скульптуру коровы на колесах. Он спрятал ее там, чтобы обмануть быка. От этого союза родился ужасный минотавр – то существо с бычьей головой, заключенное в лабиринте, которое питалось лучшими молодыми мужчинами и женщинами. Вы можете увидеть минотавра, чья похоть (эгоистичный ген от его матери?) поглощает молодых мужчин и женщин, даже лучших из них, на многих гравюрах и картинах Пикассо. Он показывает минотавра с телом человека, разум которого заключен в голове быка, поглощающего молодежь воображаемыми страстями и неспособного найти выход из лабиринта желаний, неспособного медленно блуждать по лабиринту жизни.

Европа – еще одна женская фигура, привлеченная быком, на этот раз Зевсом в его облике, на морском берегу⁶⁸. Европа возлагает гирлянды ему на голову, протягивая цветы «к его белоснежным губам», как пишет Овидий. Зевс, бык, целует ей руки. Затем Европа садится ему на спину, «мало зная, на ком она покоится». Вскоре она оказывается в глубокой воде и уносится в Азию, хотя бык высаживает ее на Крите.

Является ли это основополагающей историей вечно богатого воображения Европы, потому что она покоится на спине воображаемого быка? Под ним целый континент – это животный дух желания быть унесенным и повторяющееся плавание в Азию: Александр, Легионы, Крестовые походы, Марко Поло, Принц Генри Мореплаватель, Колумб, лорд Клайв... от Галлиполя до Ирака.

Итак, одна из самых больших и старейших историй о быках, которые у нас есть: Эпос о Гильгамеше из Вавилонии. Иштар, богиня любви, отвергла ухаживания Гильгамеша и Энкиду, героической пары могущественных друзей. Они грубо издеваются над ней, перечисляя все ее любовные преступления и, развезжая

68 Овидий, «Метаморфозы» 2.833-75.

на ее быке по улицам Урука, скандируют: «Кто самый славный из героев, кто самый выдающийся среди людей?»»

Геракл тоже хулиган и убийца быков. Он побеждает критского быка и речного быка, у которого он вырывает рог. Он противопоставляет свою силу быку, ограничивая свое представление о нем только его физической силой и опасностью его рогов.

Если Геракл и Гильгамеш – хулиганы, то Дионис – бык. Хор Вакха у Еврипида поет:

*Приди, Дионис,
приди и явись нам,
приди, как бык, –*

и женщины Элиса зывают к Господу Дионису, «Благородному Быку», тому, кто ревел, как бык, «бушуя бычьим копытом»⁶⁹.

Ранними также являются истории о быках-основателях Египта. Например, тот, который ясно показывает, что с самого своего рождения бык вносит путаницу. В египетском тексте говорится:

*Я воплощение маскулинности.
Я выскользнул с потоком между ее бедер...
Я вылупился из яйца...
Я бежал в ее крови. Я – господин всего красного.
Я – Бык Смятения, моя мать Исида создала меня...
Я обрел форму, Я вырос, Я ползал, Я вырос большим,
Я стал высоким...
Именно потоп возвысил меня...
Я младенец в Первобытных Водах⁷⁰...*

С приходом неразумных правил воцаряется смятение, неразбериха: эротическая, романтическая, гражданская,

69 W.F. Otto, *Dionysus: Myth and Cult*, trans. R. B. Palmer (Bloomington: Indiana Univ. Press, 1965), 166.

70 R. T. Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt* (New York: Thames & Hudson, London).

разрушительная – и, возможно, также творческая. Например, в персидском мифе о сотворении мира говорится, что Ахура-Мазда создает быка по имени Гош прежде, чем он создаст героя Гайомарта, и от них происходят все вещи в мире – земля, воды, деревья, звезды, луна, солнце. Этот бык – единственный зверь, упомянутый в начале, и он является представителем всех зверей. В Ласко на стене пещеры есть гигантский бык со всевозможными другими животными, нарисованными на его огромном теле.

Если Ласко представляет место, где начинается рисунок, быку присваивается ранг «первый между равными». Точно так же в Индии Нанди, который несет Шиву на спине, является повелителем всех четвероногих существ. Король – не лев, а бык, именно он поддерживает жизнь зверей. Представьте себе! Если бык поддерживает мифических животных, то он поддерживает животный дух в нас здоровым. Бык выполняет функцию хранителя в ковчеге наших физических душ.

«Животный дух» был термином, использовавшимся в психологических объяснениях на протяжении всей западной истории вплоть до наших дней. Это относилось к тому, что «происходит внутри». Сегодня мы могли бы перевести этот термин как «жизненная сила души, эмоции, гормональная, вегетативная или лимфатическая системы», или «бессознательная психика», или «глубокие функции мозга». Представьте себе! Чуть (бык) полезна для вашего здоровья.

Поддержать жизнерадостность и хорошее самочувствие – именно таково намерение статьи профессора истории Гарварда Уильяма Г. Перри о быке: «В университетской среде хорошая чушь имеет большую ценность, чем «факты»⁷¹».

Мы могли бы продолжить рассказы о быках из мифов других культур – конечно, из Индии, других частей Азии, нильских жаров

71 W.G. Perry, Jr., Examsmanship and the Liberal Arts: A Study in Educational Epistemology, in Rainbolt, M. & Fleetwood, J. eds., *On the contrary: Essays by men and women* (Albany, NY: State University of New York Press, 1983), 161.

или кельтов, которые известны своим необычным отношением к быку. Но давайте лучше двигаться дальше.

Чушь о быке

Огромен, напорист и ужасающ бык. Мы трепещем в его присутствии. Это лицо, формирующее разные маски, эта огромная мошонка, рога, язык и копыта – должна ли плодovitость быть такой мощной? Он набрасывается, мчитя, бросается, топчет. Мы не можем удержать наших лошадей. Слово, обозначающее это животное, связано с ревом и звоном. Рев быка – это звук самого бога неба. Греческая приставка *bou-* (наше *bovine*) означает огромную, чудовищную силу. Хулиганы – это грубияны, а крутые полицейские – это быки. Корень слова: *tauros* – толстый, крепкий, как деревянная болванка четыре на четыре.

Помимо огромной рогатой силы – а рога, как говорят символисты, означают духовную энергию – у слова «бык» есть второй корень, который ближе к нашему употреблению, когда мы говорим: «это все чушь, полная чушь, прекратите нести чушь». *Bulla* (лат.) означает «пузырь», «безделушку», «мелочь», «тщеславие», «надутый», «расширяющийся быстро и быстро проходящий» – откуда берется папская булла или эдикт, названный в честь горячего свинцового пузыря, которым было запечатано заявление папы.

Следовательно, бык – *bull* – в словаре английского языка означает «дурачить», «насмехаться», «обманывать», «блефовать» и «лгать». *Bully* – это галантный, дорогой, излюбленный. *Bullatus* – буйный, надутый, напыщенный, наполненный воздухом. Бычий рынок (игра на повышение), таким образом, может быть сильным и наступать со стремительно, как «лихорадка Меррилла-Линча»; или быть пустым и обманывать, как «пузырь» Саут-Си (названия финансовых махинаций в Англии и Америке – прим. ред.). Кстати,

этимологический корень второго слова «бык» (*bull*) – как в значении «обман», «полный воздуха», так и в сочетании «папская булла» – это *ihal*, *phal*, (то же самое, что *phallus*).

В то время как мы занимаемся исследованием происхождения слова «бык», давайте упомянем древнее объяснение нашего разговорного *bull* в значении недостойной лжи, то есть нежелательной, возмутительной чуши. Плиний описал *bonasus*, разновидность быка, чьи рога были загнуты друг к другу таким образом, что он не мог драться. «Поэтому, – пишет Плиний, – он мог только убежать, и, убегая, он выбрасывал свои экскременты, иногда на расстояние трех югеров (104 римских фута), и экскременты, как огонь, сжигали тех, кто следовал за ним⁷²».

Когда мы сталкиваемся с великой животной силой, будь то в форме реального животного или анимированного изображения, мы в нашей культуре редко склоняемся перед ней, поем ей или танцуем в ее честь, и мы даже не бежим в укрытие. Скорее наш обычный ход – это интерпретация. У нас есть герменевтическая палочка, чтобы заставить силу уйти, превратив ее в смысл. Наш современный обряд умилостивления состоит в том, чтобы найти «быка» в символическом словаре. Бык растворяется в «луне», «отце», «плодородии», «громе»... и принимает имена от гэльского до иврита, латыни и урду. Мифических историй становится все больше по мере нашего исследования. Современные мужчины и женщины в гуманитарных и культурных институтах изучают быка в своей манере, часто говоря о нем чушь. Миф, в конце концов – это то, что сказано о том, что сказано: чушь о быке.

Что говорит нам этот бык о быке? Прежде всего, мы видим, что бык высвобождает необычайную силу воображения. Сила его образа подобна силе самого воображения. Диапазон кажется неограниченным: бык – это и Отец, и Мать Луны, мягкий дождь и гром, семенной и плодовитый, мясо и тайна, естественное и духовное, бушующее и венерианское, земное и космогоническое,

72 *Naturalis Historia* 8.16.

масса крови, мышц и рога, а также небесное созвездие, управляющее теплой весной. Возможно, «бык» – это другой способ сказать «воображение». Возможно тогда воображение – это просто «чушь», как давно утверждали рационалисты.

Следовательно, я добавляю еще один пункт к списку субстанций, которые мы уже рассмотрели, еще одну часть целого, такую как кровь, рога, тестикулы, глаз, лицо, шкура. Давайте предположим, что наиболее повторяющаяся, устойчивая и священная сущность – это bullshit (чушь), мифотворческая сила быка. Что быки производят лучше всего – так это фантазии.

Тогда истории и интерпретации, которые мы рассмотрели, приобретают другой смысл. Гильгамеш и Энкиду наказаны за разрушение космогонического воображения, и поэтому Гильгамешу в этом мифе пришлось искать личное бессмертие, вечный космос больше не был открыт для его воображения. Когда египтяне поклонялись быку, то это было не просто божество плодородия жизни, но плодovitость воображения, которая поддерживала жизнь всех их богов. Когда Пасифая, Европа и женщины Элады так отчаянно, жадно влюбились в Посейдона, Зевса и Диониса, это было не из-за простой сексуальной похоти, а из-за «путешествия», освобождения, экстатического выхода и непредвиденного потомства, которое происходит от союза с силой воображения. А что касается героев – Митры и Геркулеса – они победили быка, взяв его за рога или перерезав ему горло, и не нашли ничего культурного, кроме ритуала и воинственных действий. Деяния без воображения, как сказал Рильке.

Алеф

Я предлагал уравнение: бык = воображение. Но не всякое воображение – чушь собачья. Я бы поместил нашего быка в определенное место, не место происхождения, а в те

начала, которые называются «мифами о сотворении мира», в основополагающие фантазии, которые «составляют» основу культуры и ее оплодотворяющую отправную точку. Например, первая буква алфавита, с которой начинаются все слова, – это алеф (иврит, семитский, арабский) и альфа (греческий). Эта буква происходит прямо от быка, поскольку алеф происходит от глафа, который представляет лицо быка. Бычий алеф – это буква дыхания, гласная. В нем есть «ах» удивления и «ах» боли, великое, утвердительное, открытое горло согласия. «Скажи А, – говорит доктор, – открой пошире». Он не просит сказать «Аум».

Этот алеф с бычьей мордой все еще фигурирует в наших словах «слон» (*elephant*) и «алфавит» – снова эта любопытная близость зверя и духа. Как трудно нам извлечь необходимый урок: что стремление нашей цивилизации быть грамотными, чтобы каждый умел читать и писать слова из букв, короче говоря, что гуманизм начинается с азбуки, близкой к лику великого зверя, и что в самом слове есть бык. Мы не можем не говорить по-бычьи. «А» – это не для яблока и Падения, а для алефа и быка.

«А» – это не просто для референциальной речи: вон то яблоко, на которое я указываю. Язык не обязательно должен быть прикован к объяснению какого-то очевидного факта. «А» – это алеф, бычья морда, бычья сила, горячий воздух речи, который переполняет, давая нам возможность что-то сказать. Не только референтный, но и почтительный – речь, сказанная яблоку в похвалу, а не просто о яблоке в описании. Мы можем выучить слова для прикладной информации, но мы должны выучить их, чтобы мы могли отбросить путаницу ума, которая так жаждет речи.

Азбука предназначена для души, чтобы она могла найти слова для своего быка. Бык – это первое стихотворение, и во всех стихотворениях есть бык; каждое из них – выдуманное тщеславие, несущее на своих плечах огромный груз. Стихи выходят рысью, фыркая, и цивилизация пьет из них жизненную силу воображения, от которой зависит ее культура. Они оба являются указами власти,

длящихся веками, и все же уловки, обманы – просто звуки в буквах.

Я думаю, Вико имел в виду этого быка, когда изобрел свою теорию языка, представив, как самые ранние люди, спотыкаясь, переходили к речи, которая, по его словам, была совершенно поэтической, полностью образной: «Живя в зверином одиночестве, люди... выражали свои страсти криками, ворчанием и бормотанием, что они делали только под влиянием самых сильных страстей⁷³».

Бык в истоках воображения стремится творить. Крит считался колыбелью западной цивилизации, и раскопки Артура Эванса обнаружили быков всех видов, а также прыгающих, танцующих юношей и девушек, кувыркающихся на спинах атакующих быков. На Крите буйствует воображение самого Эванса – он реконструирует весь дворец, всю культуру, красит их в красный цвет, надевая нашу западную историю еще одним мифом о происхождении. Там же Джейн Харрисон внезапно представляет свою ритуальную теорию мифа; Карл Кереньи – истоки Культа Диониса; Мартин Нильссон – минойские истоки греческой культуры; Артур Пикард из Кембриджа прослеживает драму и трагедию до жертвоприношения критского быка. Все быки – мифы о происхождении. Крит – место быка, и когда мы отправляемся туда, чтобы высадить наши творческие теории и реконструкции происхождения, мы близки к быку.

Еще немного историй о быке. Чеканка монет: Бернард Лаум связывает церемониальное расчленение быка и происхождение денежных единиц. Вертел, на котором жарили животное (*охелос*), стал монетой (*охалос*), так как кусок бычьего мяса прилипал к вертелу. Жертвоприношения быков, как говорят эти авторы, были первой формой налогов, и сокровищницы храмов берут свое начало в закрытых местах, где хранились жертвенные быки. Древнеримская валюта, *as*, означает «кусочек жареного мяса».

73 G. Vico, *The First New Science*, ed. L. Pompa (Cambridge Univ. Press, 2002), 152.

Древняя спартанская железная монета происходит от серповидного ножа, используемого для убийства жертвенного быка. Дальше: афинские финансовые чиновники назывались kolakretai, что означает «получатели конечностей». Конечности были частями жертвенного животного, которые также были деньгами. Покопайтесь достаточно глубоко в деньгах, и вы обнаружите, что они основаны на быке. Неудивительно, что мы вверяемся экономическим пророкам и все же не доверяем им. Даже когда их заявления облачены в статистику, мы чувствуем, что они полны чуши. Неудивительно также, что деньги приносят панику, смятение, экстаз, радость и безумие, особенно когда мы пытаемся удержать их поток с помощью рационального учета. Балансовые отчеты, пещерообразные хранилища с массивными стальными дверями пытаются держать жизнь денег под контролем, как и другие меры, в которые мы загоняем быка: облигации, ценные бумаги, сейфы, обязательства, основные средства. В любом случае, деньги – это дикая скачка, потому что это действительно кровавые деньги, которые, возможно, так и не были отделены от быка – Диониса в одном из его многочисленных земных обличий.

Я убеждал вас принять идею о том, что мифы о происхождении и теории происхождения мифов – это выдумки. Эти мифы о зарождении букв и слов, денег, цивилизации являются основополагающими мифами – не рассказами о том, как все было когда-то или тогда, а о том, как обстоят дела сейчас. Все та же старая чушь продолжается, когда мы сочиняем мифы, которые имеют значение для наших основ, будь то этимология, история или религия. Онтологии наполнены чушью. Они являются великими поддерживающими силами, которые несут миры на своих спинах. Когда мы осуждающе говорим «все это чушь» в ответ на теорию или идею, мы стоим на пути древних мифических героев, истребителей быков. Современный рационалист не прыгает, не танцует, не набрасывает пращу и не дразнит быка, он изображает Митру, Геракла, Тесея – героических врагов, которые убивают

быка.

Когда мы обращаемся к воображению, мы выпускаем быка. Да, это разрушает буржуазную посудную лавку. Да, это нарушает плебейскую праздничность пивной вечеринки с телевизионной рекламой и вызывает дикие скачки на арене родео, как и на фондовом рынке. Да, он может сжечь вас своими экскрементами, если вы будете преследовать его, как сказал Плиний.

И в то же время все начинается с быка: первой буквы, первого сокровища, первого существа, хранителя всех других существ, а значит, возможно, и всех других букв, самой грамотности. Представьте себе: бык во главе слова, его вождь и король, а это означает не что иное, как то, что грамотность начинается с быка: истории о власти, истории о сексе, истории о героях, чудесах и чуде – и истории о сотворении мира, о том, как все это началось, рассказанные с бычьим упорством в их истинности. Чтобы историям верили, нужно скорее пробивать себе дорогу. Важна широта повествования, и тело зверя должно входить своим дыханием в строку, во фразу. Дорогу алфавиту.

Повторим еще раз другими словами: нет быка (чуши) – нет воображения. Ни воображения, ни фундамента. И – никакого воображения без сопутствующего ему экспериментального избытка. Пузыри горячего воздуха, риторическая гиперболла, усиленная мегафоном, разветвленная фантазия, дерьмо. Все это следует за быком и следует за мифическим воображением, когда он движется вперед. Воображение позволяет себе излишества. Что за чушь! И все же, как раз там, где мы протестуем – «Это полная чушь» – чудовище дышит восстанием основополагающего образа. Воображение расточительно, потому что оно плодовито, как природа. Излишняя фантазия – это первая вспышка воображения, *materia prima* творения.

Что же удерживает эти две вещи – горячий воздух и истинное воображение – в прекрасном союзе? Как сохранить плодовитого быка и отсечь дерьмо?

Торреро

Сказки говорят сами за себя: бык связан с дисциплиной. Точно так же, как ритуал заучивания азбуки. Там, где мы находим быка, мы также находим жесткий дисциплинированный дух воинов Митры, биржевых аналитиков, формализмы пикадоров и тореадоров, правила забоя и четвертования, танцоров, акробатов и наездников родео, медленные кропотливые дисциплины науки и археологии. Похоть Пасифаи требует ремесла Дедала, который создает механическую корову и сложный лабиринт для удержания Минотавра. Жертвоприношение быка (*bouphonia*) означает не просто буквальное заклятие, но преодоление чудовища секса и денег, крови и природы.

Кроме того, жертвоприношение быка означает посвящение ваших яростных, кровожадных, бездумных чудачеств их собственным природным силам. Создавая этот безумный метод, обнаруживая порождающее воображение, пробивающееся сквозь вашу ярость. Жертвоприношение быка приводит своего быка к алтарю образа, создавая миф о простом быке, плодородии простой силы, ярости, искусстве природы.

Две истории о философах показывают, что они были учениками быка и практиковали жертвоприношение быка. Пифагор подошел к быку, пасущемуся в поле и заговорил ему на ухо, убеждая его больше не есть гнусные бобовые растения, после чего животное ело только «человеческую пищу». У Эмпедокла «был бык, сделанный из мирры, ладана и самых драгоценных специй, и он разделил это [изобретение] в ритуальной манере между собравшимися⁷⁴».

Проще говоря, жертвоприношение быка – это акт признания священного в быке. Узнавая его дух, вдыхая воздух его возможностей. Сэр Уильям Ослер, один из величайших врачей своего времени, получил эту информацию во сне:

74 M. Detienne, *The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology*, trans. J. Lloyd (Hassocks: Harvester Press, 1977), 57.

Огромная равнина в красиво расположенной долине... На траве тысячами лежали большие быки всех пород, и у головы каждого из них сидел пациент и дышал выдыхаемым из ноздрей быка воздухом. Было обнаружено, что это панацея – от туберкулеза, рака, других болезней. Иногда у одной бычьей головы находилось два пациента... пациенты пользовались только одной ноздрей, к другой прикреплялся клапан для сбора воздуха в резервуары, чтобы он не терялся. Он продавался в баллонах. Продолжительность процедуры составляла час три раза в день. Я прогуливался среди пациентов, многих из которых я знал. У всех дела шли хорошо. Это было великолепное лекарство!⁷⁵

Эти рассказы Детьена и Ослера можно было бы интерпретировать как примеры психоаналитической сублимации: возвышение зверя до духа как лекарство от болезней, связанных с образом быка – болезней человека, который слишком запутался в страстях. Инфляция сублимируется в специи и дыхание, ритуально. От низшего к высшему: это и есть лекарство.

Я думаю, что нет. Скорее, эти рассказы предполагают еще одну основополагающую роль быка: дисциплину эстетики. А теперь вернемся к египетской истории о детеныше быка, выскользнувшем из своей матери и объявившем себя Быком Смятения. Что ж, путаница – это верный признак эзотерического воображения, согласно философу восемнадцатого века Александру Готлибу Баумгартену, который выделил область эстетики как самостоятельную философскую дисциплину. Логическое рассуждение совершенно упускает природу искусств, ибо их можно постичь только в их смешении: «Путаница – это условие поиска истины», – как пишет Кроче, объясняя Баумгартена⁷⁶.

75 C. G. Roland, Sir William Osier's Dreams and Nightmares, Bulletin of the History of Medicine 54 (1980), 438.

76 B. Croce, *Aesthetic as Science of Expression and General Linguistic*, trans. D. Ainslee (London: Macmillan, 1909), 195.

Беспорядочное изобилие весны, этого Веселого месяца мая, в течение которого цветет Венера и светит солнце в доме Тельца по Зодиакальному календарю, помещает эту прекрасную долину в сон Ослера и эти ароматные специи быка Эмпедокла в эстетический мир чувств, где само слово *эстетическое* (чувственное восприятие) происходит от греческого слога, означающего «вдыхать». Вылечите быка с помощью дисциплины искусств.

Во всем этом крайне важно помнить о рождественских яслях, в которых проводится существенное различие между быком и ослом – различие, которое снова восходит к Египту, где Сет, осел, был врагом Осириса, быка. Осирис – творческая таинственная сила бессмертной души, в то время как Сет был показан как мужчина с головой осла, символ сексуальной похоти, потенции другого рода.

Сила быка включает в себя еще один – более влажный, мягкий элемент. Такой элемент должен быть, иначе эта сила не могла бы быть плодородной, не могло бы воздействовать на душу. Астрологические знания, которые являются еще одной системой для представления происхождения, ставят Луну и Венеру в разные положения, но обе удобно расположены в зоне Тельца – и слово *таурос*, согласно Византийскому ученому девятого века Фотию, использовалось для обозначения женского полового органа, вульвы (Лидделл и Скотт, *таурос*). Этот лексикологический факт имеет большой смысл, если мы вспомним, какие необычные фантазии возникают в сознании мужчин, когда они представляют себе половые органы женщин, даже фантазии космогонических масштабов, которые объясняют происхождение всего сущего в мире, а также всех его зол.

Помимо прямой сексуальной силы, это изогнутые рога, из которых исходит потенция быка. Эти рога полые, они наполнены воздухом. Гильгамеш, например, использует огромные рога своего жертвенного быка для хранения масла для помазания.

Мы ошибаемся, когда интерпретируем рога быка с точки

зрения Аристотеля, как если бы они ставили двурогую дилемму. Для быка они не противоположны, как и для поэта, который работает с быком теснее, чем кто-либо другой. Поэзии и мифам не нужны противоположности, никакие конструкции Леви-Стросса в абстрактных парах. Бычьи рога работают оба сразу: никаких «или/или» в воображении. Тореадора ловят кончиком рога только тогда, когда он занимает позицию слишком далеко в одну сторону, отклоняясь от центрального фокуса – глаза быка.

Наступающая сила навязывает нам дисциплину отступления. Кереньи ссылается на Томаса Манна, который ссылается на Зигмунда Фрейда, говоря о моменте отступления – «как тореадор, готовящийся к смертельному удару⁷⁷». Это движение – не просто отступление назад, чтобы поразмыслить или придумать интерпретацию, это опора на мифическое воображение, чтобы получить возможность встретить животный порыв.

Здесь мы должны осознать, что сама идея двурогих противоположностей начинается с быка Диониса. Это он так часто выступает с рогами, и именно для него его празднующие носят рога на головах. Противоположности – это тоже чушь, потрясающий образ становится эпистемологической логикой. Лучше воспринимать их в дионисийской манере с дионисийской логикой, как театр – либо комично на голове рогоносца, либо трагически, как антагонистическую борьбу на сцене, либо без масок, фигур, споров о людях и местах, раздираемых их страданиями, ведущих нас к состраданию. Рога быка представляют собой не проблему, а драму.

77 C. G. Jung and K. Kerényi, *Essays on a Science of Mythology: The Myth of the Divine Child and the Mysteries of Eleusis*, trans. R. F. C. Hull (New York: Pantheon Books, 1949), 5.

Ритуалы под золотыми арками

Мы близки к завершению. В самом начале я пообещал, что за пятьдесят минут расскажу о происхождении всего сущего – о фондовом рынке и деньгах, о воображении и основополагающих мифах, об этом Институте, о том, как бык появился на свет, и о том, что не так с Америкой.

Теперь перейдем к последнему: Америка. Томас Вулф (старший, а не тот, что в белом костюме) написал, что мы потерялись в Америке, как будто ностальгия навсегда стала нашим настроением: «Камень, лист, ненайденная дверь... О пустая трата потерь в жарких лабиринтах, затерянных среди ярких звезд... мы ищем великий забытый язык, потерянный путь, ведущий в рай...⁷⁸»

Что мы сделали не так, почему мы были изгнаны? Из-за того, что мы пересекли океаны, оставив наших предков позади? Из-за того, что мы построили всю нашу цитадель на иллюзиях надежды? Город на холме, холм из песка? Так много ответов: вот наш ответ на этот вечер.

Может быть, мы убили мифическое воображение нашей собственной земли, великого зверя-основателя – не краснокожего индейца, к которому часто обращена наша ностальгия, а местного бизона, рогатого быка этой земли? Охотники верхом на лошадях, а позже из окон поездов могли подстрелить тысячи за один день, не ради мяса, не ради денег, оставив их туши гнить на равнинах. Убийство тотема земли – это кровавое преступление, осквернение американской души. Убийство животного-предка, мифический геноцид, который сделал мифическое восприятие более невозможным, геноцид, поддерживаемый Гераклом, Митрой, Гильгамешем и древней борьбой у подножия Синая – библейское слово против языческого быка. Может ли быть так, что забой нашего родного быка, в котором некоторые индейцы

78 T. Wolfe, *A Stone, A Leaf, A Door: Poems* (New York: Charles Scribners Sons, 1945), 27.

сами сыграли свою роль, были воспроизведены в нашем сердце так, что мы, американцы, уничтожили и оставили гнить нашу родную мифотворческую воображаемую силу, которая могла бы нас найти? И вот, в тихом отчаянии, чтобы восстановить это анимистическое воображение, мы придумали другие мифы о происхождении нашего народа и нашей земли с замещающим язычеством – Уолденский пруд, Листья травы, Белый кит...?

Затем на место быка приходит его жирный призрак, бычок-кастрат, отупевший, без желания реветь, как бык, откормленный кукурузой, без яичек; бык превращается в рубленое мясо, которое поедается навязчиво, ритуально, сообща, и нет другого напоминания о мифической силе, кроме механической фигуры быка и развязной и напористой манеры поведения городского ковбоя. Под «золотыми арками» кафе «Макдональдс» – в наших современных алтарях Митре, с помощью мяса быков в кетчупе, мы чествуем мертвых богов, пытаясь в уродливой форме повторить античные обряды. Мещанский бургер, толстая светская облатка в развращенном мифе, который литургически жив, потому что мы не знаем, что это миф. Единое ежедневное почитание местного бога-животного, с его и ее *epitheta deorum*: *Burger King*, *Big Boy*, *Big Mac*, *Dairy Queen*, *Hamburg Heaven*.

У подножия горы Синай

Я хотел бы вспомнить еще одного быка, библейского быка у подножия Синая. В любой хорошей книге не существует более опасного быка – именно этот бык является самой архетипической основой исторического недоверия воображению и последующего убийства быков быками американского Запада.

Обратитесь, пожалуйста, к Исходу 32 и поставьте отметку также в Псалме 22:12.

Как повествует Исход, пока Моисей поднимался на гору

Синай и получал Закон от Яхве, народ стал проявлять нетерпение: и велел брат его, Аарон, сделать из выплавленных золотых украшений статую «быка-тельца» (Новая английская Библия), которого народ назвал Богом; и приносили ему жертвы, пировали, пили и веселились. Это было слишком для библейского Бога, который вывел их из земли Египетской с ее многочисленными богами и изображениями и поклонением быку Апису/Осирису и корове Хатхор – и гнев Господа разгорелся, а затем разгорелся гнев Моисея, и он, увидев людей, танцующих перед золотым быком-теленком, разбил скрижали Закона, которые получил на горе – и предал своих людей мечу – три тысячи из них. Этот образ напоминал не только об Аписе и Египте, Иштар и Вавилонии, но и обо всех многочисленных богах, статуях и изображениях всех других средиземноморских, азиатских и африканских быков, волов, коров, бычков и телят всех окружающих языческих, политеистических, анимистических, иконоборческих народов: всего того быка, которого Библия упорно отрицает.

У подножия горы Синай была абсолютно установлена и подтверждена беспощадным истреблением вражда между монотеистическим народом Библии и всеми окружающими – вражда, которая вновь появляется в Псалме 22, когда певец как голос избранного народа Библии жалуется на то, что его окружают:

*Много быков охватили меня,
Сильные быки обступили меня...
Спаси меня от рогов диких быков.*

Великим библейским грехом евреев было поклонение быку.

«Нет такого горя, выпавшего на долю Израиля, которое отчасти не было бы наказанием за поклонение Золотому тельцу⁷⁹». И этот грех происходит в момент получения Торы, в тени этого события. Наверху и внизу. И он сделан из безделушек, женских

79 L. Ginzberg, *The Legends of the Jews*, vol. 3: *Moses in the Wilderness* (Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998), 120.

побрякушек! Просто из пустяков. Когда одиночка поднимается на гору, чтобы встретиться с высшим духом, остальное племя возвращается к быку (чуши) – к танцам и пиру.

В Торе бык упоминается еще один раз. В ней описывается ритуальное очищение путем сожжения красной телицы, предположительно самый таинственный обряд во всем Писании. Здесь в истории о быке говорится, что пепел, оставшийся после сожжения телицы, «кожа ее, и плоть ее, и кровь ее, и навоз ее» должны быть собраны для очищения. Но – всякий, кто прикоснется к телице во время обряда, даже к пеплу, будет нечист. Сущность телицы одновременно оскверняет и очищает, очищает и оскверняет. Нельзя прикоснуться к быку, не испытав недоумения, а значит, не стимулировав воображение.

Псалом 22 был перенесен в Новый Завет в решающий момент смерти Иисуса на кресте. Его последние слова повторяют начало этого Псалма. Христианские комментаторы легко прочитали сцену, когда солдаты насмеваются над Иисусом, в терминах быков в Псалме. Бык присутствует, хотя и скрыто, в фонетике языка – *таурос* (бык) означает толстый, крепкий, а *ставрос* (греческий) означает кол, сам деревянный крест.

В целом бык не является основным образом в Новом Завете: тавр появляется только четыре раза, а бык всего восемь раз (быка нет и в Евангелиях; он прокладывает себе путь через фанатизм фольклора и через Исаяю 1:3). Нехватка быка в христианском Библии может быть основанием для того, чтобы не замечать его, а также для того, чтобы воспринимать саму Библию буквально.

Экстраполяция Псалма 22 в Новый Завет делает Быка врагом Христа, присутствующим при распятии, возможно, участником. Быков, кажется, всегда призывают, когда должно произойти жертвоприношение. Всегда где-то есть жертва. Когда Иероним установил конвенцию, отождествляющую святого Луку с быком, это произошло потому, что в Евангелии от Луки подчеркивалась жертвенность.

Самой яркой кровавой жертвой в первые годы нашей эры было не изображение Иисуса на кресте, а перерезание Митрой горла быка, после чего почитатели Митры купаются в крови животных. Юлиан, император, который пытался восстановить прежние культы, дважды принимал участие в этом кровавом упражнении.

И все же митраистские и христианские истории о жертвоприношении быков решительно отличаются. Эти две религии боролись за господство в первые годы нашей эры. Религия Серапиона также была самой популярной религией в августинском Риме первого века. Все три включают вопрос: Чей бык победит? Серапис был быком; Митра перерезает быку горло; Христос принесен быком в жертву или заменяет его – он становится жертвой, он становится быком. Этот переход от активного героического Митры к утонченной пассивности и плодовитости воображения Христа – фигуры, которая занимает место жертвенного животного – придает основополагающую мифическую силу, плодородие быка, христианскому воображению.

После свержения митраизма и одновременного триумфа христианства бык исчез в сфере скрытых суеверий и тайных языческих практик крестьян... Быку не было места ни в христианской церкви, ни в христианском искусстве... Как на Западе, так и на Востоке религии христианства и ислама вытеснили все изобразительные образы быка либо на арену, либо на ферму⁸⁰.

Исчезнет ли оно просто как изображение – вместо этого продолжая все более и более расцветать в своей чуши, которая суетится вокруг самого города, его догмы, риторики и богословского воображения.

Я предполагаю, что быку не нужно играть явную роль в Новом Завете, поскольку он уже подразумевается в тайне крови с ее отголосками в Средиземноморском мире жертвенного быка. И

80 A. Fraser, *The Bull* (Reading: Osprey, 1972), 79.

эта кровь продолжает наполнять наше религиозное воображение путаницей – действительно ли это кровь? Или это просто вино? И если это вино, то не кровь ли это Диониса – бога вина, тоже убитого?

Истории страстных споров, войн и мученичества, вызванные этой исцеляющей фантастикой, основывают целую культуру и цивилизацию, сохраняющуюся на протяжении веков. Конечно, догма пытается покончить с этой кровавой путаницей, упрощая и фиксируя смыслы при помощи буквализма. Папское вмешательство пытается покончить со всеми быками, совершая тем самым глубокую психологическую, даже архетипическую ошибку, забывая, что именно бык позволяет говорить Уильяму Блэйку: «Иисус – это воображение», и этого быка нельзя полностью запрячь или водить за кольцо в его носу.

Мы можем продолжать делать из него фарш; мы можем сломать его рог, выжечь на его шкуре нашу торговую марку, став антагонистом – убийцей быков – с его технологическим ножом эффективности, вырезая воображение как запутанную переменную. Но бык продолжает нападать даже на своих убийц. Лошадиная сила не может увести нас от этого. Мы не можем обогнать призрака; вечно свежая фантазия поднимается в морях разума. Мы также не можем стать тюрьмой для святого Луки, подавить воображение, как Моисей, Гильгамеш и Пенфей.

Предположим, что архаичный дух быка может быть вызван здесь, в этих западных землях, которые, как и Средиземноморье, являются территорией быка. Разве бык не появился бы старым способом, который мы рассмотрели: власть, культ говядины, безделушки и дерьмо, чрезмерное богатство, пролитая кровь, неразбериха, подразумевающая свободу, и проклятие инфляции, которое сопутствует любому космогоническому видению. Американец, техасец, убийство быков – это восстание призраков? Если это так, то мы кое-что узнали из нашей чрезмерно грандиозной экскурсии этим вечером. Обезумевший от власти

бык может разорвать нас на части или выставить на посмешище. Спасение – в дисциплине. Мы становимся учениками быка, развиваем и формируем воображение, оседлав его, цепляясь за него, выражая сочувствие своими словами, самим нашим разговором, нашей частью целого, которое воскрешает тотемное животное, приветствуя, как мы делаем на этих конференциях, возвращая себе то, что мы утратили, чтобы мы больше не были потеряны.

ЗМЕЯ – ЭТО НЕ СИМВОЛ

Часто я начинаю мастер-класс по изображениям животных со змеи. Змея действует как заклинание, освобождая людей от их коварных представлений о символике змеи и, следовательно, о символике животных в целом. Вопросы, которые я задаю, звучат примерно так: «Как вы понимаете змеиный возраст?», «Что означает змея?», «Какова ваша интерпретация?» Я собрал и сжал ответы:

1. Змея – это обновление и возрождение, потому что она сбрасывает свою кожу.

2. Змея олицетворяет негативную мать, потому что она обвиняется вокруг, душит, не отпускает вас и проглатывает целиком.

3. Это животное воплощение зла. Она хитра, изворотлива, зловеща, с раздвоенным языком, и Бог проклял ее за то, что она сделала с Евой и Адамом. В Книге Откровений говорится, что змей – это сам дьявол.

4. Это женский символ, имеющий симпатические отношения с Евой и богинями на Крите, в Индии, Африке и в других местах.

5. Змея – это фаллос, потому что она напрягается, поднимает голову и выбрасывает жидкость. Кроме того, она проникает в щели.

6. Она представляет собой материальный земной мир и как таковая является универсальным врагом духа. Птицы борются с ней в природе, а герои – в культуре.

7. Змея – целительница; она – лекарство, и мы все еще видим ее на вывесках аптек. Змей держали в храмах Асклепия в Греции, и сон о змее был самым богом, пришедшим исцелять.

8. Змея – это хранитель святых людей и мудрецов: даже в

Новом Завете говорится, что змеи мудры.

9. Змея приносит плодородие, ибо она находится у колодцев и источников и представляет собой прохладный, влажный элемент.

10. Змея – это смерть, из-за ее яда и страха, который она вызывает.

11. Это сокровенная истина тела, подобная симпатической и парасимпатической нервной системе или змеиной силе йоги Кундалини. Вот почему изошренная народная медицина среди коренных американцев, южноазиатцев, китайцев и африканцев, например, использует части змей для лечения.

12. Змея – это символ бессознательной психики, особенно интровертного либидо – обращенной внутрь энергии, которая возвращается, опускается и входит. Его соблазн увлекает нас во тьму и глубины. Это всегда «и то и другое»: созидательное – разрушительное, мужское – женское, ядовитое – целительное, сухое – влажное, духовное – материальное и многие другие непримиримые противоположности, подобные фигуре Меркурия.

Эта двенадцатая интерпретация змеи вбирает все остальные одиннадцать и превращает их в этапы программы, которую можно объяснить последним шагом: бессознательной психикой.

Что действительно было сказано этим последним термином, чего не сказал бы лучше сам образ? Завораживающее мерцание ее языка, ее шипение и быстрый удар, ее сетчатая блестящая кожа, ее кольца и боковое скользкое движение, паника, поднимающаяся при внезапном взгляде на нее? Почему мы должны менять живой образ на интерпретирующую концепцию? Действительно ли интерпретации являются психологической защитой от присутствия бога? Вспомните: большинство греческих богов, богинь и героев имели змеиный облик – Зевс, Дионис, Деметра, Афина, Геракл, Гермес, Аид, даже Аполлон. Является ли наш ужас перед змеей адекватной реакцией смертного на бессмертное?

Например, черная змея приходит во сне, огромная черная змея, и вы можете провести целый час терапии с этой черной змеей, говоря о пожирающей матери, говоря о тревоге, о подавленной сексуальности и всех других интерпретационных ходах, которые мы, терапевты, делаем. Но что остается после всего символического понимания, так это то, что делает эта ползучая огромная черная змея, которая вползает в вашу жизнь. В тот момент, когда вы узрели змею в интерпретации, вы ее потеряли. Вы остановили ее живое движение. Затем человек покидает терапевтический час с концепцией «моя подавленная сексуальность» или «мои холодные черные страсти» или «моя мать» – но без змеи.

Интерпретация устраняет эмоциональную дрожь и ментальную неуверенность, которые пришли вместе со змеей. На самом деле змея больше не нужна; она была успешно изгнана интерпретацией. Вам, сновидцу, змея больше не нужна, и тогда у вас формируется привычка больше не нуждаться в снах, как только они были истолкованы. Значение заменяет образ; животное исчезает в человеческом сознании.

Существуют различные способы удержать змею в сознании. Ее можно представить как ощущаемое присутствие и с ней можно поговорить; возможно, ее нужно накормить и разместить, раскрасить и смоделировать. Ее можно почтить вниманием, например, вспоминая о ней несколько раз в течение дня, делая что-то для нее – физическим жестом, зажигая свечу, покупая амулет, узнавая ее имя. Ее можно приблизить, визуализируя ее, ощущая ее кожу, ее силу. Теперь воображение заменяет смысл, и человеческий разум отдается животному присутствию.

Это психологическая и творческая работа по оживлению образа, возвращению живой души змее, которая, возможно, была удалена вашим желанием понять ее. Змея может не возражать против того, чтобы ее поняли. Она может быть довольна вашим обращением к книгам по герпетологии, вашим посещением зоопарка, вашим чтением древних змеиных тайн. Но что бы

вы ни делали, сначала проконсультируйтесь со змеей, чтобы не оскорблять ее, следуя своему собственному плану, не признавая ее появления в вашей жизни. Ее появление – это попытка отвлечь ваше внимание от вас самих и направить его, по крайней мере, частично, в ее сторону.

Наша задача на сегодняшний день – оживить образ. Речь больше не идет о символическом содержании сновидений. Более ста лет назад Фрейд вернул нас к старым традициям символизма и традициям значений сновидений; затем Юнг исследовал эти символы и значения еще более широко и глубоко.

Но затем и Фрейд, и Юнг сделали шаг, который мы больше не хотим повторять. Они оба перевели образы животных в кристаллизованные символические значения. Они не позволяли тому, что казалось, выражать себя достаточно, но двигались в направлении удовлетворения рационализирующего – и часто напуганного – повседневного разума. «Это и есть то». Даже метод активного воображения Юнга, который оживляет образ, в меньшей степени служит душе животного, чем вашей, сновидца. «Пригвожденный и извивающийся на стене» – сказал Т.С. Элиот о способе работы современного разума. Образ Элиота наводит на мысль о бабочке психики, неспособной взлететь за пределы ярлыков и значений.

Как только вы интерпретировали великую змею как свою фантазию о всемогуществе или зависть к пенису, или как символ матери, Великой Матери, вам больше не нужен образ, и вы позволяете изображению говорить только одно в двух словах: «Великая Мать». Затем она исчезает. На самом деле вам больше не нужна эта черная змея. Вы хотите поработать над своим материнским комплексом, своей личностью и так далее. Это все еще оставляет душу безучастной. То есть живой. Образы не ходят на своих собственных ногах. Они превратились в смысл, как писала Аниела Яффе о Юнге, главный миф которого – миф о

смысле⁸¹. Теперь давайте попробуем оставить смысл и его поиски, смысл жизни, чтобы придерживаться образа животного.

В нашем стремлении к концептуальным значениям мы игнорируем реального зверя. Мы больше не удивляемся фактам о нем и не удивляемся его присутствию – например, что змея вывихивает челюсть, чтобы проглотить животное крупнее себя, что ее пищеварительная система работает без жевания, без зубов, желудка или жвачки, подобно ритмичной перистальтике, которая прижимает еду к позвоночнику змеи, превращая ее добычу в удобоваримую мякоть. Или, например, тот факт, что ее сброшенная после линьки кожа, похоже, продолжает линять.

Жизнь без смысла жаждет смыслов, и психологи кормят голодных присутствием животных. Пациенты, как хищники, пожирающие плоть животных своих снов, чтобы удовлетворить свою ненасытность к знаниям. Или мы, психологи, стали таксидермистами, выпотрошив змею, напичкав ее концепциями и сохранив ее как тщательно зафиксированное значение?

81 A. Jaffe, *The Myth of Meaning in the Work of C. G. Jung*, trans. R. F. C. Hull (Zurich: Daimon, 1983).

ЛОШАДИ И ГЕРОИ

Деликатность, благородство – вот что мы часто упускаем из виду, будучи захваченными грохотом копыт, мускулистыми боками, напористой силой скачущего араба, откинутыми назад ушами, вытянутой по ветру шеей. Но помните о нежности губ лошади, ее ресниц, горла, костей ног, о сладости запаха конюшни, о ласке. «...Ее длинное ухо/Нежное, как кожа на запястье девушки», – пишет Джеймс Райт о лошадях в своем стихотворении «Благословение⁸²». И, как бы мы ни были впечатлены пахотной лошастью, ломовой лошастью, вьючной лошастью, мы забываем, насколько они принадлежат к воздушной стихии, как будто у всех лошадей есть крылья, они летят по ветру, распушив хвост, широко раздувая ноздри, воздух прорывается через их внутренности – они фыркают, ржут, пыхтят, урчат, пукают.

Юные герои греческих мифов поднялись в воздух на своих лошадях: Беллерофонт на Пегасе, Фаэтон, правящий солнечной колесницей своего отца, Ипполит, мчащийся с обочины дороги навстречу своей смерти. Они не смогли удержать своих лошадей и разбились.

Обычный символизм связывает лошадь с землей и морем, с Посейдоном – морским богом: волны – грива лошади, гордая осанка лошади – неудержимая сила бога, копыто – волшебство плодovitости. Когда эта свирепая сила проявляется в женщине, лошадь демонизируется в ведьминого коня, кошмар, паническое безумие беглянки.

Хотя лошади могут быть рабочими и фермерскими, несущими свой груз цивилизации, во снах они все еще переносят героев на своих спинах, как в образах снов, так и в невидимых мифах, сопровождающих эти образы.

82 J. White, *The Branch Will Not Break: Poems* (Middletown, Conn.: Wesleyan Univ. Press, 1963), 57.

Крестоносцы и конкистадоры; монголы и гунны, верные Мухаммеду, скачущие, чтобы обратить в свою веру обширные просторы арабского мира; апачи в Аризоне; гаучос в Патагонии; кавалерия, продвигающаяся в родные земли, за которой следует Железный конь по железнодорожным путям – все экстравертное движение, совершаемое верхом на расстояния. Герои и спасители: Пол Ревир; Пони-экспресс; Крутые наездники Тедди Рузвельта; лихие побег королей и королев. Вашингтон, Ли, Шеридан – статуи бронзовых людей в парках, сидящих на бронзовых лошадях. Лошади Наполеона, тащившие армейское снаряжение через Польшу в Москву, их туши окоченели в снегу; и лошади Гитлера, десятки тысяч, несущие Вермахт на своих спинах. Клинт Иствуд, Джон Уэйн, Том Микс, Рой Роджерс, Одинокий рейнджер...

И все же они везут нас, как Мустанги и Пинто, Иноходцы и Жеребята, подобно силе, скрытой под капотом автомобиля. Даже проезжая по лужайке и полю для гольфа, мы все равно едем на лошадях.

Эта лошадиная сила все еще является причиной внезапной смерти на ночных дорогах и магистралях стольких мальчиков, находящихся на грани полного расцвета жизни! Таких мальчиков, как Ипполит и Фазтон, и Диомед, сын Марса, и мифический царь Фракии, чьи лошади ели его человеческую плоть. Конь, который является носителем жизни, сопровождает нас на торжественной процессии на похоронах, но уже без всадника.

Но все это самая легкая часть о лошадях. Это символизм и история лошади. Как насчет ее тайны? Лошадь, которая просит освободить ее от необходимости нести героя-наездника на спине? Как насчет души лошади, у шеи которой юноша может выплакать свое одиночество и высказать свои тайные желания, лошади, за которой ухаживает молодая девушка, расчесывает ее и любит страстно и преданно, больше, чем кого-либо другого?

Вы ухаживали за лошастью? Слюнявила ли она вам руки, наблюдали ли вы за ее коликami, чувствовали ее терпение, когда

подковывали ее, когда она носила воду январским утром, слышали, как она пила? Вам когда-нибудь приходилось ее отпускать? Вам снилась раненая лошадь?

В упрямой экстраверсии и благородном мужестве – которые скачут галопом через континенты и столетия, отмечая миграции цивилизаций, их завоевания и отступления – в этом героическом порыве кроется деликатность, нечто внутреннее и настолько невидимое, что, кажется, только сны способны вспомнить.

Ритуалы, называемые «жертвоприношением лошади», направлены на то, чтобы снять покров невидимости с героизма лошади, отмечая отделение от героя. Эти ритуалы – самая трудная часть, и они поражают своим пафосом. Например, когда Будда вступил на путь аскетизма, он отпустил своего возничего и больше не нуждался в своем коне Кантаке. Эта разлука с хозяином разбила сердце лошади, и она умерла от горя. Так Будда покончил со своей больше не нужной лошадиной силой. Кантака запомнился в буддийской скульптуре как маленькая лошадиная фигурка верности рядом с великим сидящим Буддой, лошадь, уменьшенная до незначительной силы в созвездии образов буддизма.

Великое индуистское жертвоприношение лошади (ашвамедха) относится к четвертому тысячелетию до нашей эры. Король-завоеватель позволил призовой лошади свободно пастись в сопровождении отряда молодых воинов. Территория, занимаемая лошадью, стала, так сказать, королевским пастбищем – лошадь олицетворяла безграничную либидозную энергию экспансии. «Когда это величественное животное... бродило по земле в течение полного годового цикла, расширяя свое пространство завоеваний, затем его снова сопровождали домой, чтобы убить с помощью самых сложных и торжественных обрядов⁸³».

Как только король утвердился в своей власти, экспансионизм, который привел его на трон, оказался больше не был нужен. Путь

83 Н. Zimmer, *Philosophies of India*, ed. J. Campbell (Princeton Univ. Press, 1951), 134.

завоевания – это не путь правления. Один бог или животное средство передвижения поддерживает амбиции, в то время как другой бог или животное средство передвижения поддерживает то, что было достигнуто. Таким образом, короли как короли часто представляются львами, слонами, быками, орлами, то есть верховными владыками последовательности, а не героями-победителями. Вы можете узнать их характеры по их лошадям.

Это приводит нас к Марсу, богу боевой ярости. Вы, наверное, заметили, что лошадь в индуистской истории сопровождает почетный караул воинов. Римское жертвоприношение Октябрьской лошади делает эту связь между лошадью и завоеванием еще более явной. Каждый год 15 октября на Марсовом поле за городскими стенами лошадь убивали ударом копья в честь Марса. Исследователь ранней италийской религии Жорж Дюмезиль собрал тексты и объясняет обряды и их причины. Это всегда была лошадь-победитель, например, правая следовая лошадь победившей колесницы. Почему именно «победная» лошадь?

«Потому что Марс – это особое божество победы и доблести, – объясняет Плутарх («Римские вопросы» 97), – римляне приносят в жертву богам существ, которые особенно приятны и подходят для них». Марс любит лошадей, потому что лошади похожи на Марс. Конечно, Будде пришлось отпустить Кантаку: отказаться от лошади означало также отказаться от военного пути⁸⁴.

Во сне лошадей тоже тщательно забивают, иногда сдирают кожу, убивают пулей, пускают кровь из шеи, хоронят в яме. Сновидец потрясен, боится за свою собственную жизнь, как будто смерть лошади сигнализировала о смерти его собственной жизненной силы, энергии, несущей вперед, которая готова встать и уйти в день. Действительно ли эти образы агонии, которые она переживает во сне, принадлежат лошади, или ее приносят

84 G. Dumezil, *Archaic Roman Religion*, trans. P. Krapp, 2 vols. (Chicago Univ. Press, 1970), 1.215-27.

в жертву ради ее героического хозяина, сновидца, который не может отказаться от экспансионистских амбиций?

Алхимическая психология учит «жертвоприношению лошади» гораздо менее буквально. Она использует живот лошади, *venter equi*, как образ внутреннего тепла. Алхимия привносит метафоры огня для интенсивной концентрации, необходимой для создания души (на самом деле алхимиков называли «работниками в огне»). Жар в животе лошади относился к перевариванию событий, размышлениям и вынашиванию вместо того, чтобы вспыхивать воинственным темпераментом. Это внутреннее тепло, сдерживаемый огонь.

Вместо того чтобы убивать лошадь или отпускать ее с целью освободиться от ее силы, алхимия предлагает проникнуть внутрь лошади, как Иона в кита. Мы интериоризируем и созерцаем стремление двигаться вперед, бежать без оглядки, паниковать, побеждать. Вместо свободного завоевания – вы верхом на лошади с поводьями в руках, вы спускаетесь вниз и остаетесь внутри своего животного, окутанного и подготовленного собственным теплом.

Алхимическая психология также использует образ конского навоза для этого обозначения интровертного тепла. Закрытый стеклянный сосуд, в котором находится «обрабатываемый» психологический материал, можно поддерживать в тепле при постоянной температуре, закапывая его в конский навоз. Устойчивое тепло относится к медленному и длительному сосредоточению на своей душевной жизни (*focus*, кстати, по-латыни означает «очаг»). Стеклянный сосуд приглашает заглянуть внутрь и увидеть действия, предназначенные для этих образов. Прятать свои душевные сокровища в куче навоза – значит обращать внимание на остатки ваших побуждений и действий, управляемых лошадью. Вы начинаете осознавать дерьмовую составляющую своей управляемости, последствия жизни, через которую вы проехали. По мере того как вы варитесь в этом брожении, начина-

ет формироваться другой вид осознания.

С этой точки зрения – жертвоприношения лошади и проникновения внутрь нее, а не героической езды – мы можем взглянуть на историю троянского коня, рассказанную в «Одиссее». Греки снова и снова терпели неудачу в своих попытках захватить Трои – до тех пор, пока они не построили огромного деревянного коня, которого троянцы после долгих споров впустили вглубь своих неприступных стен в качестве подарка в честь богов. Как мы все знаем, деревянный конь был полым и набитым греческими героями, которые затем выскочили из нутра лошади, разграбили город и одержали победу.

Мы все знаем, что конь был полым, но почему троянцы ничего не заподозрили? Их воображение было ограничено; они все еще были воинами; их лошадь не была «принесена в жертву». Греки вывели войну на другой уровень – от битвы до эпического воображения, от героев до возвращения домой. После десяти лет борьбы они прониклись своей собственной боевой яростью, своей собственной потребностью побеждать. Они взяли Трои изнутри (не только внутри стен буквально, но и метафорически, образно). Они могли представить себе конец войны – полую лошадь как искусный образ этого творческого акта. Они вошли в его чрево, как в алхимии.

Итак, Троя пала, но она пала из-за Гомера. Он завоевал Трои с помощью греческого языка, превратив битву в историю, придумав в поэзии то, что могло произойти или не произойти в буквальной истории. Но для того, чтобы это случилось, и чтобы культура восстала из руин завоеваний, лошадь сначала должна была полый, ее воинственный порыв должен стать эпическим образом.

КРЫСА

«Ты – крыса!» означает *обманщик, предатель*. Даже «Ты – грязная крыса!» Скользкий, мерзкий и подлый обитатель многоквартирного дома, канализационного стока, мусорной кучи. Крысы пришли в Европу из Азии вслед за вторгшимися племенами, принеся с собой чуму через блох и вшей на своей шерсти. Куда бы ни двигалось человечество, крысы следуют за ним. Ничто их не удерживает. Их трудно поймать в ловушку, трудно убить. Они живут там же, где и мы, в больших городах с переполненными трущобами, как парии, живущие за счет того, что мы выбросили. Ночью они выходят на улицы, снуют по канавам, едят и размножаются – и убегают. Ни один дворец не застрахован, ни один особняк не защищен от нашествия крыс. Это глубокое знание изнанки цивилизации – именно то благо, которое предлагает крыса.

Крыса настойчива и ретива. Как и рэт-терьер, собака-крысолов, она не отпустит своего, поэтому мы говорим о фанатах дисциплины как о крысах: водяных крысах, балетных крысах, крысах-библиотекарях. Ни один орех не является для них слишком твердым, они никогда не перестают грызть, как никогда не перестают расти их резцы. Поэтому Ганеша, индийский добродушный слоноподобный бог с брюшком, передвигается на спине крысы, которая проходит через все препятствия и открывает путь вперед.

Она знает город, у нее есть уличная смекалка. Жизнерадостной, хорошо воспитанной женщине снится: «Я еду в лондонском метро, и за мной следует человек с крысиным лицом; я напугана и пытаюсь найти эскалатор обратно наверх». Что мог бы показать ей этот человек-крыса, если бы она не отступала наверх, а осталась в его компании внизу? Возможно, что-то о лабиринтах глубинных

уровней человеческой цивилизации.

Еще один сон о домашнем спокойствии, нарушенном крысами, от мужчины-психолога лет сорока: «Я возвращаюсь домой. Свет над навесом не горит – я все равно подъезжаю. Внезапно крысы набрасываются на меня из-за каких-то вещей. Я не вижу, откуда они берутся. Одна прыгает мне на плечо, и я просыпаюсь от прыжка. Моментальная реакция на испуг. Я полностью проснулся, я в панике».

Дом отныне не безопасное место. Путеводная лампа над входом погасла. Вещи (хранились, складывались, не использовались, хранились для сортировки?) выпускают наружу своих призраков. Крысы. Был ли он сам вьючной крысой, хранящей вещи, как внешние, так и внутренние? Во сне ясно говорится, что крысы выходят из-за вещей, но он так же ясно говорит, что не может видеть, откуда они приходят. Его свет, должно быть, тоже погас, или он хочет отрицать источник появления крыс.

Крыса у него на плече явно хочет добраться до него. Она будит его своим прыжком. Это дает ему толчок к действию. Говорит ли это нам что-то важное о панических атаках? Это может быть как паралич, так и радикальное пробуждение.

Животное на плече – иногда обезьяна, иногда попугай – здесь крыса, находится прямо там, где ваша голова, рядом, на одном уровне. Теперь вы можете быть двоякого мнения о чем-то, смотреть на вещи с другой точки зрения, с удвоенным метафорическим пониманием. Это то пробуждение, в котором нуждается этот психолог? Так вот почему крысы приходят к нему, за ним? Даже если он не может видеть, он теперь, по крайней мере, может слушать, потому что у животного на его плече есть ухо.

Человек большой силы воли и доброты пытался начать карьеру в сфере недвижимости. Он не мог сделать бросок, не мог забить, не мог сыграть. Из сна появилась фигура, которую он назвал «Крыса». Первые слова, которые Крыса сказала ему в воображаемом разговоре, были: «У тебя нет носа». Крыса начала

сопровождать его в торговых звонках. Они поговорили в машине, прежде чем он вошел в дом. Наш мужчина начал быстро находить ответы, которые, к его великому удивлению, сами собой слетали с его губ вместо расплывчатых разговоров о продажах, которые он выучил ранее. Он начал избегать расставленных для него ловушек и показал зубы, когда его загнали в угол. И он проводил поздние ночи, изучая под руководством Крысы, размышляя о зонах и правилах, о лабиринте законов и мелком шрифте в банковских договорах о кредитах (помните, что крысы используются в науке высоких технологий благодаря своей способности к обучению). Он также начал следить за собой, тем самым обретая уверенность в себе и становясь менее параноидальным, что его всегда и все обманывают. Пока он не узнал Крысу, он знал только ее бессознательные эффекты – эти скрытые подозрения в отношении других и грызущие сомнения в себе.

Крысу, конечно, нельзя отнести к числу героических животных, и она не фигурирует среди главных жертвоприношений в религиях. Тем не менее, она играет ведущую роль в восточной астрологии, где Крыса является первым из двенадцати зодиакальных животных, эквивалентная нашему первому знаку, Овну. То, что год или любой цикл начинается с овна, кажется очевидным для нас, унаследовавших западные традиции. Упрямая напористость барана, его огромные семенные яйца и длинный тонкий растущий пенис, его щелевидные глаза, почти прикрытые толстым черепом, который принимает вызов и врзается во все, с чем сталкивается – все это относится к беспокойному напору весны и новому старту.

А если начать с крысы? Корейские шаманы говорят, что это «тотем силы, которая определяет течение года». Очевидно, что если все начинается с крысы, то «новый год» должен выскользнуть незаметно, из-под земли, из темного переуллка, где меньше всего ожидаешь. В самом начале вы не совсем уверены, чему можно доверять; на самом деле вы не совсем уверены, что на самом деле является началом, а что – затуханием. Крыса сохраняет раз-

ложение и жизнь сплетенными воедино, точно также, как лабораторные крысы хранят в своих зараженных, гротескно искаженных телах надежду на лучшее здоровье и более долгую жизнь.

Когда крысы покидают тонущий корабль, в то время как капитан храбро идет ко дну, является ли крыса предателем, а капитан героем? Или крыса движется к новому началу, в то время как капитан идет ко дну, упрямо неспособный измениться. Дезертирство крыс также является началом нового цикла. На обочине жизни, для нового старта. Крыса наиболее приспособлена для выживания.

ЛЬВЫ И ТИГРЫ, ИЛИ ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЮТ ДВЕ ВЕЛИКИЕ КОШКИ

В великом порядке вещей, похоже, должны были быть и львы, и тигры. Один вид большой кошки не мог покрыть всю территорию. Разница между ними – как день и ночь. Тем не менее, анатомически они почти одинаковы. Без шкур их туши – за исключением небольшого изменения лицевых костей – выглядели бы идентичными для обычного глаза. Совсем иначе обстоит дело со шкурой, привычками, средой обитания и тем, как они проникают в наши сны и в наше общественное воображение – такие же разные, как день и ночь.

Место львов – вельд, открытая местность с легким покровом, равнины Африки; тигров – заросли на склонах холмов, джунгли и русла рек Азии. Львы живут группами, называемыми прайдами. Они охотятся группами. Тигры – одиночки. Львы любят держаться на суше и подальше от деревьев; тигры плавают, часто хватают свою добычу в глубокой воде и используют деревья. Львы одноцветные, рыжевато-желтые, что символически связывает их с солнцем, золотом и всеми героическими добродетелями непоколебимой целеустремленности. Тигры имеют контрастные полосы: оранжево-черные, белые и черные. Такие же разные, как день и ночь.

Тигры живут (или когда-то жили) в землях шаманов – Индии, Индонезии, Сибири, Корее, поэтому тигр – это не только шкура, в которую одеваются солнечные герои вроде Геракла или Самсона. Шкура тигра (как и шкуры его мифических родственников – пантеры, леопарда и ягуара) служит классическим сиденьем для йогина или святого человека, тигр (или пантера) везет колесницу Диониса, повелителя мистерий, и тигр появляется на азиатских картинах, скрываясь за бамбуком, освещенным луной.

Молодой воин, как Давид в Библии или масаи в Кении, убивает льва для своего испытания, в то время как дзенские истории рассказывают о другом виде испытания. Мастер не сражается с тигром; скорее, он входит в пещеру тигра, и оба ложатся спать.

И воин, и мудрец должны смириться с великой хищной яростью, чтобы жить, что также означает встретить смерть лицом к лицу. Эти большие кошки подобны силе физической страсти. Они желают плоти, потому что они сами – желание плоти. И поэтому мы представляем львов и тигров как «людоедов» и любим смотреть на них по телевизору, преследующих и убивающих, а затем погружающих головы в кровавые внутренности своей добычи. Воин, пронзая копьем льва, доминирует над тем, что могло бы доминировать над ним, тем самым воплощая на другом уровне свирепость льва. Надевая шкуру, медитируя на нее, как это делает мудрец (как Шива на тигровой шкуре), или раскладывая ее на полу игровой комнаты человек и животное находят новый симбиоз. Мудрец находит этот союз с великим хищником, позволяя ему уйти от него. Он спит. Тигр спит. Даниил тоже провел ночь в логове льва (Даниил, 6:18-23) невредимым, и Иероним написал латинскую библию в своей монашеской келье со спящим львом у его ног.

В романе Редьярда Киплинга «Зов джунглей» маленький Маугли идет бок о бок со своим защитником – пантерой, что представляет собой героическую фантазию ребенка. Но в дополнение к посланиям Киплинга о колониальном владычестве, книга подразумевает посвящение мистика в тайные языки природы. В исследовании шаманизма Мирчи Элиаде⁸⁵ говорится, что тигр несет неофита на спине в джунгли – эту метафорическую область неизвестного, тьму за пределами – на другую сторону. Тигр, по его словам, был мастером посвящения в Центральной Азии и Индонезии.

85 M. Eliade, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, trans. W.R. Trask (Princeton Univ. Press, 1972).

Молодой женщине снится, что она бежит с горы от враждебных преследователей. Другие в ее компании прыгают на лошадей, в то время как она садится на тигра. Ее путь вниз и их путь различаются (она не только выбирает тигра вместо лошади; тигр благоволит ей, иначе он не позволил бы ей ездить на его спине). Этим импульсивным выбором животного средства передвижения она также объявляет кое-что о своей судьбе, кое-что о том, какое животное поведет ее в более низкие местности и какое из них она будет использовать для побега. Она также отличает себя от «других» в своей психике, которые выбирают более традиционную поездку.

В то время как лев может обозначать царя Иудейского, христианского короля-крестоносца, ученика Христа Марка и других святых, даже Христа, тигр кажется противоречащим всей этой благородной традиции. Как замечательно написал Уильям Блейк в своем стихотворении «Тигр»:

*Кто, не покладая рук,
В кузне ладил твою стать...
Кем был агнец сотворен,
И творцу милей ли он?*

Блейк поместил этого тигра «в чащи ночи», подразумевая, что он приносит с собой тьму. Тигр несет в себе нашу культурную тень – зловещую, двуцветную, возможно, двуличную представительницу «другой стороны».

Любопытно также, что китайская астрология помещает тигра в зодиак, где западная астрология имеет двойной знак – меркурианских близнецов. Такие же разные, как день и ночь, лев и тигр; или, как говорит китайская философия, такие же разные и необходимые, как ян и инь.

Поскольку инь несет «смерть» ян, для тех, кто следует только моноцентричности льва, тигр представляется убийцей, особенно жестоким, даже злым. И – женственным! Поэтому в наших

европейских языках есть выражения, обозначающие женщин как тигриц страсти, ревности и мести.

Странным образом гендерные различия прикрепляются к двум большим кошкам, как если бы львы были самцами (хотя, как известно большинству людей, самки занимаются охотой и воспитанием, что позволяет выжить) и как если бы тигры были самками, инь, западным ветром, ночью, луной, и, как центральноамериканский ягуар, врагом орла, обладающего солнечной силой. Использование гендера для разделения мира на противоположности затушевывает тот факт, что обе кошки являются представителями обоих полов, как настаивал Ной, и что случайные психологические ярлыки «мужское» и «женское» становятся прикрытием для слабого мышления, фальсифицируя сложные последствия, которые несут с собой большие кошки.

Тем не менее, психика действительно отличает львов от тигров, и она также разделяет других животных по признаку пола. Однажды я видел детский рисунок родителей в виде льва и тигра. Матерью была львица. Этот рисунок был похож на два других, которые обсуждались на протяжении многих лет. В одном из них пациент нарисовал себя между двумя слонами, матерью и отцом. У матери были бивни. В другом – девочка нарисовала сон, в котором ее мать была волчицей, а отец – лисой. Во сне одного человека он находится в гостиной своей семьи со своими родителями. Он «замечает там льва и пантеру, но его родители тогда умерли». Были ли лев и пантера «животными душами» его родителей, и был ли величественный лев духом матери, а скрытная пантера – духом отца?

Восприятие ребенка, как и сон, часто улавливает то, чего не замечает сознательный разум. Сны и рисунки показывают то, что находится под ними, то, что психоанализ называет «бессознательным» (юнгианская психология сказала бы, что сны и рисунки показывают аниму отца и анимуса матери). В этих случаях мать воспринимается как принадлежащая к племенам

львов, волков и представителей мужского пола; отец – к более коварному, хитрому и менее конфликтному миру тигров, лис, пантер и слонов без бивней.

Считает ли лиса себя «хитрой», является ли ее привычка выбирать извилистый путь, ее ловкость в проскальзывании через узкие отверстия и прятание в норах, ее универсальность в умении перехитрить гончих и охотников адекватным описанием таких прилагательных, как «хитрая», «ловкая», «скрытная», «лукавая» – это действительно вопрос морали. Для нас эти термины означают обман, как будто все существа должны смотреть нам прямо в глаза и идти по узкой тропинке предсказуемости. Возможно, значение, которое мы придаем лисе словом «хитрая», как тигру – словом «двуличный», включает в себя такие добродетели, как смелость и гордость, благоразумие и проницательность. Хотя наши описательные термины могут быть точными, чтобы верно передать природу животного, их точность все же размыта нашими глубоко запрятанными морализаторскими предположениями.

Когда главный герой романа Майкла Вентуры «*Зоопарк, где тебя скормят Богу*⁸⁶», доктор Эбби, переживает кризис, он идет именно в вольер тигра. Именно тигр зовет его, именно в глаза тигра он смотрит, тигр охраняет его безумие, его здравомыслие и странные тайны его страсти и нежности. Это не мог быть лев, потому что доктор Эбби проходит посвящение души, называемое в нашей культуре «срывом».

Если бы это был лев, доктор Эбби был бы больше озабочен восстановлением своего положения в обществе, яркостью своего повседневного сознания и своих героических способностей хирурга, который спасается от смерти, берет на себя ответственность и помогает другим. Это лев, который охраняет общественные здания, а не тигр; лев, который символически

86 M. Ventura, *The Zoo Where You're Fed to God: A Novel* (New York: Simon & Schuster, 1994).

представляет королей и королевства, требует большей доли и идет впереди всех остальных.

Но мы не можем свести льва лишь к каменному изображению, как если бы король всегда был тираном и обладал властью, определяемой только как бессердечие. В преданиях о Льве говорится, что его сила исходит от сердца в виде мужества, великодушия и верности. Если он доминирует в животном царстве, то, возможно, другие звери признали его своим царем, признали не только из-за его рева и свирепости, но и потому, что он олицетворяет иерархическую справедливость, которая присуща этому царству и которую мы принижаем термином «пищевая цепочка».

Если мы рассматриваем льва в сновидении только как властный порыв эгоцентрического самосознания или как порыв к пробуждению солнечного сознания, то мы пренебрегаем жизнетворным свойством льва – его свет приносит тепло. Например, в алхимии сера, иногда загадочно называемая «львом», была одновременно светом и теплом, духовным идеалом и физической интенсивностью. Лев в легендах не только прожорливо ест, но и безмерно любит. Его местонахождение в астрологической физиологии – сердце, его дом, дом удовольствия и любви, учения и потомства.

Египтяне понимали дифференциацию льва. У него были разные лица и фазы: молодой лев (солнца на рассвете), солнечная сила, выходящая из пустынной ночи; полуденный черный лев (богини Сехмет), опаляющий все своим властным жаром и приносящий язвы и их исцеление; и лев вечером, со сложенными лапами в покое. Единого толкования приснившегося льва быть не может. За ним нужно наблюдать: и это наблюдение приближает вас к таким качествам льва, как храбрость, внимательность и преданность. Убегающий, раненый, неожиданно появляющийся, лежащий, приседающий, как будто готовый к прыжку, он всегда демонстрирует себя и создает определенное настроение. Это лев

внутри образа, и именно этот образ в целом передает льва нашему сознанию. Образ является его носителем. Если воспринимать льва только как такового, видеть в нем только смысл, то это вырывает его из среды обитания в сновидении, в котором заключены его смыслы.

ТАРАКАНЫ В ГОЛОВЕ

Я тебе хочу сказать теперь о «насекомых», вот о тех, которых бог одарил сладострастьем... И мы все Карамазовы такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет, и в крови твоей бури родит. Это – бури, потому что сладострастье буря, больше бури!

Ф.М. Достоевский,
«Братья Карамазовы»

Преамбула

Когда мне было двадцать лет, в апреле в Париже, сразу после Второй мировой войны, я угодил в забытье анима, которое в 1940-х годах называлось «любовью». Я был подавлен и оживлен одновременно, как говорит Уоллес Стивенс: «Его анима любила свое животное/И любила его без подчинения...⁸⁷» – и теперь я верю, что именно тогда я впервые начал сходить с ума. Зараженный, захваченный, укушенный вторгшимися под кожу крылатыми и любящими нечистоты психических отклонений жуками, которые роились в моей крови и лихорадили мой разум. Именно тогда я впервые прочитал Марсея Пруста: «Анима» определенно была литературным романом, поэтому сейчас трудно сказать, сделал ли Пруст меня способным любить или любовь сделала меня способным чувствовать Пруста. Червь вырвался из кокона подросткового сна, сотканного самим собой. Я был бурлящим термитным холмом, ульем медоносных пчел, гудящим гулом, и во всем видел чудесные нити, тонко связующие разные смыслы.

87 W. Stevens, *Esthetique du Mal, The Collected Poems* (New York: Knopf, 1978), 321.

Тогда я начал замечать сны, и особенно часто меня посещали животные (которые, похоже, не приходили в детских снах, хотя, по статистике, детство – это возраст, когда животные чаще всего приходят в человеческие сны, так как дети наиболее близки с животной душой). Эти животные преследовали меня в бурях, называемых неврозом, анализом, Цюрихом. Как бы для того, чтобы умиловить их, я начал там, в 1960 году, группу по исследованию животных в Институте Юнга. Эта статья основана на этой работе и размышлениях.

Мы встречались каждую неделю или две и разбирали сны, представленные аналитиками, пытаюсь сравнить мотивы и поведение, изобрести и усовершенствовать способы классификации феноменологии того, как появлялись животные и что они делали. Группа просуществовала несколько лет. Как ученые-эмпирики мы многого не добились. Но наша работа, как феноменологическая психология, настроила меня на то, чтобы слышать голоса существ, и дала мне возможность увидеть привычные ошибки и жестокость, которую сновидцы совершают по отношению к животным, приходящим ночью, и, особенно, как диада «я – сон» боится насекомых.

Коллекция значительно выросла за эти годы благодаря моей практике и семинарам по всей стране, посвященным снам с животными, участники которых любезно подарили мне «своих животных». И она ждала, отчасти потому, что только в последние годы я смог выразить словами свою преданность животным – что анима, любовь и животные приходят в мою психику вместе, неразличимые, что есть связь между душой и животным, желанием и божественностью, анимой и животным. Тайна моей преданности отчасти выражена в этом отрывке из Пруста:

Я нахожу очень разумным кельтское верование, согласно которому души тех, кого мы утратили, пребывают пленниками в каком-нибудь бытии низшего

порядка, в животном, в растении; в неодушевленном виде, действительно утраченными для нас до того момента – для многих вовсе не наступающего – когда мы вдруг оказываемся подле дерева или вступаем во владение предметом, являющимся их темницей. Тогда они трепещут, призывают нас, и, как только мы их узнали, колдовство разрушено. Освобожденные нами, они победили смерть и возвращаются жить с нами⁸⁸.

Сон о жуке – одно из таких мест, где эти души трепещут и призывают нас.

Мы будем изучать сны, чтобы избавить их от ошибок в рамках дневного мира, в которых они были зафиксированы, «прикреплены и извиваются на стене» (Т.С. Элиот). Под «жуками» я подразумеваю всех ползучих тварей, включая пауков, жуков, вшей, мотыльков, муравьев, пчел, ос, мух, личинок и некоторых существ, энтомологически не классифицируемых как насекомые.

Наша история совершенно темна, полностью предубеждена против этих паразитов. Классическим фокусом взгляда нашей культуры, восходящим к Библии, является «Фауст» Гете, где хор насекомых приветствует Мефистофеля, поющего:

*Здорово, здорово,
Патрон дорогой!
Летим мы, жужжим мы,
Знакомы с тобой!
В тиши понемножку
Плодил ты нас, друг –
И тысячи ныне
Танцуют вокруг!
Коварство таится*

88 M. Proust, *Swann's Way*, trans. C. K. Scott Moncrieff (London: Chatto and Windus, 1926), 55.

*В груди у людей:
В одежде их вошек
Откроешь скорей...⁸⁹*

Мефистофель говорит: «Тварь новая! Как я ей рад сердечно!». Повелитель мух, Вельзевул, любит жуков, а жуки, как демоны воздуха, ночи и тайников в земле, являются его детьми.

Рассматривать насекомое, изучать его звуки – значит слушать дьявола. Эта традиция искажает наш взгляд на них во сне. Артемидор (около 150 до н. э.), автор первой книги по толкованию сновидений, сказал:

Всякий раз, когда муравьи ползают по телу сновидца, это предвещает смерть, потому что они холодные, черные и являются детьми земли. Жуки – символы забот и тревог... недовольства и неудовлетворенности. Комары... означают, что сновидец вступит в контакт со злыми людьми... Если вшей много... это неблагоприятно и означает затяжную болезнь, плен или большую бедность... Если человек проснется, когда ему снится, что у него вши, это означает, что он никогда не будет спасен⁹⁰.

К этим проклятиям мы могли бы добавить традиционную историю о Нероне, которому через некоторое время после того, как он убил свою мать, приснилось, что он покрыт крылатыми муравьями. Подумайте о части «Коктейля» Т.С. Элиота, в которой замечательная святая Селия распята на муравейнике; о представлении Фрейда о том, что жуки – это паразиты, представляющие во снах нежеланных младших братьев и сестер, которые докучают нам; о «Превращении» Кафки; о «Мухах» Сартра; и даже юнговский взгляд на паука как на негативную мать или негативный образ себя из-за его восьми ног, расставленных в манере мандалы. Эти слова сами по себе несут беспокойство.

⁸⁹ Часть вторая, 2.1.

⁹⁰ Артемидор, «Толкование снов».

«Насекомое» означает зазубренный, неровный, врезанный, подчеркивая остроту, заостренность, пронзительность, а также механический, автоматический аспект существа. *Bug* (жук) означает призрак, явление, объект ужаса. *Bug* однокоренное слово с *frighten* (пугать), а также с *bow* (гнуть), *bend* (сгибать) или *turn aside* (отворачивать) – то есть жук отклоняет или сворачивает других с их пути. Британцы склонны использовать *bug* только для обозначения клопа, других насекомых называют по их видовому названию или вообще *insect*. Корень слова *bee* (пчела), вероятно, происходит от арийского *bhi* (бояться) в смысле дрожать или жужжать (древнеанглийский). «Жук» происходит от древнеанглийского *bitan* (кусать). *Moth* (мотылек), появившееся в 1577 году, означает то, что разъедает, грызет, тратит, разрушительно притягивается к пламени. В народной речи западной культуры *Volksmund*⁹¹ комар, мошкара, клещ, вошь, муха, мошка, блоха, моль, сверчок, жук имеют общий знаменатель: эти термины означают малость и неполноценность, которые могут быть ласкательными, но обычно оскорбительны.

«Баг» проник в компьютерный язык, в Mark II, первый американский крупномасштабный цифровой компьютер, в 1945 году. С тех пор программисты одержимы устранением багов путем отладки; они пытаются создать информационные системы, защищенные от них. Жуки уже давно стали частью психиатрии, будь то галлюцинации с ползучими мурашками на коже, кокаиновые жучки, прослушивание, навязчивые опасения или место, где могут разместиться люди, муравейник.

Есть и другие традиции, где Повелитель Насекомых – не Дьявол, а Обманщик. Например, навахо Бегочиди – «сын Солнца, который имел связь со всем на свете⁹²». Бегочиди означает «тот,

91 R. Riegler, *Das Tier im Spiegel der Sprache* (Dresden-Leipzig, C. A. Kochs Verlag, 1907), 223-94.

92 G. A. Reichard, *Navajo Religion: A Study In Symbolism* (New York: Pantheon, 1950), 2.387ff.

кто хватает за грудь», и подробности о нем слишком «грязные», чтобы рассказывать антропологу. «Он получил свое имя, потому что он, становясь невидимым, подкрадывался к молодым девушкам, чтобы коснуться их груди, и кричал... Он также раздражал мужчин... Как только охотник был готов стрелять, он подкрадывался, хватал мужчину за яички и кричал... Аналогично, когда мужчина и женщина вступали в половую связь». Бегочиди – «белокурый или рыжеволосый бог с голубыми глазами, одетый как женщина. Он отвечал за насекомых, вызывал их по своему желанию и даже иногда появлялся в виде червя или насекомого⁹³». Однажды, когда его поймали, шершни роились у него изо рта, июньские жуки из ушей, грязевые жуки из носа. Шершни ужалили всех остальных богов, а потом Бегочиди проглотил всех жуков обратно. Он также мог превратиться в любого жука.

Сказки об этом Повелителе Жуков дают ясное представление о кажущейся спонтанности насекомых, их нахальном безразличии к человеческим намерениям, их власти над нами. Нам кажется, что мы кричим от укусов насекомых, но, возможно, это они, вызывая крик, кричат через нас. Что касается власти насекомого, вспомните только безумное состояние, когда вы в последний раз пытались прихлопнуть мошку ночью или демонически преследовали таракана вокруг раковины: «Мужчина во Флориде достал пистолет и выстрелил себе в ногу, чтобы убить (неопознанного) жука, который полз по ней⁹⁴».

Давайте теперь послушаем сон, сначала на фоне обычного иудео-христианского взгляда, а затем имея в виду Бегочиди.

Бледная, молодая, сильно встревоженная женщина на грани безумия, чья любовная связь распалась и которая отчаянно пыталась преодолеть это, «выбросив его из головы», видит во сне, что она убила человека, а затем на заросшей тропинке на нее напали ползучие твари, они

93 Там же.

94 S. Hubbell, Bugs, 79.

ползали по всему ее телу – черви, насекомые, скорпионы. Она не могла убить их или избавиться от них. Они были даже у нее под кожей. Она попыталась выдавить их, и из ее руки и запястья потекла желтоватая жидкость.

Это был ее первый сон из длительного анализа.

С нашей обычной точки зрения, сон представляет собой компенсирующее наказание за ее убийственное подавление. В ней сидит дьявол, и ее толкают через край, потому что она выбросила любовь из головы, убила своего «мужчину» – любовника, дух, анимуса. Она отрицает ощущения своего тела, и оно мстит ей, приютив рои насекомых; ее плоть расплзается. Сам инструмент, которым она орудует, рука и запястье, проходит через алхимическое гниение, а желтый цвет, который вытекает из нее, может означать навязчивые мысли о ревности, желтушный взгляд на роман в ретроспективе и/или тошнотворное беспокойство о том, что она душевно больна⁹⁵.

Предположим, однако, что мы должны были бы представить себе это появляющееся желтое как светловолосого сына Солнца, пробуждающегося от двойной муки ее желания убийства. Контекст сна – это не прошлое дело, а настоящее посвящение в анализ, в рамках которого прошлое, убийство и любовь начинают представать в новом свете. Будет ли богом этого анализа Гермес/ Меркурий, чье первое появление часто бывает непостижимым трюкачеством? Ее бесплодные попытки избавиться от мучений посредством убийства теперь предстают как вмешательство несокрушимого бога – его жуки не отпускают ее. Ее беспокойство о том, что она умрет – это способ, которым новый любовник, бог начал, который не отпускает ее, начинает оживлять ее плоть, даже когда он умерщвляет ее волю. Тогда мы могли бы сказать, что она находится во власти сверхчеловеческой тайны желания как основы

95 См. *The Yellowing of the Work*, в *Alchemical Psychology, The Uniform Edition of the Writings of James Hillman*, vol. 5 (Putnam, Conn.: Spring Publications, 2005).

жизни – тайны бога, который кричит.

Интенциональность

*Закрой дверь! Они лезут в окно.
Закрой окно! Они входят в дверь.*

Снова к снам.

Молодая женщина, которая жила дома и которой мать управляла, как заводной фарфоровой куклой, начала свой анализ с этого сна:

На мне красивое платье, мотыльки и насекомые тянутся к нему, как к магниту. Они продолжают налетать на меня и пожирать платье.

Мужчина тридцати лет, подавленный, обездвиженный, временами завсегдатай баров, рассказывает:

Я сижу в баре и пью. Появились огромные насекомые и начали прыгать на меня.

Позже ему снится:

Я шел где-то по улице и увидел на тротуаре рой черных пауков, которые разбегались от меня, когда я шел. Я остановился, чтобы посмотреть, и как только я остановился, они собрались с силами и двинулись на меня одним строем, словно острие копья.

Сначала мы видим движение существ: «летающих на меня», «прыгающих на меня», «двинулись на меня одним строем, словно острие копья». Они предназначаются сновидцу. Посещают ли они сновидца? По крайней мере, они хотят заполучить сновидца, приближаясь к нему/ней. То, что они хотят, в целом очевидно; чего они конкретно хотят, можно определить только по образу,

в котором они предстают. Для молодой женщины это ее платье (красное, выбранное ее матерью для привлечения молодых людей). Но она была застенчивой, слегка анорексичной, и красный цвет не соответствовал ее чувствам. Что касается мужчины в баре, то прыгающие огромные жуки мешают ему сидеть и пить.

Жуки также могут убежать от сновидца:

Я спускалась по ступенькам подвала и справа от себя увидела двух больших черных пауков, ползущих от меня по поленнице дров в загородном доме моей матери.

Эти жуки уходили от нее: когда она предпринимает шаги, чтобы двинуться дальше, они уходят. Но почему так? Это потому, что она видит их справа, и пауки уходят, если смотреть оттуда? Или, проще говоря, дело в том, что в доме ее матери она и пауки разделяются или соединяются, только удаляясь друг от друга? Если у меня будут проблемы с матерью, пауки могут не захотеть быть со мной.

Еще два сна, которые демонстрируют интенциональность. Мужчина за тридцать обобщает долгий запутанный сон и мотив многих людей этими словами:

Я упрям, расстроен и зол... Когда я прихожу в свой дом, там находится оса, которая преследует меня. Я захожу в дом, а она на ширме, но постепенно я понимаю, что она пробралась через ширму и находится внутри. Я понимаю, что мне следовало поджечь ее, когда она проникала через экран, поэтому я думаю о том, чтобы раздавить ее шваброй, когда она начинает жужжать вокруг.

Женщине сорока пяти лет снится:

Я стою у колодца. Во сне я замечаю, что вокруг меня жужжит муха. Передо мной фигура в черном плаще с капюшоном держит корзину и все время тянется в нее, а потом в колодец.

Я слышу звуки, похожие на плач ребенка, затем понимаю, что в корзине много котят, которых топят одного за другим. Кажется, что это никогда не закончится, а я ничего не могу с этим поделать. Я не могу ни говорить, ни двигаться. Муха продолжает жужжать.

Эти сны, похоже, подразумевают нечто более тонкое – если мы прочитаем намерение насекомого по его воздействию на сновидца. В каждом случае сновидцы говорят: «Я понимаю, что...» По мере того, как оса пробивается сквозь экран, который должен удерживать ее снаружи, в мир людей, которые заполняют предыдущую часть сна, сновидец постепенно осознает, что оса находится внутри. Оса, пробивающаяся сквозь экран, и «я понимаю, что...» совпадают так же, как и сердитое, жалящее преследование осой сновидца и его огненная, сокрушительная реакция. Насекомое раскрывает свои намерения частично через поведение сновидца. Очевидно, что проникновение осы внутрь заставляет сновидца осознать свое собственное «осиное» поведение, которое скрывается внутри, сдерживается от внешнего проявления.

Иногда осознание сновидца во сне происходит не как ментальное отражение, а как отождествление с насекомым. Например, человеку, чьи насекомые прыгнули на него, сидящего в баре, позже приснился сон:

Я наблюдаю за жуками на воде. Затем я оказываюсь в воде и вдруг начинаю двигаться по воде так же, как жуки. Как будто я тоже жук.

Он показал мне движение руками и ногами, плавая, как водяной жук. То, что психология называет «идентификацией», риторика называет «подобием». В этом случае он «осознает» жука, становясь похожим на него, тем самым говоря, что насекомое – это не просто наблюдаемый случай, о котором я размышляю, глядя на него сверху вниз; оно похоже на меня, на меня самого.

Возвращаясь к сну о мухе: когда муха жужжит, женщина ее замечает. Будит ли ее муха или она усыпляет ее («Я не могу говорить или двигаться»)? Хотя муха не может, она и говорит, и двигается («Муха продолжает жужжать вокруг во сне»). Она продолжает деятельность, на которую она неспособна. Однако из-за этого сна она, по крайней мере, теперь видит и слышит, что происходит, и что может никогда не закончиться⁹⁶. Муху также следует рассматривать как сознательный аспект сна, поскольку психологи часто определяют сознание как возбуждение, активацию, внимание, бдительность. Юнг говорит о сознании в бессознательном как о свете в природе⁹⁷. «Сон представляет эту метафизическую идею в форме жука, осы или мухи, которая приходит в сознание спящего и пробуждают его к осознанию».

Часто беспокойство приходит внезапно. Это говорит нам о кризисе и перипетиях во сне⁹⁸. Первоначальный шаблон нарушается, и начинается что-то другое, в значительной степени зависящее от того, как сновидец действует во сне. Это похоже на то, как если бы сон представлял теорию катастрофы – внезапное разрушение одного паттерна при появлении другого – и насекомое становится его катализатором.

Сновидец реагирует не только на жука, но и на внезапность. Это очень важно при изучении снов о любых животных, да и вообще снов любого рода. Слово *sudden* (внезапный) происходит через французское *soudain* от латинского *subitus* («это произошло внезапно или неожиданно», «без подготовки»). Глагол *subeo* (*subitus* – причастное прилагательное) и существительное *subitum*

96 Об «увековечивании» образа см. J. Hillman, *Further Notes on Images, Spring, 1978: A Journal of Archetype and Culture*, 176-77; перепечатано в *From Types to Images, Uniform Edition of the Writings of James Hillman*, vol. 4 (Putnam, Conn.: Spring Publications, forthcoming).

97 C.G. Jung, *Structure & Dynamics of the Psyche, Collected Works*, trans. R.F.C. Hull, vol. 8 (Princeton Univ. Press, 1970), par. 388ff.

98 Там же, 563.

имеют любопытные наклонения, когда определения читаются с учетом «жучков» – например, «приходить или проходить под чем-либо», «приближаться», «возникать», «появляться тайно», «незаметно проникать», «возникать» или «проникать в сознание». В активном буквальном смысле *subeo* также имеет значение «подступать, нападать, атаковать», а затем еще одно значение – «подчиняться», «подчинять себя», «претерпевать, выдерживать, переносить, страдать».

Беспокойство, даже если оно и не внезапное, кажется неотделимым от интенциональности жука. Это существо нарушает привычки человека, даже когда насекомое кажется не злобным или отталкивающим, а привлекательным. Например, женщина в начале своей терапии видит сны:

Я в доме, в котором я выросла, стою у открытой двери, держа за руку маленькую девочку... Пока я стою там, большой (может быть размером пять или шесть футов) зеленый, синий, фиолетовый и желтый шершень подходит к двери и хватает меня за палец, пытаясь вытащить меня. Он очень красивый. Я знаю о его маленьком жале, и его красивые цвета почти светятся. Я очарована им, но отстраняюсь, но и не ухожу, потому что должна остаться и заботиться о ребенке.

Намерение достаточно ясно: вытащить ее из дома, в котором она выросла. Насекомое хватается за палец, в то время как она держит за руку маленькую девочку. Два противоположных захвата, две противоположные тяги. Она предпочитает маленькую девочку шершню, она остается, а не уходит. Конечно, это может быть любовник Зеленый Шершень – анимус человеческого роста (пять или шесть футов), яркий, светящийся, разноцветный, прекрасный со «своим маленьким жалом», подходящий к открытой двери ее фантазии. Она стоит на пороге, но не переступает его. Обратите внимание, что намерению насекомого противостоит ее «потому

что я должна остаться», а не «я хочу остаться» – покорное чувство остаться в доме, «в котором я выросла», доме, связанном с маленькой девочкой. Вспомните, как Дионис пришел в дом Миния, чтобы отвлечь его дочерей от их домашних обязанностей и повести за собой в дикие леса. Он принимал множество обликов, множество звериных форм, и некоторые говорят, что женщины действительно присоединялись к нему, чтобы потом сойти с ума; другие говорят, что они отказались от него и были превращены в летучих мышей⁹⁹.

Мы могли бы сравнить ее шершня с этой пчелой, тоже из женского сна:

*Гигантская пчела находится на нашем заднем дворе.
Она ищет меня, она пришла за мной. Я вижу соседей снаружи
и зову на помощь, но они ничего не делают.*

*Молодая пара, одетая в индийские костюмы, входит в
мою спальню посреди ночи. Они открывают ящик в моем
комоде, и рои пчел появляются, заполняя комнату.*

Внешнее не делает ничего, чтобы спасти ее от того, что ее ждет. Может быть, эти соседи, которые не обращают внимания, на самом деле хорошие люди, потому что не поддаются ее беспокойству. Отверстие в комодe, сделанное парой в индийской одежде, позволяет пчелам появиться внутри интимной обстановки ее спальни. Возможно, существует связь между переодеванием в индийца и открытием ящика в ее комодe. Может быть, она одевается для соседей, ведь ее первая мысль – о них? Одно можно сказать наверняка: пчела переместилась с заднего двора в спальню и превратилась из одинокого гиганта в рой. Если мы посмотрим на сон с точки зрения подавления интимной сферы, то единственная гигантская пчела (возможно, королева), от которой она убежала, возвращается внутрь в ящик ее комода. Она внезапно открывает-

⁹⁹ W.F. Otto, *Dionysos: Myth and Cult* (Dallas: Spring Publications, 1981), 133-34; Ovid, *Metamorphoses*, 4.1ff.; Lemprière's *Bibliotheca Classica*, Minyas.

ся и наполняется ими. Вместо личной конфронтации с существом, которое ее ищет, она теперь страдает от множества возможных мучений и волнений. Но должна ли пчела быть мучением? Возможно, ее ищет Королева, и рой создаст внутренний улей из трутней и рабочих, пыльцы, маточного молочка, воска и меда.

Конфликт намерений между сновидцем и насекомым может проявиться еще одним способом. Женщине снится:

В комнате было что-то, что я очень хотела, но каждый раз, когда я пыталась войти, меня останавливал жук. Он был большой, похожий на саранчу или цикаду, и сидел на маленьком столике. Он летел на меня, производя много шума, испуская искры, пока я не отступала. Я была в ужасе от этого и отказалась от всего, что хотела найти в комнате.

С одной стороны, автономный комплекс, прочно установленный (сидящий на столе) и обладающий энергетическим зарядом, мешает ей занять свое внутреннее пространство. Ужас перед лицом того, что лежит прямо на ее столе, заставляет ее сдаться. Это наделало бы шума и было бы шокирующим. Жук, чье намерение противоречит ее намерению, успокаивается только тогда, когда она отступает.

Мы также можем рассмотреть жука в ее сне, помня этот отрывок из Юнга:

И по сей день Бог – это имя, которым я обозначаю все, что жестоко и безрассудно пересекает мой волевой путь, все, что нарушает мои субъективные взгляды, планы и намерения и меняет ход моей жизни в лучшую или худшую сторону¹⁰⁰.

Тогда жук, похоже, ведет себя как даймон Сократа, говоря

100 C.G. Jung, из интервью в *Good Housekeeping*, December 1961, цитируется в E. Edinger, *Ego and Archetype: Individuation and the Religious Function of the Psyche* (Boston and London: Shambala Publications, 1991), 101.

не то, что она должна делать, а то, чего она не должна делать. Предостерегающая движущая сила, он доминирует во сне и, возможно, действительно является Господом: «Страх Господень – начало мудрости¹⁰¹». Только когда она сможет полностью уважать его намерение, она сможет отказаться от «всего, что хотела найти в комнате». Не моя воля будет исполнена, но твоя. Его намерения остаются неясными – почему он хочет, чтобы она покинула это место – но намерение есть!

Рана

Мужчина в начале анализа записывает этот сон:

Мне снится, что у меня выпадают волосы. Я приподнимаю клочок волос и нахожу целый рой паразитов, въедающихся в плоть и кости.

Молодому человеку снится:

Я медитирую на улице. Мне говорили, что мухи приносят сознание. Я очень рад, когда одна из них садится на мою руку и остается там в течение двадцати минут. Я горжусь тем, что был так неподвижен.

Я смотрю на свою руку – она покрыта пятнами крови, где муха укусила меня много раз, а я даже не почувствовал этого.

Сознание явно не в его медитативной неподвижности, которая оказывается анестезией: «Я даже не почувствовал этого». Муха хочет крови и впивается в его плоть.

Пожилой врач увидел такой сон:

У меня была небольшая круглая рана на правом колене. Ее короста была чистой, и рана была неглубокой. Этой раной

101 Псалом 111:10.

был Китай, который был погружен в ужасную гражданскую войну. В середине раны был небольшой круг, который был столицей Китая. Внезапно этот круг разорвался в центре, и я увидел какое-то движение. Я начал сильно нажимать на нее, и как только я нажал, из столицы Китая выскочила огромная личинка.

Из раны, которая также является бушующей гражданской войной в огромном, древнем и густонаселенном регионе, появляется личинка (я опушу здесь обсуждение колена). Насекомое живет в ране, рана живет как насекомое; живая рана, раненая жизнь.

Сорокадевятилетней женщине снится:

Я была в старом доме, на кухне, в очень большой комнате с высоким потолком. Я подняла глаза и увидела круглое отверстие в стене над моей головой и огромных жуков, выползающих наружу. Отверстие было маленьким для размера жуков. Я сразу поняла, что это термиты. Они выходили из стены и летали вокруг. Я закричала, чтобы мой муж пришел и опрыскал их, и начала лихорадочно искать аэрозольный баллончик. Термиты продолжали наступать.

Мы вернемся к аэрозольному баллончику. Здесь я хочу особенно обратить внимание на маленькую дырочку, из которой выходят жуки. Дыра находится в стене, над ее головой, это пробел или уязвимое место в защитной оболочке. Она мгновенно называет животных, объявляя их термитами, то есть скрытыми диверсантами прочных конструкций, разъедающими изнутри: разложение, гниль, разруха. Это чувства человека, в дом которого проникли термиты. Намерение термитов, очевидно, состоит в том, чтобы выйти из стен и войти в ее кухню – алхимический желудок дома, где происходит *pepsis* (переваривание), превращающий сырое в приготовленное. Решающее значение для этого появления из небытия и осознания имеет маленькая дырочка (*«la petite tache*

humide», как Томас Манн назвал место на легком Ганса Касторпа в «Волшебной горе», из которого вытекла вся эта удивительная история).

Еще одно подобное отверстие, тоже от женщины сорока девяти лет:

В половицах моей комнаты есть небольшое отверстие. Пока я смотрю, из него сочится зеленый желеобразный сгусток. Он выглядит склизко и отвратительно. Он говорит со мной ужасным пронизательным голосом. Он говорит: «Я – Женщина из колодца». Он начинает ползти ко мне по полу.

Он находится снизу, а не над ее головой в комнате с высоким потолком. Но он тоже возникает из маленькой пустоты, маленькой раны в несущей основе того места, где она живет. И снова то, что появляется, кажется отвратительным.

Зеленое пятно наводит на сравнение:

Я опускаю голову на руки. На моей щеке появляется маленькая круглая дырочка. На стол падает маленькая саламандра. Почти сразу же она начинает надуваться, как воздушный шарик.

Поза «голова на руке» является классической в жанровых портретах, изображающих задумчивость, угрюмую интроверсию, когда голова тяжела. Рука, протянутая в мир, тянется назад от деятельности, как магнитом к голове, работающей над своими мыслями. Меланхолия на рисунке Дюрера наливает голову свинцом, делая ее слишком тяжелой для поддержки. Из нежной щеки, где выражается любовь, где появляются улыбки и румяна, где текут слезы – снова отверстие. Саламандра, важнейший символ алхимического обновления жизни в огне, появляется из раны, заявляя о своей значимости раздуванием.

Мало того, что рана и насекомое появляются вместе в одном и

том же месте, но рана еще и кажется неизлечимой.

Я с мальчиком-подростком и девочкой. Мы разъезжаем на быстрой спортивной машине, пытаюсь убежать от того, кто нас преследует. [Различные происшествия]... Внезапно появляется рой желтых и черных пчел. Я не боюсь и прохожу через рой; двое жалят меня в горло, и жала застревают в шее. Мальчик и девочка советуют мне залить горло молоком. Мы пробуем. Я пью молоко, но жала не выходят из горла.

Опять жучок в теле.

Женщине двадцати семи лет снится:

Мои руки внутри покрыты крапивницей. В ульях копошатся маленькие червячки. Я вытаскиваю червей, отбрасываю их, отмахиваюсь от них, но их так много, и их число увеличивается.

Сновидица объясняет:

В то время, когда мне это снилось, у меня было много трудностей в отношениях с мужчиной, с которым я жила. Я постоянно думала об этой ситуации; она была «у меня под кожей»; она «наводняла мой разум».

Конечно, слово «ульи» означает как жилища насекомых, так и раздражающее нервное воспаление. Особенно страдают внутренние части рук, те мягкие поверхности, которые обнимают, держат и ласкают. Независимо от того, что проникает в ее сознание, несмотря на ее усилия избавиться от этого, это чувство старения, греха, упадка или низости, тени любви проявляются как «трудности в отношениях».

Двадцатисемилетнему мужчине, обладающему обаянием, талантом и легкостью снится:

Я гуляю в саду, когда вдруг вижу огромную бабочку, которая безумно летает, а затем делает сальто назад

и неподвижно лежит на земле. Когда я подхожу к ней, чтобы посмотреть, что с ней случилось, она внезапно переворачивается и кусает меня в икру.

Оборотная сторона бабочки – ее размер, безумие, и то, что она кусается. До этого момента сновидец мог считать, что психика – это всего лишь восхитительное, эстетическое, многоцветное сплетение, но теперь она кусает его за выпирающую вперед икру (знакомое место раны в Таро). Возможно, она нашла его уязвимое место: он юн и обаятелен, он похож на теленка, ищущего молоко.

Иногда рана находится не в человеке, а в животном. Например:

Я ухаживаю за своей кошкой. Он вся покрыта блохами. Приглядевшись, я вижу, что блохи превратились в белых червей, которые выходят из глубокой раны в нижней части ее живота. Я в бешенстве. Ветеринар говорит, что кошку, возможно, придется усыпить. Я не позволю этому случиться. Я готовлю здоровую пищу, мази и витамин Е, и решаю спасти свою кошку.

В этом примере тотемное животное или носитель животной души, воплощение ее повседневной жизни и привычных привязанностей заражено, начинается разложение того, что ей близко и дорого. Область извращения – нижняя часть желудка. Она зрит в корень проблемы, но полна решимости отрицать рану и ошибки с помощью более общих мер по сохранению здоровья: «здоровая пища» и «мази».

В другом сне показан аналогичный мотив зараженного насекомыми животного и его гниения, но смысл этого переносится дальше собственным пониманием сновидца:

Я гулял по песчаному пляжу. Я наткнулся на что-то очень мертвое и разлагающееся – большую собаку, сенбернара. Я присмотрелся внимательнее. Его брюхо было широко раскрыто и наполнено светящимися личинками или

яйцеобразными пузырьками, блестящими на солнце. Сначала я почувствовал сильное отвращение. Потом я посмотрел еще раз, и собака оказалась моим отцом. Затем я снова оглянулся и увидел, что в яйцах были маленькие извивающиеся жучки или крабы, которые вылупились и уползли в море. Тогда мне было хорошо от этого. Старое тело дало новую жизнь этим существам. Это выглядело красиво, а не грубо. Солнце на собаке и волны.

Параллель с тушей мертвого льва, в которой находится улей благородных пчел (история Самсона в Книге Судей 14:8), наводит на мысль о солнечной составляющей насекомых, о том, что они приносят или являются новым светом, и что собака (или лев) или святой отец-спаситель предоставляет только тело для происходящего. Жуки в теле старой собаки могут возникать в суматохе и уродливом отвращении, испытываемом в связи с фактическим недугом в повседневных делах. Но реальная ситуация – это просто живот, в котором живут насекомые, тело, с которым мы знакомы и к которому привязаны. Пока мы не присмотримся повнимательнее, мы не сможем увидеть, что собака – это не самое главное, главное – вылупление насекомых. Психическая жизнь невидимо размножается в физическом теле, и она выйдет наружу.

Дыра в ране означает, что рана обладает сознанием дыры. Если онтогенез повторяет филогенез, то части тела, пораженные насекомыми, могут относиться к нейровегетативным реакциям, то есть к симпатической и парасимпатической системам. У настоящих насекомых эти первичные адаптации называются тропизмами, что означает поворотные реакции организма на внешние раздражители – влажность, давление, солнечный свет, время года, температуру, соленость, ветер, высоту и так далее. Насекомые особенно чувствительны к этим общим космическим факторам. Они вращаются, как вращается мир, заодно с миром.

Обладают ли жуки космическими знаниями, свидетельствующими об их согласии с порядком вещей?

Когда симптом проявляется, как жук во сне¹⁰², тогда мы могли бы предположить, что симптом может быть заложен в вегетативной системе, которая, как и насекомое, не восприимчива к пониманию или желанию. Самоубийства достигают своего статистического пика в июне; сердечные приступы в 3 часа ночи; язвы двенадцатиперстной кишки весной и осенью.

Мотив «дыра в ране» дает более широкое значение аналитическому понятию о том, что симптом пытается вылечить состояние, которое требовало симптома. Симптом возвращает нас к тропизмам космического порядка. Симпатическая и парасимпатическая нервные системы отражают нашу симпатию ко всему сущему, наличие в организме его согласия с экологическим космосом.

Более того, способы существования насекомых в мире – несмотря на жесткость их поведения, их ограничения тропизмами, которые их адаптируют – бесконечно дифференцированы. Шестьсот сорок тысяч видов насекомых, у каждого из которых есть привычки, формы, узоры, проявления; у каждого немного другое экологическое утверждение. Это огромное разнообразие позволяет нам, терапевтам, рассматривать сложность формирования симптомов, проявления или предъявления жалобы, которую приносит пациент, как особую форму адаптации и ориентации, требующую от нас внимательности энтомолога. Чтобы наметить экологическое значение ран пациента, мы должны смотреть выпученными глазами (*bug-eyed*) на каждый образ сна, фантазию, поведение, комплекс с вытянутыми антеннами, продвигаясь вперед с усердной настойчивостью муравья.

Это космическое чувство разрывается в начале нашей жизни.

102 См. фундаментальное эссе Юнга о взаимосвязи симптомов, комплексов и образов сновидений в *Experimental Researches, Collected Works*, trans. R.F.C. Hull, vol. 2 (Princeton Univ. Press, 1973), par. 858-61.

Признаком этого «падения» является отношение к насекомому, ибо дети часто любят жуков, играют с ними, едят их, ловят выползков и жуков, держат муравейники под стеклом, пауков в банках. Дети часто не полностью оторваны от мельчайших и конкретных отношений с космосом. Симбиотическая связь между сложной и вегетативной нервной системой – или, как я читал, между насекомыми и растениями – проявляется в этих двух снах.

Женщине в возрасте двадцати лет снится:

Я начинаю расставлять несколько глиняных горшков. Я вынимаю несколько растений из горшков, думая, что они мертвы, и выбрасываю их. К моему удивлению, они не умерли, а пустили корни. На листьях есть насекомые (розоватые с бежевыми пятнами, плоские, как нарезанный миндаль), которых я начинаю обрывать...

Рост корней и присутствие жуков происходят одновременно, точно так же, как в изложении сна, кажется, нет различия между удалением жуков и листьев. О том, что растения «не мертвы», свидетельствует наличие как корней, так и насекомых. Разрушительный аспект, если мы так обозначим насекомых, отображает жизнь так же, как и корни. Однако следующий абзац ее сна показывает, что «позитивный материнский» голос разделит корни и жуков на положительные и отрицательные аспекты, что приведет к эго-терапии, ориентированной на «себя».

... Х [заботливая, добрая женщина-наблюдатель] говорит мне забыть о растениях, потому что жуки находятся на мне и чрезвычайно опасны (убьют меня). Нужно немедленно достать спрей от жуков.

Мужчине за 30 снится:

Я готовлюсь к отъезду из страны. Консервжка и ее муж спрашивают, проверил ли я растение, которое принадлежит мне, но находится на их территории. Я бросаю взгляд на

растение. Оно выглядит достаточно здоровым. Но под ним явно что-то не так. Я копаю под ним и обнаруживаю сотни насекомых, похожих на жуков, ползающих вокруг. Я также слышу звук зубов, жующих салат. Консьерж предлагает мне вынуть растение из горшка и начать все сначала. Но это, несомненно, убьет его. Во всяком случае, звук доносится изнутри растения. Я не могу этого понять. Я просто сижу там, опустив руку в грязь, и наблюдаю, как ужасные жуки ползают повсюду, гадая, что это значит и что делать.

Сновидец остался с рукой в грязи – не отправляясь в путешествие, он сидит неподвижно и размышляет, потерпев поражение. Симбиотические отношения между растением и жуками привели его в подобное состояние: он сидит здесь, а его разум ползает повсюду, пытаясь разобраться в происходящем. Звук исходит изнутри растения, это внутренняя грызня, не зависящая от разума и воли. Грызут ли жуки его деловые заботы (латук как деньги), или грызут его молодость (латук как его дни), или грызут его сексуальную потенцию (латук в садах Адониса означал половое бессилие¹⁰³), со временем должен определить анализ. Но похороненные факты ожили, открытие началось, и инициация изменения его движения и отношения – это ранящие жучки в растительности.

Искоренение

Быстрее, Генри, беги!

Вы можете заметить, что «Я» сновидения снова и снова

103 M. Detienne, *The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology* (Hassocks: Harvester Press, 1977), 67-68: «Укрывается ли Адонис или его прячет любовница, он всегда находится на грядке с латуком... мифическое значение латука: половое бессилие и недостаток жизненной силы».

пытается избавиться от насекомых. Например, молодому человеку снится сон:

Я сижу в ресторане в саду. По моей ноге ползет зеленая гусеница. Я подношу спичку и поджигая ее, и она становится похожей на уголь.

Сразу после этого он видит еще один сон:

Лежа на своей кровати, я вижу насекомых на потолке. Одно было зеленым, а другое – синим. Казалось, они танцуют или дерутся. Я взял метлу, раздавил их и вытер пятно, чтобы потолок снова выглядел нормально.

Еще одному молодому человеку снится:

Жуки и тараканы заползают в комнату, где мы находимся. Это семейная комната наверху. Мой отец, брат и я сражаемся с жуками с помощью большого количества порошков на полу и создаем жуткий беспорядок. Кажется, они не умирают. Вероятно, потребуется время. Моя мать и сестра мешают нашей работе. Трудно работать с ними рядом.

Женщина рассказывает о сне:

Я занимаюсь садоводством на заднем дворе с мужем и детьми. Несколько вялых влажных сорняков выдергиваются, вытаскиваются наверх, и несколько из них я заносу в кухню на ботинке. Один сорняк, который я подбираю, оказывается пчелой, и я преследую ее, пытаюсь сначала убить щеткой, затем беру большой кухонный нож и разрезаю ее пополам, после чего чувствую себя в безопасности.

Давайте обратим внимание на различные виды уничтожения: огонь, дробление, порошки, нож. Сновидцы защищаются от насекомых разными способами. Например, кухонный нож, который разрезает пчелу надвое: она чувствует себя в

безопасности, когда может анализировать проблемы с четкими практическими различиями.

Насекомые, раздавленные о потолок, выметаются из возвышенного настроения молодого человека, возвращая ему статус-кво пустоты. Юнг называет этот шаг «регрессивным восстановлением личности¹⁰⁴». Сокрушая насекомое, мы проявляем волю и укрепляем героическую позицию. Поджигая жука, сновидец жестоко мучает то, что мучает его. Здесь мы видим ответ на вопрос Юнга о пытках в алхимической работе¹⁰⁵. «Является субъект мучителем или жертвой этого?» – спрашивает Юнг. В сновидении о гусенице источник страданий кроется в средствах, которые сновидец использует, чтобы избавиться от нее. И все же та же самая пытка разжигает алхимический процесс, эту «работу в огне», *opus contra naturam*, которое превращает чистую зеленую природу в нигредо невежества ума, бессилия воли и тьмы сердца. Тем не менее, гусеница, символ трансформации *par excellence*, высвобождает в воображаемом эго сновидения трансформационную реакцию огня, прометеевское действие. Если встать на сторону сновидца против назойливой гусеницы ради того, чтобы разжечь эго к действию, или на сторону бедной гусеницы против жестокого «Я» сновидения, то мы упустим всю сложность алхимического процесса. Или, говоря языком Патриции Берри, в защите всегда есть телос, а защита вплетена в каждую цель¹⁰⁶.

Уничтожающие порошки указывают на сухую и белую защиту; скажем, абстракцию – ведь порошки являются результатом формульного, концептуализированного и объективированного процесса. В алхимии они являются результатом кальцинации (высушивания при нагревании для удаления влаги).

104 C. G. Jung, *Two Essays in Analytical Psychology, Collected Works*, trans. R. F. C. Hull, vol. 7 (Princeton Univ. Press, 1967), par. 254-59.

105 C.G. Jung, *Alchemical Studies, Collected Works*, trans. R.F.C. Hull, vol. 13 (Princeton Univ. Press, 1968), par. 439-40.

106 P. Berry, *Echo's Subtle Body* (Dallas: Spring Publications, 1982), 81-95.

Неудивительно, что сновидец хорошо работает с отцом и братом, а мать и сестра мешают. Жуки быстро не поддаются, поскольку их внутренняя влага, *succus vitae* их эмоциональности, не полностью восприимчива к мужскому абстрактному пониманию.

Эти четыре примера уничтожения также показывают, что насекомое и защита или атака против него соединяются в узор, подобный тому, что Берри называет «одновременностью»¹⁰⁷. Перевернув историю, мы обнаруживаем, что, когда я белю свой потолок, появляются насекомые. Когда я объединяюсь с отцом и братом против сестры и матери, появляются тараканы (или когда я размышляю, появляются тараканы). Когда я сжигаю жуков под столом, я расслабленно сижу в ресторане в саду. Когда я чувствую себя в безопасности, я режу пчел пополам.

Сила этих прозрений может быть усилена «увековечиванием образа»¹⁰⁸: всякий раз, когда я чувствую себя в безопасности, я могу разрезать пчел надвое; когда я отдыхаю в саду, под столом у себя на ноге я сжигаю зеленую гусеницу.

Нам еще предстоит понять, почему ошибки вызывают такое беспокойство, что искоренение становится автоматической реакцией. Этот автоматический шаг от страха к искоренению ведет к следующему шагу в мире – пестицидам. Если бы мы могли лучше объяснить реакцию психики на уничтожение – и давайте помнить, что сон обнажает наши реакции – и ослабить страх перед насекомыми, тогда мы могли бы более разумно управлять паникой в чрезмерной фантазии об инсектицидах. Это излишество может быть вызвано четырьмя пугающими фантазиями, приписываемыми насекомым и их качествам.

Множественность. Колония шершней насчитывает три тысячи членов, пчелиная матка может откладывать четыре тысячи яиц в день, а улей содержит пятьдесят тысяч пчел. Большие коло-

107 Там же, 59-60.

108 См. выше, № 10.

нии муравьев могут состоять из полумиллиона особей. Мотыльков может быть так много, что они могут ослепить прибрежный маяк своим сумеречно густым бесчисленным трепетом. На одном томатном растении было выявлено 24 688 тлей, а на акре почвы, в зависимости от того, где и когда, может содержаться от одного до 65 миллионов насекомых. Из видов животного царства, безусловно, большинство составляют насекомые: 250 000 видов одних только жуков¹⁰⁹. Наш язык говорит о тучах мошек, роях мух, нашествиях саранчи, полчищах муравьев.

Представление насекомых численно угрожает индивидуализированной фантазии уникального и единого человеческого существа. Если жуки возьмут верх, мы станем просто кусочками ползающей, прыгающей, трепещущей материи. Само их количество указывает на незначительность и никчемность нас как личностей. Обычно большие сны интерпретируются как признаки фрагментации и снижения индивидуального сознания до недифференцированного, просто числового или статистического уровня. Вторжение насекомых во сне указывает на психотическую диссоциацию и потерю централизованного контроля. Таким образом, искоренение является «антипсихотиком», тогда как источник психоза может заключаться не во множестве жуков, а в защитном единстве искоренителя.

Проблема здесь больше в том, как мы рассматриваем множественность, чем в том, как мы видим насекомых, ибо как только мы представляем множественность через единую линзу одного человеческого существа и представляем целостность как единство, насекомые становятся активным воплощением Множества против Одного. Этот рой, это полчище само по себе показывает единство и множественность одновременно. Муравейник также является сообществом, активным воплощением коллективного чувства, и толпа насекомых демонстрирует целостность не как абстрактный

109 См. S. W. Frost, *Insect Life and Insect Natural History* (New York: Dover, 1959).

идеал, а как оживленное, жужжащее тело жизни, идущее во всех направлениях одновременно. Рой переопределяет целостность как совместную сложность. Помните Апулея: муравьи помогают Психее, разделяя на отдельные части то, что выглядит как цельная куча. Они учат Психею, как решить проблему целостности в том, что Уильям Джеймс назвал «*eaches*¹¹⁰».

Чудовищность. Восьмиглазый, паук, червяк, таракан, кровосос – термины презрения, характеризующие предположительно нечеловеческие черты в людях. Стать насекомым – значит стать существом без теплой крови чувств, как это изображается в фантастике и фильмах ужасов. Природа соответствует этим фантазиям, породив семидюймовых пауков, которые едят птиц, жуков длиной до восьми дюймов, бразильскую моль почти в фут шириной, многоножек длиной в фут. Насекомые во сне предполагают способность психики создавать необычные формы, почти невообразимые, и эти нечеловеческие чудовища демонстрируют реактивный потенциал психики, выходящий ее за рамки гуманистических определений. Ошибка выводит нас из психологии эго, из гуманизма. Разве не в этом ужасающий смысл «Превращения» Кафки?

Тот факт, что чудовищное приходит в таких мельчайших формах – ибо даже жизнь двенадцатидюймовой сороконожки может быть уничтожена человеческой ногой – и что мы так этого боимся, показывает, до какой степени человеческий мир отделился от нечеловеческого космоса. Что такое мужчина или женщина? Немного меньше, чем ангел, владыка вселенной, венец творения, который в ужасе просыпается от сна о муравье.

Автономия. Они будут раздавлены, сожжены и отравлены, потому что они не подчиняются. У них другие намерения, и они даже соревнуются со мной за мои яблоки, кукурузу и розы, ходят без приглашения по моей кухне, гнездятся под моим карнизом.

110 W. James. *A Pluralistic Universe* (London: Longmans, Green, 1909), 194.

Они представляют собой постоянные симптомы автономной нервной системы. Они меня достают. Они автономны.

Их автономия не только разбедает мои раны, доводит меня до ярости или обнажает мои корни и дыры, но и сводит меня с ума. В немецком языке *spinnen*, деятельность паука (*Spinne*), означает бредовые фантазии, как и *Grillen haben* от *Grille* (сверчок). «Я», верящее в обладание автономной свободной волей, неустанно преследуется воображением (или бессознательностью), на котором оно покоится, в котором оно гнездится, так что «я» вынуждено уничтожать все, что угрожает его иллюзии автономии. Радикальная свобода жука от человеческого контроля делает его Великим Врагом, которому приписываются все безжалостные черты, используемые обезумевшим эго для поддержания иллюзии своей автономии.

Паразиты. «Тот, кто ест за столом другого», от *para* (рядом) и *sitos* (еда). Маленькая мисс Маффет испугалась, когда паук сел рядом с ней. Жуки не только вторгаются в ваше царство, но и живут за счет вашей собственности и делят ваше тело, процветая на ваших растительных корнях и плоти вашего домашнего животного, как во снах о насекомых в корнях домашнего растения или в животе домашнего животного.

Страх быть съеденным своими комплексами может быть еще более страшным, чем страх распада на мириады частей, страх заражения выброшенной грязью (возвращение подавленного), страх поражения чудовищами. Паразит – это биологическое чудо. Микрокосмические организмы могут проникнуть в хозяина и тем самым радикально изменить его поведение, например, на бешенство. Огромный человек под влиянием крошечной букашки становится бешеной личностью. Страх изменения личности инопланетной силой объясняет панику, иногда связанную со снами о паразитах (клопах, клещах, комарах), и о ней свидетельствуют насекомоподобные формы, придаваемые инопланетянам в научной

фантастике. Мы можем интерпретировать страх перед паразитами тремя способами. Во-первых, через призму компенсации. Чрезмерно контролирующее эго подрывается намерением жуков, которые пытаются изменить обычную личность, чтобы восстановить более умеренные отношения между ней и космосом. Во-вторых, через призму психологии эго паразиты представляют голодную непрожитую жизнь, которая также нуждается в пище за вашим столом, и задача эго повседневного мира состоит в том, чтобы изучить эти потребности, решая, чем оно будет питаться и что оно искоренит.

В-третьих, с точки зрения гомеопатической архетипической психологии, паразитические насекомые отражают паразитическую личность. Они показывают нам наше собственное лицо. Если, как сказал Юнг, бессознательное поворачивается к вам лицом, когда вы обращаетесь к нему, то паразитарное вторжение показывает хозяину, как он мелкими скрытыми способами зависит от других психических организмов, как на него влияют комплексы, как мы используем их кровь для поддержания наших амбиций. Комплексы, от которых мы зависим в нашей повседневной жизни и из которых мы черпаем нашу энергию, проявляются во сне как паразиты, показывая, что мы тоже являемся своего рода паразитами: питаемся жизнью, заботясь прежде всего о себе – на работе ли, в семье, в дружбе; или питаемся самими снами – интерпретация как паразитический акт, который забирает все, ничего не давая взамен.

Тайна

*Жучок выскальзывает
из-за шкалы радиоприемника,
где всю зиму он жил,
питаясь музыкой.*

Билл Холм, «Жукастые вариации»

Этот последний раздел данной феноменологии приблизится к почти невыразимой теме, возвращая нас к некоторым из тех же сновидцев и их снам, которые последовали за ранее уже наблюдаемыми.

Молодому человеку, который сидел в ресторане в саду и поджег зеленую гусеницу, а также раздавил насекомых на потолке, а затем побелил пятно, позже приснилось:

В моей хижине на дровяной плите – лягушка. У нее есть корона, и когда я приглядываюсь, я вижу, что эта корона – насекомое, сидящее там с распростертыми крыльями.

Человеку, который пытался раздавить осу, пробившуюся через его ширму, позже приснился сон:

Пчела сидит на моем спальном мешке, и я начинаю стряхивать ее. Она продолжает жужжать вокруг меня, и я вижу, что у нее на ногах мешочки, наполненные медом.

Несмотря на попытку уничтожения, насекомое выживает и удивляет, даже венчает работу или имеет мешочки, наполненные медом.

Встревоженная женщина рассказывает о сне:

Прямо передо мной посреди улицы находятся молодая мать и три маленькие девочки, которые сидят на корточках у небольшого костра. Это горящие насекомые. Они шипят и потрескивают, умирая от жара. Но в середине находится очень большой кокон бабочки, не подверженный разрушительному влиянию огня. Одна из девочек пытается сжечь его, но у нее ничего не получается. Он выходит из пламени, оставаясь живым.

Если что-то неразруσιμο, значит ли это, что оно вечно? «Вечность» насекомого – засвидетельствованная в нашем общем убеждении, что они являются абсолютными выжившими –

утверждает, что жуки являются хранителями пламени, потому что, возможно, они хранят сквозь пламя едкие истребительные порошки нашей ярости. Они демонстрируют жесткую автономию воли к жизни, которая также является безличной верой в жизнь, как бы тропизмом, пронизывающим космос.

*Убей меня, если хочешь, –
Сказал черный муравей, –
Даже если я умру... все равно я черный,
Даже если я умру... все равно я черный, и я буду здесь.
Моя кровь просочится в землю,
Моя насыщенная черная кровь просочится в землю.
Черный навсегда¹¹¹.*

Космическая связь жука и мира, о которой мы уже говорили, проявляется в этом довольно поразительном примере сорокадвухлетней женщины:

Огромный богомол, может быть, двадцати футов высотой, спрашивает меня: «Ты гражданка?» Я просыпаюсь с криком: «Нет!»

Пришел ли богомол (король всех существ, согласно бушменам Лоуренса ван дер Поста) в ее сон, требуя политической осведомленности? Если да, то что она конкретно отрицает? Какой ужас признает этот крик? Неужели ее шокировали космические поселенцы, попросив стать гражданкой экологической цивилизации, в которой жуков ежедневно не подвергают холокосту?

Еще два примера загадочности – от молодой музыкантши:

Я посмотрела на книгу и увидела, что из нее сыплются опилки. Я наблюдала за этим и была удивлена, увидев, как вылетела пчела. Она создавала улей или увеличивала его в

111 *Proteus: Poems by Kaji Aso* (Boston: Gallery Nature & Temptation, 1977), 12.

размерах.

Даже если чтение и умственная работа, страница за страницей, для нее так же сухи, как опилки, внутри книги растет пчела. Но что на самом деле увеличивается в размерах: книга, она сама или пчела?

От неженатого научного исследователя:

Белого городского мужчину удерживают другие мужчины традиционной культуры (индейцы и так далее). Он голый. Один из мужчин опускает руку в корыто с водой и выуживает оттуда несколько больших черных пауков, которых он надевает на пенис мужчины. Мед или патока уже нанесены на пенис, чтобы привлечь пауков. В этом есть что-то ритуальное, нечто вроде посвящения.

Некоторая загадка здесь связана с отношением паука и мухи (пенис во многих фольклорах и на многих языках является летающим существом и, конечно же, живет внутри «мухи»). Если паук воплощает в себе силу темного естественного разума, который может развернуть из себя систему фантазий, которая объединяет все вещи в неизбежную сеть, а муха играет более важную роль вечно вызывающего, вечно ускользающего легкого бездельника, то инициация пениса царством пауков может быть связана с подключением пениса и удержанием его в каком-то регулярном порядке. Но почему мед? Что заставляет паука приходить к пенису, покрытому патокой? Является ли подслащивание, даже сентиментальное, фаллоса первым шагом в инициации его фаллического сознания «мазью» Деметры, Повелительницы Пчел и богини урожая и урожая земли?

Жучок воистину несет в себе тайну. Стажерке снится:

Я вижу двух или трех белых мучнистых жуков на здоровом зеленом растении, и я беру алкоголь или что-то еще, чтобы убить их. Они очень красивы, совершенны.

Здесь ею движет желание что-то искоренить (возможно, с помощью алкоголя), но ее разум во сне действительно воспринимает прекрасное совершенство в жуке. Белый жук и здоровое зеленое растение не конфликтуют, за исключением тех случаев, когда она думает об алкоголе и убийстве.

Сны могут показывать насекомых в ужасающем или разрушительном виде, как мы уже видели, но атмосфера сна придает им другой аспект, а сновидцу – другую терпимость. Например, сорокапятилетнему профессору снится:

Я пошел к своему соседу в деревню, откуда я родом, чтобы купить немного фруктов. Он жил в примитивной комнате (похожей на пещеру). Он показал мне фрукты – мандарины – и сказал: «Это все, что у меня есть». Я согласился их купить. В комнате были муравьи – миллионы муравьев – и черные пауки, ползающие по мне. Пауки оказались черными вдовами, которые прилипали ко мне. Я совсем не боялся.

Множество насекомых не беспокоит его; ни то, что они ползают по нему и прилипают к нему, ни то, что эти пауки, как известно, смертельно опасны. Сосед по деревне в его памяти был простым, естественным человеком, «бездумным, но трудолюбивым», который всегда «справлялся», независимо от обстоятельств. Фрукты во сне издавали чудесный запах: мандарин яркий, земной, легкий в употреблении и праздничный. Кажется, что ярко-оранжевый шар и черные жуки живут в одной и той же местности и что профессор, выражаясь юнговскими терминами, «интегрирует тень», позволяя себе быть зараженным тварностью земли. Сон показывает как жизнь в новом нигредо (когда темные птицы возвращаются снизу в Розариум ближе к концу опуса¹¹²), так и мотив возрождения («деревня, откуда я родом»). В пещере бриколера-обманщика, который, как и Бегочиди, является одно-

112 C. G. Jung, *Practice of Psychotherapy, Collected Works*, trans. R. F. C. Hull, vol. 16 (Princeton Univ. Press, 1966), fig. 9.

временно и солнцем, и насекомым, есть неотраженная, не проанализированная жизнь.

В случае с человеком, который плавал во сне, как водяной жук, мы видели, что сны могут использовать идентификацию, чтобы заставить сновидца ассимилировать насекомое, осознать его как самого себя. Вот еще один пример из другого сна:

Я стою у входа в склеп или пещеру. Внутри находится странное существо с телом крупного насекомого, похожего на кузнечика. Он очень нежный, красивый, а в его блеске есть оттенки разных цветов. Я поражен, что у насекомого мое лицо. Контраст между мягкой кожей и твердым панцирем поражает меня. Хотя лицо прекрасно в своей мягкости, я понимаю, что оно немного грустное, возможно, потому, что панцирь такой твердый и похож на броню.

Видеть свое лицо у жука, быть жуком – это не ужас в стиле Кафки. Скорее, раскрываются красота, нежность и печаль. «Я – насекомое» воспринимается совсем иначе, чем уничтожительная самоидентификация с вошью или жуком. В красоте обнаружения того, что он и насекомое разделяют одну и ту же фигуру, облик, возможно, появится новое мировоззрение, которое видит красоту мира и то, что для прохождения через него требуется, возможно, лицо мягкости и твердости одновременно, ибо таково лицо насекомого, помимо его суждения о панцире.

Сны о животных часто показывают тайну интеграции одного комплекса в другой путем ассимиляции одного животного другим. Кошка проглатывает мышь; кролик, при ближайшем рассмотрении, становится кошкой; или черная змея съедает красную и так далее. Однако есть вопросы, которые необходимо задать по поводу интеграции. Что происходит с прежним веществом? Где красная змея или кролик теперь, когда они вошли в другое животное? Неужели то, что преодолено, просто ушло, больше не является необходимостью для психики? Может ли интеграция также

означать потерю дифференциации, ассимиляцию как упрощение?

Ученая с экстрасенсорными способностями рассказывает:

Идя по переулку, я замечаю огромную темно-коричневую бабочку длиной около фута, летящую вверх у моего правого плеча. Она поднимается вправо, и ее настигает птица, которая налетает и съедает ее. Затем птица взлетает выше, и еще более крупная птица, похожая на голубя, хватается за птицу поменьше и съедает ее, а затем сама взлетает вверх. Тон сна: удивляйтесь порядку природы.

На полях этого записанного сна рядом с каждым из созданий я написал карандашом: душа, идеи, дух. Мои записи ассимилировали мечту в мою схему противостояния души и духа: переулок (долина создания души), бабочка (темно-коричневая и размером с фут, имеет восходящее намерение). Когда она поднимается, ее захватывает и пожирает голод более высокого уровня, который, в свою очередь, захватывается подобием голубя, эмблемой любви святого духа. Но это точно не голубь. Тон сна – это не нисходящее чувство тревоги или сочувствия к потерянной бабочке и проглоченной птице. Вместо этого тон – «чудо» (начало философии, как говорит Шопенгауэр) в порядке природы – далекое, мудрое, объективированное отражение летящего ввысь всепоглощающего духа. Является ли мое отражение во сне также видом с высоты птичьего полета?

Наконец, сон от мужчины лет тридцати, которому ранее снился сон о жуках, жующих салат в его горшечном растении. Этот сон как доказательство того, что ему есть, чем поделиться:

Я гуляю со своей женой. Мы замечаем много муравьев и интересуемся ими, даже пригибаемся и смотрим на них как бы с их уровня – как будто становимся одним из них. Видим вещи так же, как они.

Возможно, в намерениях жуков есть космический импульс. То

есть, если в преданиях навахо говорится, что насекомые находятся в первозданном начале вещей, а в индуистских преданиях говорится, что весь мир закручен в паутине Майи, а в преданиях бушменов богомолу отводится царская роль над живыми существами, то, возможно, движение сновидческих насекомых возвещает о новом начале, и, говоря языком Юнга, они будут маленькими настойчивыми инициаторами индивидуации, ее инстинктивным образом, меньшим, чем маленький – по виду, большим, чем большой – по сути. Они могут быть животным принуждением в чувственном теле к миру за пределами человеческих чувств, тем безмозглым, бескровным настойчивым стремлением к движению наружу и движению вперед.

Двенадцатилетнему мальчику-шестикласснику снится:

Я катаюсь на коньках (играю в хоккей) со своим лучшим другом (Рэем), еще одним другом и двумя другими хоккеистами, и мы просто играем. Внезапно со скамеек команды появляется большой рой тараканов и полностью покрывает лед, но мы просто продолжаем играть и время от времени подметаем нескольких своими клюшками. Я не могу вспомнить счет, и я не помню точного места. Мне такого еще не снилось.

Он продолжает играть, хотя его арена покрыта тараканами. Какой-то странный агрессивный элемент поднимается со скамеек, вступает в игру, причем впервые. Он больше не знает, в чем дело. Как долго будет продолжаться его игра?

Молодой женщине снится:

Я поднялась в свой гостиничный номер, чтобы в последний раз осмотреться перед отъездом, и увидела, что в комнате поднялась грязная мутная вода примерно до восемнадцати дюймов. Мертвые тараканы плавали по воде и прилипали к стенам. Я подумала: «В таком месте можно остаться на день или два, но нужно двигаться дальше, потому что оно

становится таким, как сейчас».

Музыканту, который пришел на анализ, потому что у него «ничего не получалось», снится:

Я лежу в шезлонге в лесу, как вдруг я вижу, что нахожусь прямо на вершине муравейника. Я быстро встаю и просыпаюсь с сильно бьющимся сердцем.

Желание убежать от ошибок возникает достаточно часто, но побуждает ли ошибка уйти, как если бы побуждение встать с шезлонга или с барного стула было не просто реакцией человека на жука, но намерением жука, выраженным в человеческой реакции, автономным, необъяснимым, неотразимым? Возможно, стремление «двигаться дальше» является выражением первобытного жизненного инстинкта, жука как живого материала. Тогда *opus contra naturam* духовных дисциплин – дзадзен, медитация, темная ночь опустошения, «научи нас сидеть спокойно» – на самом деле направлен на преодоление появляющихся жуков. Их непрекращающееся движение из отверстий и сквозь сетки, стремление к свету или зарывание в кровеносные вены – это стиль желания жить. Когда мы фантазируем о том, что только насекомые выживут после ядерного пожара и последующей зимы, какую космическую силу мы приписываем жуку? Неудивительно, что мы боимся его минутной силы.

И эта сила древняя. Утверждалось, что жизнь насекомых старше по хронологии планеты, чем жизнь растений, что есть насекомые, способные к жизни в холодной, засушливой, каменистой почве и в соленых пещерных водах, лишенных солнечного света и растительного вещества. То, что насекомые и растения могут выглядеть одинаково, наука называет «камуфляжем» и «мимикрией», создавая невиданную фантазию о поведении насекомых. Мотыльки, жуки, богомолы и прочие подвергаются такой постоянной угрозе и так широко распространены, что им приходится маскироваться под ветки, палки, листья, почки,

стручки, цветы.

Возможно, они действительно учились или выборочно размножались, чтобы адаптироваться. Возможно, им нравится так одеваться, а может быть, растения надели одежду насекомых. Или, возможно, жук и растение имеют общую среду обитания и климат, и оба представляют себя соответствующим образом. Предположим, что жук не знает, что он не растение, не следует нашим классификациям на «животное» и «растение», никогда не читал Линнея, и его одежда, маска, привычки его тела стали настолько растительными, что подражание – это не только объединение двух царств, но и третий фактор, который требует, чтобы они приспособлялись друг к другу в симметрии всех вещей, космической экологии. Возможно, именно любовь притягивает эти формы жизни друг к другу и склоняет их выглядеть одинаково.

Каковы бы ни были предположения о тайне их силы и нашем страхе (предположения, выходящие за рамки телевизионных «природных» тем о безжалостной конкуренции, ненасытном потреблении и навязчивой защите от хищников – все это говорит о нашем взгляде на жизнь насекомых так же, как и о самой жизни насекомых), одна тема достаточно часто повторяется во снах: жук и почва. Они появляются в грязи, под землей, в унитазе. Муха жужжит над кучей навоза, скарабей катает свой навозный шарик; крабы в лобке, вши на коже головы, паразиты в кишках, личинки в гнилом мясе. Особенно страдают волосы и нижняя часть тела. Карл Абенхаймер интерпретирует пауков и сороконожек в анальной символике, движение, которое повторяет идею жука как злого изгоя, вонючего, сернистого дьявола¹¹³.

Низкая оценка соответствует невидимому сокрытию жуков под землей. Скрытые, погребенные, появляющиеся ночью через небольшие отверстия в структурах дневного мира, эти атрибуты наводят на мысль о подземном мире. Может быть, недостаточно

113 K.M. Abenheimer, Re-Assessment of the Theoretical and Therapeutic Meaning of Anal Symbolism, (London: Guild of Pastoral Psychology, 1952).

сказать, что насекомые во сне – это возвращение подавленного. Возможно, они относятся не к морально подавленному (злу), не к эстетически подавленному (уродливому), не к изначально подавленному (смерти), а к хтоническим богам, особенно Аиду, который появляется – и чьи намерения живут в – тех дырах, которые мы ощущаем как раны.

Если укус жука – это рана подземного мира, то пестицид – это теологический инструмент, химический Христос, который терзает ад словами Осии и Павла (1 Коринфянам 15:15), «О Танатос, где жало твое (*kentron*)?»», чтобы избавить мир от Танатоса и Аида, представляемого в виде черной фигуры с крыльями. *Kentron* буквально означает жало, как у пчел, скорпионов, огненных муравьев и прочих, и это же слово является корнем нашего слова «центр», означающего первоначально «укол», «кол». Укол в центре глубин – это и присутствие смерти, и космическое стремление желающей жить жизни, как карамазовская «чувственная похоть», как Аид, который также является богатством Плутона, а также *зое* Диониса. Христианская революция, которая переместила космос в верхний мир – и в верхнее тело воскресшего Христа – устраняет жало как желания, так и смерти. Мы воспроизводим завоевание Христом Плутона с помощью аэрозольного баллончика от клопов, размахивая кадиллом в светском ритуале, избавляя каждый свой Сад от демонов подземного мира¹¹⁴.

114 О победе христианства над жалом подземного мира см. мою книгу *The Dream and the Underworld* (New York: Harper & Row, 1979), 85-90.

J. G. Frazer, *Folklore in the Old Testament*, 3 vols. (London: Macmillan and Co., 1918), 3:424-38, сообщает о многих случаях, когда церковь и различные религиозные ордена судили и казнили или отлучали насекомых как паразитов. Например, святой Бернар, отлучая мух, которые жужжали вокруг него, клал их всех мертвыми на пол церкви. С паразитами разбирались церковные власти, с домашними животными – гражданские власти. Фрэзер (438) объясняет это так: «Для обычного палача, каким бы ревностным, активным и крепким он ни был, было физически невозможно повесить, обезглавить всех крыс, мышей, муравьев, мух, комаров, гусениц... но то, что невозможно человеку, возможно

Простое заключение

Если мир сновидений – это возвращение вытесненного (Фрейд), бессознательное, поворачивающееся к нам лицом, когда мы обращаем к нему свое (Юнг), то он кажется жалящим, жужжащим и преследующим, когда наше культурное сознание относится к нашим симптомам как к паразитам, к нашим комплексам как к паразитам. Да, мы хотим избавиться от преисподней, используя приятный белый порошок деструктивной абстракции, доступный в любой аптеке или у врача, и на любом сеансе эго-психологии. Источник фармакологической индустрии лежит в страхе перед жуками. То, что нам необходимо экологическое движение, защита прав животных и всемирный фонд дикой природы, начинается в наших снах.

Страхи, вызванные насекомыми, приписывают им атрибуты нашего уничтожения – отделение, чудовищность, токсичность, быстрое разрастание. Яд распространяется человеческими руками по рекам и почвам; виды токсинов множатся; акры расточительно-го избытка, Бхопал и Севезо, чудовищное заражение подземного мира, скрытое в водоносных горизонтах, погребенное в пищевой цепи. «Проблема», как ее называют, стала настолько самостоятельной, что наука, правительство, сельское хозяйство и промышленность не могут взять ее под контроль. Как и было предсказано, жуки побеждают, хотя и не столько там, сколько в наших умах, которые имитируют «врага». Борясь с тараканами в головах, мы

Богу, и, соответственно, логично... оставить служителям Бога на земле решение проблемы, которая намного превосходила возможности магистрата и его служителя, палача». Я бы сказал, что причина была менее логичной: паразиты представляют собой теологическую проблему подземного мира и должны были быть уничтожены как демоны, а не как животные. Тем не менее, записи показывают, что жуки получали «справедливый суд» (даже если они всегда проигрывали): против обвиняющего священника другой священник выступал в их защиту, поскольку они были созданы Богом раньше людей и поэтому имеют свои права на поля и посевы.

стали пчелами-убийцами, муравьями и черными вдовами.

Как мы сюда попали, слишком долго и грустно рассказывать. Но вкратце: животные были просто собственностью в Риме, бездушной для схоластов; бессмысленными машинами для картезианцев и кантианцев; носителями скотства, плоти и греха для христиан; более низкими уровнями эволюции для Дарвина – в то время как насекомые, например, с началом применения пестицидов пережили сошествие в ад и при этом остались на планете.

Эта история заложена в наших реакциях во сне. Это сновидения – это также историческое эго, проходящее через свои обусловленные реакции. Эта фигура, которую мы называем Эго – будь мы индейцами, мы могли бы назвать ее Убийцей Тараканов, Мухобойкой, Сжигателем Пчел, Уничтожителем Муравьев – едет на спине зверя, которого она считает бездушной частной собственностью. То, что мы называем «прогрессом» западной цивилизации, с точки зрения муравья – это всего лишь поступательный шаг Великого Истребителя. Кто такой паразит, который живет на мертвых тушах? Кто такая белая личинка, погруженная в ненасытное потребление, жующая листья растений по всему миру, выводящая все новые гибридные сорта, которых жуки будут избегать, чтобы только она смогла ими наслаждаться?

Сны, которые мы рассмотрели, показывают то, что в мире сновидений также подозревалось и предсказывалось для всего мира в целом: насекомые таинственным образом выживают. Они выдерживают огонь. Они, похоже, несут в себе неуничтожимую жизнь, раздражая искоренителей, которые постоянно меняют формулы своих ядов. «И все же нам никогда не удавалось полностью уничтожить даже один вид насекомых... Они являются самыми разнообразными и мощными формами жизни на земле. Их биомасса превышает биомассу людей¹¹⁵».

115 R. D. Hall, в С. Dreifuss, *The Fine Art of Watching a Bug's Life...*, *The New York Times* (2 января, 2007 г.), D2.

Сны показывают нечто большее, о чем мы не подозревали и не догадывались: насекомым есть, чему нас научить. Они демонстрируют намерения естественного разума, непоколебимую веру в желание и стремление выжить. Они приносят сознание сообщества роя и улья, *Gemeinschaftsgefühl*, космическую симпатию, более глубокую, чем общественный договор. Они соединяют и наслаждаются противоположными стихиями земли и воздуха, проявляют удивительную способность приспосабливаться и трансформироваться и полны решимости в своем упорстве вывести сновидца из укрытий человеческого обитания, из защитных пределов человеческих привычек. В конце концов, мы чувствуем, что они хотят нас, эти крылатые существа с их удивительными глазами. Они приходят к нам во сне, что и должны делать ангелы. Поразительно, ужасающе, внезапно: только так ангелы могут войти в наш мир, в котором нет возможности, чтобы принять их.

По крайней мере, мы можем рассматривать эту ангельскую интерпретацию – жука как странного ангела – достаточно маленького, чтобы соответствовать его определению красоты, танцующем на булавочной головке (тот самый инструмент, который мы используем для фиксации насекомых ради классификационной смерти). Чтобы выжить так, как выживают они, мы должны полностью изменить формы наших мыслей, поскольку они рискуют всем в своих преобразованиях. Наши умы не могут зайти настолько далеко. Этот ангельский взгляд призывает нас взглянуть еще раз, вспомнить, кто они такие, что они такое, почему они во сне, как с ними встретиться, даже как заботиться о них – с их причудливыми формами и поведением, изошренным внешним видом, превосходным архаичным даром, с их безупречностью, благочестием, свирепостью, комичностью, серьезностью, напряженностью – ищущих нас, пока мы спим.

Для архаической психологии в культурах всего мира божественное отчасти животное, а животное отчасти божественное. Теология говорит, что божественное – это трепет.

Но трепет может проявляться в мелких трепетных проявлениях – простое содрогание, встряхивание, взмахрукой, пожатие плечами – быстрая реакция на насекомое. Поскольку мы являемся одним из самых крупных представителей животного мира, мы ожидаем, что более грандиозным может быть только большее по размеру. То, что Бог должен быть таким же большим, как Бегемот – это еще один библейский антропоморфизм. На самом деле, *behemoth* означает просто «животное», поэтому то, что увидел Иов, возможно, было просто его животными в новом свете, чтобы они могли вернуться к нему, а он к ним. Просто посмотрите. Наблюдайте за животным и увидите божественное в его самопроявлении. Изучите блестящий панцирь и покрытые прожилками крылья, чувствующие лапы, решительность. Изучите голову, шерсть, движения. Изучайте глаза, которые у всех насекомых разные: бусинка, точка, фасетки, как у мухи.

В архаичных культурах также убивают животных на алтарях богов. Конечно: подобное подобному. Принося животное к алтарю, мы не избавляемся от него и не делаем его более чистым и святым. Оно идет к алтарю, чтобы накормить животное в боге, божественное, которое частично является животным, тем самым сохраняя бога живым, и живым там, в этом теменосе, алтаре. Алтарь – хранитель животного, он не дает богу бродить, его ужасная сила привязана к фиксированному месту. Отойдите назад, оставайтесь там, за дымящимися свечами и решеткой. Не перемещайтесь резко. Алтарь – это клетка, каждый собор – большой зоопарк. И бог, который пренебрег принесением Каином в жертву зерна, хочет мяса животных Авеля, так же как осы, личинки и мухи. Мы поддерживаем богов живой плотью, нашей животной плотью, животным нашего мясистого воображения, зараженным и жужжащим жалящими крылатыми тварями. Поэтому, конечно, жуки в наших снах проникают в нас, кусают и пускают кровь, напоминая нам, что мы тоже являемся мясом – и умираем. Они проедают себе путь к нашему неохотному признанию, застав-

ляют нас помнить о них. Что еще является воплощением, как не бог, вгоняющий себя, самого себя, в нашу кожу и под нашу кожу. Бог, клоп, клещ, краб, чесоточный клещ. Воплощение – тайна вши. Боги становятся болезнями; мы сами заражены богами, принуждены к религии телесными ощущениями; религиозный инстинкт, религиозное насекомое.

Еще не все потеряно. Многое можно восстановить – хотя бы на мгновение, внезапно. Наши сны восстанавливают то, что мир забывает. Забытый языческий политеизм размножается в животных формах. В этих животных – древние боги: кельтские рога и лососи, медведи викингов, египетские свиньи и бегемоты, крокодилы и кошки, римские волки и орлы, Бегочиди навахо. Старые боги все еще присутствуют в наших снах – в этих зоологических соборах, где есть обитель для насекомых Вельзевула и Мефистофеля. Животные могут продолжать жить как боги – живые, здоровые и незабвенные – в иконах наших снов и в жизненных навязчивых идеях наших комплексов и симптомов, маленькие неистребимые жучки. Пойте хвалу. *Gaudeamus*.

СЛОН В РАЙСКОМ САДУ

Умиращее животное

Психологическая лекция об Эрнесте Хемингуэе кажется, мягко говоря, неприятной. Хемингуэй мог бы обидеться. Он сказал Аарону Хотчнеру: «Чего эти шоковые доктора не знают, так это писателей и таких вещей, как сожаление и раскаяние, и что они с ними делают. Нужно заставить всех психиатров пройти курс творческого письма, чтобы они знали о писателях¹¹⁶».

В этом я поддерживаю Хемингуэя. Психология не может объяснить писательство и не может объяснить писателя. Хемингуэй ненавидел психобиографию. Он запретил публиковать психоаналитическое эссе Лоуренса Куби о нем и угрожал лишить свою собственную мать поддержки, если она даст интервью о своем сыне журналисту «Cosmopolitan». Он ненавидел сведение человека к идее, жизни, как она прожита, к причинам, «обнаруженным» постфактум. Помните: психиатрический отчет – это апостериори. Психология объясняет действия после того, как они произошли, предполагаемыми причинами, которые якобы действовали до того, как эти действия произошли.

Психологическая экспликация текста с помощью персоналистической психобиографии также разбавляет истинное лекарство глубинной психологии, предоставляя патентованные объяснения. В произведениях Хемингуэя показана его мужественность, многочисленные браки и неверность, бисексуальность, импотенция, жестокость, ложь, обман, хвастовство, материнский комплекс и прочее. Еще хуже, чем разбавленная упрощенная психология, то, что биографическая критика избегает своей собственной задачи литературного

116 А.Е. Hotchner, *Papa Hemingway* (New York: Random House, 1966), 279-80.

анализа. Вместо того чтобы рисковать собой, бросая вызов произведению как литературе, оно подрывает произведение, уничтожая человека.

Я воздержусь от того, чтобы связывать жизнь Хемингуэя с его книгами. Я постараюсь отделить Хемингуэя, персонажа из художественной литературы его жизни, от персонажей, которых Хемингуэй вписал в жизнь своей художественной литературы. Тем не менее, я психоаналитик и тот, кто претендует на некоторые знания в области письма. И я претендую на идею, почерпнутую из изучения книг Хемингуэя и о нем, идею, которая появляется в одном из поздних стихотворений Йейтса:

*Смерть скота без лица,
в мордах голая страсть;
человек ждет конца,
за соломку держась.
Много раз умирал,
восставал он потом¹¹⁷.*

(Перевод Терджиман Кырымла)

«Много раз умирал, восставал он потом»: это ли не Хемингуэй, сам человек, его герои, его репутация: уходящие и возвращающиеся? Хроника его ранений, болезней, несчастных случаев, травм: насколько он сам был ранен¹¹⁸?

Однако мотив в стихотворении Йейтса, на котором я хочу остановиться подробнее – это не смерть и воскресение, а «умирающее животное». Умиравший лев, бык, олень, буйвол или марлин – великое животное и великая смерть. Эта смертельная связь между человеком и животным – человеком как умирающим

117 Death в *The Collected Poems of W.B. Yeats* (London: Macmillan, 1952), 264.

118 Полная хронология ранений, болезней, несчастных случаев и хирургических операций Хемингуэя приведена в Appendix I в книге J. Meyers, *Hemingway* (New York: Harper & Row, 1985).

животным – которое совершает действие, выходящее за рамки надежды или страха, достижение боксером чистого исполнения, подобное моменту истины на арене для боя быков, где отражение становится единым с рефлекторным действием, где искусство и смерть соединяются, воссоздают изначальную связь человека с животным, сознание, распознающее свою животную душу, охотник и преследуемый сливаются в *participation mystique*.

С этой точки зрения животной души культ опыта, в котором обвиняют Хемингуэя, приобретает иной вид. «Опыт» больше не может пониматься как просто попытка того или иного, движение туда, где происходит действие, выполнение действий только для того, чтобы их выполнять. Опыт также не является интроспективно изученной жизнью. Скорее, это становится физическим познанием животного «я» через воздействие давления. Опыт дает знание о паттернах и реакциях животного, его склонностях к страху, желанию, дикому бегству или освобождению. Рыболовная леска как ось *axis mundi*, так что самопознание становится знанием тяги, ощущением линий, которые проходят между человеческой рукой и невидимой животной душой в глубине.

«В самый тяжелый момент, когда я устал больше всего, я не мог определить, кто из нас он, а кто я... Тогда я начал любить его больше всего на свете», – говорит мальчик Дэвид в «Бимини¹¹⁹» после борьбы с превосходной рыбой и поражения в борьбе, которая стала его кровавым посвящением в мужчины. Слияние с умирающим животным перемещает рассказы Хемингуэя и его язык назад и внутрь, к элементарной реальности, стоящей за современным оружием, современными путешествиями, современными словами, персонажами в их современных отношениях, к архаичным физическим ритуалам, окружающим умирающее животное, одним из видов которого является человек.

Элементарные реалии проявляются как в слиянии, так и в

119 E. Hemingway, *Islands in the Stream* (New York: Charles Scribner's Sons, 1970), 143.

правдивой прозе, как будто сам язык Хемингуэя дан слиянием с животным. Помимо страха и надежды, очищенные от мелочей основы, обнаженные точным запоминанием – это язык, ритуализованный в метафору, но не выходящий за рамки морали. Правильность слова – это в то же время правильность действия, «преданность священника и мужество взломщика», черты, которые Хемингуэй считал необходимыми для писателя¹²⁰.

Позвольте мне напомнить вам о том, как Хемингуэй высоко ценил в своих произведениях и работах о нем животную душу. Я использую слово душа вслед за самим Хемингуэем, как он написал об этом во вступлении к «Эдему¹²¹»:

Только знатоки Библии могли теперь произнести это слово без смущения. Но он знал, что его исчезновение из словаря писателя, подобного ему самому, оставило пробел, который не могло заполнить никакое другое слово. Он был уверен, что слово будет найдено, но не им в этот день, когда все, что он чувствовал – это странность пробела в его словарном запасе. Еще более странным, однако, было его открытие, когда он думал об этом, что потеря слова «душа» не была препятствием для него как писателя. Он понял, что хороший прозаик всегда теряет это; даже в прежние времена они утратили его, хотя оно оставалось актуальным в устной речи мыслящих людей. Он видел на самом деле, что писателю плохо терять его в процессе написания. Но потеря слова не была потерей присутствия, которое оно обозначало, присутствия, которое нужно было встречать, узнавать и называть снова и снова, когда писатель двигался в пространстве своего произведения, как Адам в Эдеме. Писатель должен был быть «священником Божьим» в своем творчестве¹²² (19.24).

120 Hotchner, *Papa Hemingway* (выше, п. 1), 200.

121 *Hemingway Room*, JFK Library, Boston.

122 F. Scafella, Clippings from *The Garden of Eden*, *The Hemingway Re-*

Хемингуэй здесь подтверждает психологическую истину: присутствие души познается, главным образом, в чувстве ее потери. Деятели искусства должны выполнять свое «созидание души», не полагаясь на само слово. Упоминание об Адаме снова возвращает нас к животным, ибо его единственной задачей в саду было дать им имена.

Легенды об Адаме, первобытном человеке, гласят, что он разговаривал с животными. Он знал их язык, и именно поэтому он знал их имена. Так же и Хемингуэй, еще один вид первобытного человека; он тоже, по словам Хотчнера, разговаривал с черным медведем, блокирующим западное шоссе, цирковой гориллой, к изумлению ее владельца, быками в Испании, своей собакой на Кубе¹²³. Животные прислушивались к звуку его звериного голоса. Но теперь перейдем к Райскому саду и его слону.

Путешествие на слоне

В «Райском саду», начатом в 1946 году и опубликованном только в 1986 году, представлена поздняя, очищенная проза Хемингуэя¹²⁴. Книга переносит нас в наши дни фотореализма, жесткого света и скрיתия на поверхности, физического нарцис-

view 7/1 (Fall 1987), 27. Я следую Скафелле для нумерации папок с файлами и номеров страниц в каждой папке.

123 Хороший аспирант, изучающий источники, найдет на этих страницах мотивы охотника и охоты, а также умирающего животного. Студент также найдет примеры той особой способности, которой мы в психоанализе должны обучать пациентов как «активному воображению», то есть разговору со своими животными. Эта привычка кажется довольно естественной для героев Хемингуэя. Например, старик в романе «Старик и море» разговаривает с марлином, акулами и маленькой птичкой, которая сидит на его ялике, так же как полковник Ламберт в романе «Через реку и в деревья» в своем гостиничном номере разговаривает с портретом девушки.

124 Э. Хемингуэй, «Райский сад».

сизма яппи – французская еда, экспериментальный секс, роскошь загара, хорошая одежда, быстрые машины, спортивное мастерство, парикмахеры, андрогинный освобожденный феминизм, успех в газетах. Это книга, которая опирается на наше время, также указывает на средство от этих физических нарциссизмов путем восстановления более глубокой телесности, животного самоощущения.

Дэвид, начинающий писатель, и Кэтрин, его богатая новая жена – светлые, загорелые, молодые, яркие, чистые, богатые, с обесцвеченными серебристыми волосами. Подобно картине Коппера или Хокни, болезненность заключена в самом свете. История по-разному повествует о том, как девочка становится мальчиком; о мужчине, которого «унижает» женщина-дьяволица; о женщине, разрушительно завидующей мужскому творчеству; о том, что происходит с женщинами у писателей-мужчин; о выживании писателя, несмотря на его неспособность противостоять своей потребности в служении женщине. Отношения между работой и любовью, между выживанием и служением, между потерей себя для женщины и обретением себя в отце, между вымыслом и жизнью остаются решающими и, следовательно, неоднозначными.

Путешествуя по побережью Средиземного моря и наслаждаясь его чувственными подношениями, Дэвид однажды прерывает написание рассказа о жизни с Кэтрин, чтобы начать историю, которую он давно собирался написать, но так и не смог. «Необходимость написать это... пришла к нему» («Раский сад», 93). В тот же день Кэтрин знакомит его с Маритой, новой возлюбленной; и Дэвид, сочиняя новую историю, которая ждала своего времени, чтобы быть написанной, становится все более плотно завернутым в скользкую, быстро движущуюся *любовь втроем*.

Новая и необходимая история – о его детстве, о его ненависти к отцу, о выслеживании и убийстве гигантского слона. Этот

огромный зверь, его урчащий желудок, его запах, кожа и мягкие ноги утяжеляют последнюю часть книги. Эта сюжетная линия похожа на освинцованный киль легкого средиземноморского ялика, лавирующего между шутивными диалогами и дежурными сценами в безмятежной синеве, среди быстрых и легких прикосновений ветра и внезапных штормов. Откровенно говоря, в книге рассказывается о том, что происходит между этими тремя. Скрытно и по существу книга рассказывает о том, что происходит романе, в писательстве Дэвида, который переходит от настоящего повествования с Кэтрин к воспоминаниям об Африке, отце и слоне – повествованию, которое Кэтрин обнаруживает, украдкой читает, мстительно сжигает, и которое Дэвид восстанавливает в своем уме и снова записывает, в то время как Кэтрин в конце книги исчезает в раскаянии и, возможно, безумии. Книга заканчивается этими двумя абзацами:

Он понял, что знает об отце гораздо больше, чем когда писал этот рассказ в первый раз, и это было видно хотя бы по тем незначительным деталям, благодаря которым образ отца получался более осязаемым, и теперь в рассказе было уже не одно, а несколько измерений. Теперь он был счастлив, что отец оказался не так прост.

Дэвид писал уверенно, легко, и уже найденные раньше фразы ложились на бумагу четкими и завершенными, а он исправлял и перекраивал их так, точно работал над корректурой. Он не потерял ни единого предложения, и многие фразы остались без изменения, такими, как он их запомнил. К двум часам дня Дэвид восстановил, исправил и доработал столько, сколько раньше мог написать лишь за пять дней. Он попробовал работать дальше и впервые перестал сомневаться, что все утраченное возвратится к нему полностью («Раский сад», 247).

Что спасает Дэвида в истории с воображаемым слоном – мое

настоящее эссе развивает этот тезис, совершенно упущенный критиками. Кеннет Линн¹²⁵ называет историю о слоне «интерполированной историей», в то время как Джон Апдайк¹²⁶ почти не упоминает охоту и слона в своей новой работе «Обзор книги». Для него эта тема второстепенна применительно к отношениям мужчины и женщины и андрогинности, поскольку они отражают реконструированную биографию Хемингуэя. Линн сводит роман к предполагаемой «сексуальной двойственности¹²⁷» Хемингуэя, обвинению, которое помещает Линн в мышление девятнадцатого века – до Вейнингера, Адлера, Фрейда и Юнга. Апдайк и Линн игнорируют собственное утверждение книги о том, что африканская история рассматривается автором как «полностью реальная», а история заключенного Ривьеры – как «нереальная и ложная» («Раский сад», 174). Охота на слонов и размышления автора об ее описании становятся притчей о мистической целостности самого письма, которое является душой книги. Хемингуэй через Дэвида закрепляет эту душу за сознательными сложностями человеческих отношений в африканских глубинах того, что Юнг называет «мышлением в примитивных образах¹²⁸».

125 K. Lynn, *Ernest Hemingway* (New York: Simon and Schuster, 1987).

126 J. Updike, *The Sinister Sex*, *The New Yorker* (30 June 1986), 85-88.

127 Lynn, *Ernest Hemingway* (выше, № 10), 541.

128 «...существует мышление в первобытных образах, в символах, которые старше исторического человека, которые заложены в нем с древнейших времен и, вечно живые, пережившие все поколения, [которые] все еще составляют основу человеческой психики. Жить полной жизнью можно только тогда, когда мы находимся в гармонии с этими символами...» (C.G. Jung, *Structure & Dynamics of the Psyche, Collected Works*, trans. R.F.C. Hull, vol. 8 [Princeton Univ. Press, 1970], par. 794). О тенденции к буквализации первобытного бессознательного на «темном континенте» (черной Африке) см. мои *Notes on White Supremacy, Spring 1986: An Annual of Archetypal Psychology and Jungian Thought*, 45-46; также описания Юнгом Африки в главе о его путешествиях туда в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях».

Это история охоты на слонов: Дэвид, маленький мальчик, возможно, одиннадцати лет, путешествует со своим отцом и африканцем Джумой, оба охотятся. Однажды ночью Дэвид и его собака Кибо приближаются в лунном свете к огромному старому слону-самцу. Дэвид рассказывает об этом двум мужчинам. Они начинают выслеживать зверя. Когда они идут дальше, их ведут к останкам мертвого слона, которого Джума убил из-за бивней некоторое время назад. Вид этого огромного черепа и побелевших костей, а также убийство дружбы между животными ассоциируется в чувствах Дэвида с его собакой; после чего, под давлением утомительного похода («Усталость принесла начало понимания»), в привязанности Дэвида происходит сдвиг от охотника и отца к охоте и слону:

Его отец подождал, пока он подойдет, и сказал очень мягко:

– Он отдыхал здесь. Он путешествует не так, как раньше. Теперь мы будем готовы ко встрече с ним в любое время.

– К черту охоту на слонов, – очень тихо сказал Дэвид.

«Райский сад», 181

Он начал отождествлять себя с умирающим животным.

Моему отцу не нужно убивать слонов, чтобы жить, – подумал Дэвид, – мы с Кибо нашли его, и я никогда не должен был говорить им... Я всегда буду держать все в секрете. Я никогда больше ничего им не скажу... Никогда, никогда не скажу им. Постарайся это запомнить. Никогда никому ничего не рассказывай. Никогда больше никому ничего не рассказывай.

Выслеживание Дэвидом слона превращает историю Хемингуэя и это эссе о нем в литературный топос, поскольку умирающий слон появляется также в поэзии (Чарльз Штайн, Чианфранко Паньуччи)

и у Уильяма Коцуинкла и Джорджа Оруэлла. По причине, которую нам еще предстоит раскрыть, смерть слона имеет важное значение для жизни писателя.

Ранние рассказы Коцуинкла, собранные в «Слон ударил поезд», переносят читателя внутрь умирающего слона, чувства, которые он переживает, снова показаны в «Докторе Крысе». В нем различные животные восстают против людей только для того, чтобы быть подавленными и убитыми. Вот смерть слона:

Что-то ударило меня в живот. Я слишком стар, чтобы владеть собой... слишком стар... Я лежу на великой равнине со смертью внутри меня, со смертью, глубоко вошедшей в меня. Дым стелется над нами. Мы лежим в куче, нация дрожащих слонов. Самые могучие быки падают рядом со мной, их языки высунуты, их глаза смотрят в песок... Мое дыхание покидает меня. У меня перехватывает дыхание. Мне жаль детенышей, новорожденных телят. Они едва почувствовали вкус сладких листьев¹²⁹.

Это из рассказа Оруэлла «Убийство слона»:

Когда я нажал на спусковой крючок, я не услышал выстрела и не почувствовал удара... В это мгновение, за слишком короткое время, можно было подумать, что даже если пуля попала в цель, со слонем произошла таинственная, ужасная перемена... Казалось, на него снизошла огромная дряхлость. Можно было представить, что ему тысячи лет. Я снова выстрелил в то же место. При втором выстреле он не рухнул, а с отчаянной медлительностью поднялся на ноги и стоял, слабо выпрямившись, с обвисшими ногами и опущенной головой. Я выстрелил в третий раз... Он протрубил, в первый и единственный раз. А потом он рухнул вниз, животом ко мне, с грохотом, который, казалось, сотряс землю даже там, где я лежал...

129 W. Kotzwinkle, *Doctor Rat* (New York: Knopf, 1976), 218-23.

Его рот был широко открыт – я мог видеть далеко внизу пещеры бледно-розового горла. Я долго ждал, когда он умрет, но его дыхание не ослабевало. Наконец я выстрелил двумя выстрелами в то место, где, по моему мнению, должно было находиться его сердце. Густая кровь хлынула из него, как красный бархат, но он все еще не умер. Его тело даже не дернулось, когда в него попали выстрелы, мучительное дыхание продолжалось без паузы. Он умирал, очень медленно и в страшных муках, но в каком-то далеком от меня мире, где даже пуля не могла причинить ему большего вреда. Я чувствовал, что должен положить конец этому ужасному шуму... И вливал пулю за пулей в его сердце и в горло. Казалось, они не произвели никакого впечатления. Мучительные вздохи продолжались так же размеренно, как тиканье часов.

В конце концов, я не выдержал и ушел. Позже я услышал, что ему потребовалось полчаса, чтобы умереть¹³⁰.

А теперь Хемингуэй, в лице Дэвида:

Они нашли его прикованным к месту, в таком страдании и отчаянии, что он больше не мог двигаться. Он пробился сквозь тяжелое укрытие, где он кормился, и пересек открытую дорогу, а Дэвид и его отец побежали по сильно забрызганному кровью следу... Дэвид мог видеть только его зад, а затем его отец побежал впереди него, и он последовал за ним, и они поравнялись со слоном, как будто он был кораблем, и Дэвид увидел, как кровь стекает по бокам, а затем его отец поднял винтовку и выстрелил, и слон повернул голову с огромными бивнями,двигающимися тяжело и медленно, и посмотрел на них, и когда его отец выстрелил из второго ствола, слон, казалось, качнулся, как срубленное дерево, и рухнул на них. Но он не был мертв. Он стоял на якоре, а

130 G. Orwell, *Shooting an Elephant and Other Essays* (New York: Harcourt Brace, 1945), 10-11.

теперь лежал со сломанным плечом. Он не двигался, но его глаза были живыми и смотрели на Дэвида. У него были очень длинные ресницы, и его глаз был самым живым из всего, что Дэвид когда-либо видел.

– Выстрели ему в ухо из пистолета три-ноль-три», – сказал его отец, – продолжай.

– Ты пристрелишь его, – сказал Дэвид.

Джума подошел... молча взял винтовку у Дэвида, сунул дуло почти в отверстие уха и дважды выстрелил, дернув затвор и сердито толкнув его вперед. Глаз слона широко открылся при первом выстреле, а затем начал стекленеть, из уха потекла кровь и двумя яркими струйками потекла по морщинистой серой шкуре. Это была кровь другого цвета, и Дэвид подумал, что он должен это запомнить, и он помнил, но это не принесло ему никакой пользы.

Его отец знал, как он относился к слону, и в ту ночь, и в последующие несколько дней он пытался если не обратить его, то вернуть к тому мальчику, которым он был до того, как понял, что ненавидит охоту на слонов... Слон теперь был его героем, каким долгое время был его отец...

Настоящего слона больше не было, только серое сморщенное опухшее мертвое тело и огромные пятнистые коричневые и желтые бивни, за которые его убили. Клыки были испачканы засохшей кровью, и он соскреб ее ногтем большого пальца, как засохший кусочек сургуча, и положил в карман рубашки. Это было все, что он взял у слона, кроме начала познания одиночества.

«Райский сад», 199-201

Мы опустошены этими смертями, потому что это ритуальные убийства без умилоствления духа жертвоприношений. Это односторонние обряды, неполные, кощунственные. Сравните три убийства с этой песней охотников на слонов Мбути в тропических

лесах Конго:

*Наши копья сбились с пути, Отец Слон!
Мы не хотели тебя убивать.
Мы не хотели причинить тебе вреда, о Отец Слон!
Не наши воины оборвали твою жизнь,
Судьба решила, что твой час настал.
Так что не возвращайся и не топчи наши хижиньки,
О Отец Слон¹³¹.*

Почему смерть слона не оставляет чувства, которое невозможно вынести, не опустошает? Вместо этого его смерть укрепляет сердце состраданием, наделяет характер яростью и Дэвиду, молчаливому и одинокому, дает силу противостоять отцу – «К черту охоту на слонов» – и продолжать сейчас с духом слона, с силой, которая может противостоять разрушению, нанесенному ему когда-то отцом, а теперь Кэтрин – «к черту ваших адвокатов» («Райский сад», 226). Умиравший старый бык – это одновременно умирание потребности в поддержке и нахождение воображаемой поддержки, от основы семейной памяти до основы воображаемого языка, от Дэвида как мальчика-сына до Дэвида как человека-писателя, от личного отца до архетипического отца, от личных страданий до страданий на уровне отдельных людей. Умиравший слон навевает на нас безмерную печаль. Мы узнаем в этом огромную красоту, божественность той животной жизненной силы, которая несет нас по жизни, как будто это больше, чем жизнь – великолепие, силу, благодать, сравнимую только с навязчивой чудовищностью нашей ярости и стремления убивать. Умирая, он передает читателю-свидетелю свои качества животного сердца, большего, чем человеческое¹³².

131 P. Hamm, ed., *Welches Tier gehört zu dir?: Eine poetische Arche Noah* (Munich: Hanser Verlag, 1984), 509.

132 См. Е. Сох, *Familiar Ground* (New York: Avon Books, 1986), 78-80, еще одна яркая сцена мучительной смерти слона и ее влияние на характер романа и его читателей.

Почему слон?

Почему слон сыграл важную роль в восстановлении Дэвида – его творчества, его отца, и его целостности? Почему слон, а не большая рыба, бык, буйвол или лев – животные, занимающие центральное место в других рассказах Хемингуэя?

Некоторые рассказы о слонах из моей практики могут начать отвечать на этот вопрос. Молодая женщина с диагнозом шизофрения, рассеянная, открытая всему и закрытая одновременно. Она встречается со мной в клинике и вне ее в течение месяца или около того, пока ее доверенный аналитик находится в отпуске. Она бегает по кругу, разрывается на части. Она рисует картины своих «внутренностей» – что она видит там и чувствует. Розовые пучки, облака, ножницы, волнистые и зубчатые линии, лица, отделенные конечности, шипы. Однажды посреди этого разброса появляется большой розовый слон. Он начинает доминировать на рисунках. Он становится менее розовым, более серым, даже коричневатым. Ей нравятся его толстые ноги; у нее тоже толстые ноги. Ей нравится его кожа. «Толстокожий, толстокожий», – напоминаю я ей. Она замедляется и берет себя в руки.

Другая женщина: избыточный вес, средний возраст, она в стадии развода, в отношениях с нерешительным женатым мужчиной. Все выглядит безнадежно. Где жить, на что жить; битвы за детей, смена адвокатов, секретность, прятки, ощущение, что тебя торопят, толкают, пугают. Решения, решения. Однажды утром она просыпается от сна о слоне, слишком долгом и запутанном, чтобы приводить его здесь, но слон появился из яйца в гнезде на острове, и у него были крылья, хотя он и не летал (она не знала индуистской мифологии, в которой фигурирует подобный мотив)¹³³. Она почувствовала сочетание гнезда, яйца, крыльев и слона как духовную силу. Ее одиночество в разводе стало убежищем, дающим ей

133 H. Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization* (New York: Pantheon, 1946), 104-106.

способность все переносить и продолжать жить, в то время как масса ее тела и тяжесть ее проблем, а также ее мрачное упрямство получили поддержку от слона во сне. Она чувствовала, что удача может ей улыбнуться.

В других снах, собранных здесь и там, я видел участников процессии, как в цирке или на параде, или как рассказывалось о возвращении Диониса из Азии и походе Ганнибала по Европе. Элементы в снах иногда упираются и отказываются идти дальше. Все они могут лежать в ожидании своего часа или величественно, ритмично двигаться вперед. Изображения слонов в процессии, подобные тем, что вырезаны на слоновьем бивне, свидетельствуют о поступательном чувстве психического процесса, неуклюжей неизбежности своего времени как судьбы в старении, как будто судьба или то, что психология Юнга называет «процессом индивидуации», были инстинктом, который действительно может остановиться, затормозить, сесть прямо так, что человек чувствует себя заблокированным, старым и безмерно усталым. И все же эта слоновья тяжесть появляется во снах и символических образах как опорная основа. Одна и та же сила проявляется как в блоке, так и в движении через блок, в движении, которое требует изучения чувствительного искусства погонщика, того, как говорить в ухо слону и читать звуки его внутреннего грохота, следуя его восприятию мира через нос.

Помимо этих представлений в современных снах, слону уделяют продолжительное внимание авторы, посвященные в знания о животных в античности – среди прочего, исторический дневник Аристотеля «История животных» и «Природа животных», исторический дневник Плиния Эльдера и «Природа животных» Элиана. Качества этого огромного зверя, как правило, достойны только похвалы, во многом он как кит в современном воображении. Снова и снова слон ассоциируется с величием королей и богов. Для римлян слон появлялся в триумфах и олицетворял победу, а колесница *fata* (славы) была запряжена

слонами¹³⁴. Кроме того, в римской символике географии слон обозначал Африканский континент.

В Индии, как пишет Генрих Циммер, «в своей функции дарования животворящих... вод слоны сродни... демонам божественной земной энергии... величественный внешний вид, непреодолимая сила и мягкий спокойный нрав слона, его величие и интеллект были добродетелями, присущими индийскому идеалу... характера¹³⁵... Будду иногда еще называют слоном¹³⁶. Азиатское, африканское и наше западное воображение видело в слоне мудрость, терпение, непобедимость, долгую память, жалость, целомудрие, умеренность, миролюбие, тактильную чувствительность, старость – множество благотворных качеств сенекса – слона как Старого Мудреца или надежного доброго старого родителя. Предания гласят, что слоны живут от двухсот до трехсот лет¹³⁷».

Но знания отводят меньшее место их ярости, их ненасытному аппетиту, их безумию, оправдывая их ярость как реакцию на предательства и обиды. Хотя римляне использовали их для войны и для кровавых зрелищ, сострадательная мягкость слонов остается доминирующей темой, как, например, слоны, которые отказались сражаться против себе подобных в Рафии (Полибий¹³⁸).

134 Н.Н. Scullard, *The Elephant in the Greek and Roman World* (London: Thames & Hudson, 1974), 235-36.

135 Н. Zimmer, *The Art of Indian Asia: Its Mythology and Transformations*, ed. Joseph Campbell, 2 vols. (Princeton Univ. Press, 1983), 1:161.

136 Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization* (выше, № 18), 103 n.

137 Scullard, *The Elephant in the Greek and Roman World* (выше, № 19), 45, 215, 223. В популярной американской политической символике эмблема Республиканской (Великой старой партии) поддерживает традицию сенекса в противовес ослу демократов, скромному, народному, братскому ослу.

138 Там же, 139-40. (Продолжение этой идеализирующей традиции см. в юнгианских интерпретационных работах L. Fierz-David, *The Dream of Poliphilo* [Dallas: Spring Publications, 1987], 56-58, и M.-L. von Franz, *The Problem of the Puer Aeternus* [Santa Monica: Sigo Press, 1981], 17-18).

Элиан описал их как особенно набожных и сказал, что боги любят слонов. «Говорят, что в новолуние слоны срывают свежие ветки и мягко машут ими взад и вперед в честь богини... Они также поклоняются восходящему солнцу, поднимая свои хоботы, как руки¹³⁹. И они почитают смерть: «Слон не пройдет мимо мертвого слона, не бросив ветку или немного пыли на тело¹⁴⁰». Их легендарная забота о смерти, костях и погребении подтверждается многими свидетельствами очевидцев, пересказанными Иэном и Орией Дуглас-Гамильтон¹⁴¹ и Синтией Мосс¹⁴².

Также важное значение для рассказа Хемингуэя о Дэвиде имеют знания о слонах, касающиеся труда. Барон Кювье говорит, что это «тяговые и вьючные животные¹⁴³», а Томас Бивик в книге о животных восемнадцатого века пишет: «Слон, когда его приручают, становится мягким и послушным: терпеливый в труде, он подчиняется самой тяжелой работе... он внимательно выслушивает приказы и выполняет их с рвением, но без спешки. Все его движения упорядочены и, кажется, соответствуют достоинству его внешности, будучи серьезными, величественными и осторожными¹⁴⁴».

Любовь к работе, да; но и любовь к женщинам тоже. Бестиарий Топселла (основанный на Конраде Геснере), в котором собраны массы знаний, наблюдений и историй, гласит: «При виде красивой женщины они оставляют всю ярость и становятся кроткими

139 Scullard, *The Elephant in the Greek and Roman World* (выше, № 19), 226.

140 Там же.

141 I. and O. Douglas Hamilton, *Among the Elephants* (London: Book Club Associates, 1975), 239-42.

142 C. Moss, *Elephant Memories* (New York: Fawcett Ballantine, 1988), 270-71.

143 Baron Georges Cuvier, *The Animal Kingdom*, trans. W. B. Carpenter and O. Westwood (London: Bohn, 1963), 117.

144 T. Bewick, *A General History of Quadrupeds* [1790] (London: Ward Lock Reprints, 1970), 191.

и нежными¹⁴⁵». Он рассказывает истории о слонах, даривших фрукты женщинам, гладивших их лица и груди.

В другом отрывке из Элиана говорится: «Молодые проявляют уважение к старым. Они уступают им место в кормлении и питье; они никогда не бросают слабых... они помогают старикам выбраться из ям, когда те падают». «Где, – спрашивает Элиан, – я хотел бы знать, слон когда-нибудь избивал своего отца?»¹⁴⁶»

Одного бога, имеющего форму слона, Ганешу из индуистского мифа и культа, называют «Повелителем препятствий», который «прокладывает путь преданному¹⁴⁷». В любых начинаниях (включая поклонение другим богам) его призывают первым. Часто его средством передвижения является крыса, чудом выжившая, хитрая и решительная, которая находит свой путь через руины к скрытым ресурсам¹⁴⁸. Ни Ганеша, ни его искусство никоим образом не являются аскетичными. Бог-слон радостный, веселый, пугающий; он любит человечество, земное процветание и все хорошее в жизни. Азиатские, африканские и классические истории рассказывают о его огромном аппетите к сладостям, изысканным украшениям, деликатесам и ароматам цветов. Сравните Дэвида, его пристрастие к удовольствиям и его находчивость на работе.

В основе мифа о Ганеше лежит конфликт между отцом и сыном и примирение. Кортрайт считает это мифом о посвящении. Шива отрубает своему сыну голову, которая, когда ее восстанавливают, становится головой слона. «Ганеша становится воплощением восстановления... могущественной реальностью, которую должны признать все боги и силы, если они хотят, чтобы их начинания были успешными¹⁴⁹». И далее: «Теологическое послание модели Шива-

145 E. Topsell, *History of Four-Footed Beasts and Serpents and Insects*, 3 vols. (London: E. Cotes for G. Sawbridge, 1658).

146 *De natura animalium* 6.61 и 7.15.

147 Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization* (выше, № 18), 133.

148 Там же.

149 P. B. Courtright, *Ganesha* (Oxford Univ. Press, 1985), 97.

Ганеша, отец-сын, можно резюмировать следующим образом: подчинись, чтобы ты мог быть спасен, будь уничтожен, чтобы ты мог стать целым. Жертвенное насилие – это не трагическое завершение, а необходимое начало перехода к новому порядку... Бог, который ломает вас, создает вас; разрушение и созидание в конечном счете происходят из одного и того же источника¹⁵⁰».

Более того, поскольку «центральной повторяющейся темой в характере Ганеши является тема посредничества¹⁵¹», мы можем понять, что *любовь втроем* по своей сути необходима для мифической подоплеки повествования Хемингуэя.

Слоновья громоздкая сила, подчеркиваемая в индуистском мифе – слоны как кариатиды вселенной¹⁵², весь мир покоится на их спинах – не находит подтверждения в действительности. «Взрослый индийский слон весит столько же, сколько 64 человека, но он может тянуть только двадцать из них¹⁵³. Большая тяговая лошадь может нести дальше и дольше (пропорционально своему весу), по крайней мере, вдвое больше, чем слон. Они на самом деле легковесы, поскольку их подушечки стоп несут всего шестьсот граммов на квадратный сантиметр по сравнению с худыми моделями, чьи каблуки давят два килограмма на квадратный сантиметр¹⁵⁴».

Очевидно, что сила слона не столько эмпирическая, сколько мифическая, оплодотворяющая воображение. В индуистских мифах они также символизируются облаками; а в животной символике Кундалини-йоги слон появляется дважды, снизу и сверху. Во-первых, в самой нижней чакре (муладхара) у основания позвоночника и гениталий, где серый слон относится к средоточию

150 Там же, 122. (Ср. Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization* [выше, № 18], 109, где слон = сын, а сын = «живая копия отца»: «сущность отцов в другой индивидуализации»).

151 Там же

152 Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization* (выше, № 18), 105.

153 F. Kurt, *The Elephant in the China Shop*, *Swissair Gazette* 9 (1987), 15.

154 Там же.

силы, порождающему корень в земле, сообществе, семье и теле. Во-вторых, белый слон в горловой чакре (вишудха) относится к поддерживающей силе слова, разума, образов; реальность высказывания, *абсолютная реальность видения* «стирается¹⁵⁵».

Современные исследования продолжают эти знания, исследуя слонов на предмет их умственных способностей и языка. С помощью сложных лабораторных тестов в немецком зоопарке было показано, что слоны обладают отличной памятью, абсолютным слухом, могут запоминать целые словари визуальных знаков, несмотря на низкую остроту зрения, то есть они могут читать, проявляя небольшую усталость при длительных тестах с шестью сотнями вариантов, длящихся несколько часов; фактически, они улучшали производительность к концу¹⁵⁶.

Отцовское воображение

В общем, слон – это носитель веса, будь то в мире или на словах; сила и выносливость субстанциальных добродетелей. Видеть слона во сне или в жизни означает, что само воображение должно быть наполнено долговременной ценностью. Воображение должно быть таким же точным, как слон, ставящий ногу, таким же точным, как хватка его хобота; воображение, такое же незабываемое, как мемуары Оруэлла, и незабываемое, как полное возвращение памяти Дэвида, как эстетическая дисциплина Хемингуэя «точное запоминание»¹⁵⁷, в которой рассказывается о жизни в «голубой»

155 См. H. Zimmer, *The Chakras of Kundalini Yoga, Spring 1975: An Annual of Archetypal Psychology and Jungian Thought*, 134, и C. G. Jung, *Psychological Commentary on Kundalini Yoga, Spring 1976: An Annual of Archetypal Psychology and Jungian Thought*, 131.

156 B. Rensch, *The Intelligence of Elephants, Scientific American* 196 (February 1957), 44–49.

157 R. B. Jones, *Mimesis and Metafiction in Hemingway's The Garden of Eden, The Hemingway Review* 7/1 (Fall 1987), 10n7.

«высокогорной стране» («Райский сад», 147) воображения. «Я репортер и *воображающий писатель*, и я все еще могу представить себе многое...» – написал Хемингуэй в письме Максвеллу Перкинсу (16 ноября 1933 года)¹⁵⁸.

Слон: сила, медленно приходящая в ярость, но вполне способная убивать, как Дэвид («Все, что я хочу сделать, это убить тебя», – говорит он Кэтрин после ее разрушительного поступка [«Райский сад», 233]); медленно созревает и медленно умирает, с терпением, которое прокладывает путь через препятствия. Слон обеспечивает вегетативное пищеварение, равное его огромному аппетиту к сладостям зеленого мира, и толстокожее сопротивление стрелам фортуны. Он неуклюже продвигается вперед с серой удручающей силой, набирая энергию для искусства воображения, и в своем аспекте процессии заявляет о неизбежности движения, большего, чем любое существо, идущее по земле.

Еще более невыносимым, чем затяжное и кровавое умирание слона, написанное Коцуинклом, Оруэллом, Элизабет Кокс и Хемингуэем, является захватывающее движение, образ зверя, остановленного, зажатого, загнанного в угол, погруженного в песок, больше не способного двигаться вперед или даже поддерживать себя – разрушение его основного смысла.

Многие из качеств, приписываемых ему знанием – мудрость, воздержание, верность, осторожность, а также *сила воображения* – считались в народной медицине, астрологии и традиционной символике принадлежащими Сатурну, сенексу, богу лидерства, одиночества, медлительности и достоинства, старику или женщине, архетипическому родителю среди классических богов. Сатурн символически изображался верхом на слоне, и на протяжении всей античности сохранялось представление о том, что взрослая жизнь слона начинается в шестьдесят лет – точный возраст, в котором человек *выходит из ума* в Риме или становится

158 E. Hemingway, *Selected Letters 1917–1961*, ed. C. Baker (London: Granada, 1981), 400.

«старшим» в Японии.

Итак, когда мы снова читаем эти последние абзацы «Райского сада» – воспоминания Дэвида возвращаются, его целомудренная (не воздержанная), преданная и чувственная привязанность к Марите, «незначительные детали, благодаря которым образ отца получался более осязаемым и благодаря которым теперь в рассказе было уже не одно, а несколько измерений», последнее слово – intact (нетронутый) – это приумножение измерений, тактильных чувств – подарок от слона. Дэвид может сказать: «Теперь я счастлив, что отец оказался не так прост», потому что теперь и сам Дэвид больше не был простым человеком. Эта амплификация в отношении его отца наводит на дальнейшие размышления: этот умирающий слон позволил Дэвиду найти своего отца, больше не «избивать своего отца», примириться с природой своего отца и любить его, как будто сдвиг в привязанности от отца к слону в предыдущих главах позволяет вернуться к образу отца в его психике в конце. «Он понял, что знает об отце гораздо больше, чем когда писал этот рассказ в первый раз». Особенно это касается чувств. Дэвид пишет.

Все утро, пока он писал, он пытался по-настоящему вспомнить, что он чувствовал, и не поддаваться влиянию того, что он чувствовал позже... Его чувство к слону было самой трудной частью... чувство начало формироваться, но он был слишком измотан, чтобы вспомнить его точно.

«Райский сад», 174

Физическое испытание «точного запоминания» слона в процессе письма повторяет физическое испытание выслеживания слона.

Мы можем представить присутствие Ганеши в продвижении Дэвида вперед вопреки всем препятствиям, и Хемингуэя в продолжении повествования с 1946 года и до конца, и Тома

Дженкса, его редактора, в переваривании массы материала и его облачении в более элегантную форму. Это присутствие, однако, находится под поверхностью (и, следовательно, незаметно для критиков). «В художественной литературе, – сказал Хемингуэй Арнольду Самуэльсону, – важно то, что вы опускаете. Девять десятых всего этого должно быть под поверхностью. Вот что придает истории достоинство. Невидимая поступь¹⁵⁹».

Пятьсот слов в день. Хемингуэй пишет о Дэвиде:

Он написал это в простых декларативных предложениях со всеми трудностями, которые предстоит пережить и воплотить в жизнь. Самое начало было написано, и все, что ему нужно было сделать, это идти дальше. Вот и все, сказал он. Вы видите, как просто то, чего вы не можете сделать?

«Райский сад», 108

Трудные моменты, которых он так боялся, теперь он встречал их один за другим...

«Райский сад», 128

«То, что является творческим, должно создавать само себя», – сказал Джон Китс, что в данном контексте предполагает, что то, что сейчас является отцом Дэвида – это его формирующее воображение, стремление к нему и верность ему. Родители несут родительский образ до тех пор, пока воображение само не начнет воспитывать детей. Раньше у Дэвида не было сил написать историю об отце и слоне, потому что его собственная воспроизводящая сила находилась в плену у образа отца.

В воображаемой сюжетной линии мальчик был инициирован. Он оставил отца и вернулся к нему. Он оставил простую обиду и обрел сложную привязанность. Он больше не отчужден от отца, не воздерживается от важных действий, не откладывает, не подменяет. Женщина также теперь меняется в его вселенной –

159 A. Samuelson, *With Hemingway* (New York: Random House, 1984), 178.

от помощницы в работе до интимного партнера. Дэвид находит способность к отцовству в своей образной памяти, которую он ежедневно питает в Африке своего разума, на том высоком плато, где встречаются мальчик, отец и слон. Вымысел об отце излечивает фиксацию на отце. Воды любви высвобождены; память исцелена воображением, этой внеличной уравнивающей силой. Позитивный сенекс может вынести весь мир бедствий и личных страданий, преобразовав этот мир с помощью переваривающей способности истории.

Переваривающая способность истории сопоставима с тем, что я назвал, заимствуя фразу Китса, «созданием души» – создание души как создание истории. Под душой я подразумеваю ту перспективу, которая превращает события в переживания, делает возможным смысл, имеет религиозную направленность, передается в любви и отражает особую связь со смертью. Далее, душа относится к возможности воображения в человеческой природе, которая признает все реальности в первую очередь метафорическими и мифическими. Скафелла завершает свое проникновенное и сострадательное исследование такими словами:

Часть тайны искусства Дэвида Борна и видения Хемингуэя заключается в том, что каждый работает вне личных чувств... из внутреннего ядра существа, которое... он [Дэвид Борн] назвал бы своей «душой», если бы у него было это слово; это то, для чего он пишет и из чего. В этом центральное качество или тайна работы Давида, происхождение самого сада... Душа – источник сострадательного настроения в сердце сада, в который входит Дэвид, когда пишет...¹⁶⁰

Отсюда и слон. И, следовательно, «умирающий» слон, ибо смерть – это перевод жизни в душу, мира в подземный мир или воображаемые острова блаженства, как греки называли это

160 Scafella, Clippings, Clippings from The Garden of Eden, (выше, № 7), 29.

психическое отражение после жизни, которое придает жизни повышенную ценность, интенсивность, не зависящую от надежды или страха, истину смертного и бессмертного в любой момент, божественную энергию на этой тяжелой земле, не за пределами, выше или где-либо еще, но в пухлой скумбрии, консервированной в ароматном соке и в бутылке пива «Туборг» («Райский сад», 237–38), с которой Дэвид начинает свой первый день после катастрофы, вызванной пожаром. Рожденный заново во плоти – круглолицый Ганеша, приносящий удачу.

Слон, исполняя этот переход в своем медленном и мучительном умирании, учит писателя – Дэвида (также Хемингуэя?), Оруэлла и Коцуинкла – искусству воображаемого перевода жизни в историю; личная ярость и кровь превращаются в сострадание и моральное видение, которое, в свою очередь, преобразует жизнь. Застрелив слона, Оруэлл ушел с бирманской колониальной службы¹⁶¹; смерть слона в его рассказе так повлияла на Коцуинкла, что он заплакал и вновь посвятил себя писательству¹⁶²; Дэвид в этой истории остается «нетронутым». В каждом из трех случаев акт письма, бытие писателя, связано с умиранием слона, как будто зов поднимается, как призрак, из души падающего зверя. Как будто только сила живого слова равна силе умирающего слона.

Здесь я имею в виду эквивалентность между слонами *муладхары* и *вишудхи*, между жизнью и словом, отражающим взаимодействие природы и воображения. Модель психики Кундалини переносится на письмо, которое становится духовной дисциплиной души – подобно долгим часам, проведенным Дэвидом в одиночестве в особой комнате, в его святилище «я», в которое никто другой не мог войти. Письмо убивает естественную, неотраженную жизнь, животную жизнь, заземляющую поддержку снизу (*муладхара* сообщества, семьи, местности). Как умирающий слон ведет к

161 P. Stansky and W. Abrahams, *The Unknown Orwell* (New York: Knopf, 1972).

162 Личное общение.

письму, письмо ведет к стрельбе в слона, остановке движения, что долгое время было самым узким определением искусства. И писателя везут в машине его творчества к его смерти, как будто каждая книга высекает еще один обломок надгробия. Акт написания как ежедневный поход¹⁶³, в котором растущее истощение сообщает о медленном уничтожении жизненной силы. Писательство как склонность к самоубийству. Сильная потребность Хемингуэя быть среди животных и писать о них, а также то, как он жил и как умер от охотничьего ружья, олицетворяет связь между зверем и словом.

Когда Генри Джеймс, действительно далекий от стиля и характера Хемингуэя, в четырех разных письмах Хью Уолполу (1909)¹⁶⁴ сравнивает себя со старым слоном, мы можем интерпретировать это как внутреннее признание аналогичного опыта. Старый Джеймс, который стал полностью воображаемым зверем в джунглях своего языка, в реальности *вишудхи*, возможно, был привлечен своим эмоциональным влечением к Уолполу, к физическому воплощению слона вниз.

Каждый из нас, читая эти рассказы об убитом звере, осознает моральную чудовищность человеческих дел¹⁶⁵; мы чувствуем себя очищенными от зла и лжи, и нас переполняет безмерная жалость. Это нравственное чувство, эта жалость имеют свой источник не в наказанном, обращенном сердце, которое христианский гуманизм приписывал Хемингуэю, потому что это сердце все еще надеется. «Ни надежда, ни страх не посещают...» Под этим сердцем

163 См. Jones, *Mimesis and Metafiction*, (выше, № 42), 811.

164 L. Edel, *Stuff of Sleep and Dreams* (New York: Harper & Row, 1982), 317-19.

165 «Включение этого инцидента [сожжение пойманного слона] – это необходимый взгляд на то, на что мы способны. Если мы знаем о своей способности к насилию, мы можем сделать выбор не действовать в соответствии с ней... В этом есть отголоски... Германии и войны, и людей, сажающих других людей (не слонов) в вагоны – напоминание о том, что мы позволяем себе делать» (частное письмо от Элизабет Кокс).

находится сердце зверя, который в этих историях также является убитым зверем. Мы были свидетелями убийства, превосходящего любое человеческое преступление, величайшего проступка, беспричинного убийство другого вида, который в то же время является богом.

Бог-слон требует, чтобы его запомнили первым перед любым другим богом, напоминая, что путь к богам лежит через слона. После его смертельного падения единственный возможный путь к богам – это повторение этой смерти в истории, так открывается признание религиозной функции литературы, написания как церемониального призыва животного, и каждая книга – детективный роман, переводящий читателя в другое время и место, *в то время*, в Райский сад.

В голографе записан этот неопубликованный разговор о писательстве между Дэвидом и Маритой (он позволил ей войти в святилище своей писательской комнаты, делился с ней своими историями, так что она стала его *soror mystica* – но только после того, как он закончил сказку о слоне, только после того, как он стал посвященным, сыном слона). Дэвид говорит:

– *Это мистерия. Но ты об этом знаешь.*

– *Это настоящая мистерия, – сказала девушка, – такая же, как настоящие мистерии в религии. Может быть.*

– *Мне не нужно было рассказывать тебе об этом, – сказал Дэвид, – ты знала об этом, когда мы с тобой познакомились.*

– *Я узнала только из рассказов... Это было похоже на то, что мне разрешили принять участие в мистерии. Пожалуйста, Дэвид, я не хочу перемывать кости.*

– *Это не перемывание костей. Мы должны быть очень осторожны, чтобы никогда не говорить об этом другим людям. Я не должен никогда говорить об этом, и ты тоже будь осторожна.*

Дэвид – как маленький мальчик в этой истории, он клянется больше никому ничего не рассказывать. Этот Дэвид, ненавидя своего отца, заперт в упрямой тайне. Этот Дэвид, любящий свою женщину, превращает секрет в мистерию посредством акта письма – «кишки грабителя» в «преданность священника». Поэтому радикальная перемена в Дэвиде, его повторное посвящение и наши собственные эмоции – это животное как теофания, история как мистерия, чтение как совместный ритуал.

Наконец, мы можем еще больше оценить то, что подразумевается под названием двадцатилетнего опуса Хемингуэя, опубликованного посмертно, «автор в стране мертвых, на островах блаженных». «Райский сад» на первом уровне означает путь от невинности до разврата: пара мальчик-девочка в раю, как на картинах Мемлинга, Кранаха или Дюрера, их тонкие сладострастные тела-близнецы, высвобождение зла и их падение с появлением третьего – завораживающего искусителя, который является тонким двусмысленным искупителем – ибо библейский сад был *любовью втроем*, идеальной парой, ставшей нечестивым треугольником.

Однако есть и другое видение этого сада: животное на вечерней прогулке за беседой, мужчина и женщина, Бог и зверь. Это второе видение показывает не просто изгнание и обычный моральный прогресс от невинности к опыту, не просто рай, возвращению которого мешает пламенное желание вернуться. Это другое видение представляет сад на уровне животного разума и в образах присутствия животных. В осязаемом измерении божественной приземленности пустой обесцвеченный гедонизм становится полнотелой чувственностью, которая может распознавать и находить слова для каждого животного, когда оно приходит. Сад, в который можно войти в любой вечер, когда светлый разум остывает, и мы сидим на слоне, покачиваемся, нюхаем цветущую землю, а огромная нога поднята, остановившись в воздухе.

ТЫ – ТРЯЗНАЯ СОБАКА!

Природа находится в конуре, она изгой в нашем корпоративном, капиталистическом, потребительском, товарном космосе, несмотря на Альберта Гора, Сьерра-Клуб, Остров Земля, движение «зеленых»... В ответ на этот жесткий факт отвержения и эксплуатации природы – деревьев, почв, океанов, рек, существ – пришла мягкая идеализация и сентиментализм, чтобы вернуть собаку и посадить ее обратно на колени семьи.

Я хочу, скорее, обыграть идею природы по-другому. Ни как с отвергнутой, ни как с сентиментализированной. Я предпочитаю смотреть на природу близко и лично, с помощью чего-то наиболее знакомого и наименее концептуального: собаки.

Прежде чем мы перейдем к собакам, давайте вспомним, что у нас нет четкого консенсуса по поводу слова «природа». Лавджой и Боас нашли не менее шестидесяти различных значений этого термина¹⁶⁶. Это еще одна причина, по которой я предпочитаю обратиться к собаке, потому что «собака» – это слово с лаем, шерстью, зубами и лапами. Так давайте же выпустим собак.

Меланхолия

Свернувшись у основания массивного геометрического камня, спящая собака лежит у ног Меланхолии на гравюре Альбрехта Дюрера начала шестнадцатого века. Среди символов измеряющего интеллекта и течения времени мы находим костлявую, полуголодную собаку как важную часть загадочной космологии. Как эта спящая собака сочетается с изображенным

166 A. O. Lovejoy and G. Boas, *Primitivism and Related Ideas in Antiquity* (New York: Octagon Books, 1965).

состоянием души: глубокое уныние, потемневшее лицо и напряженный отстраненный взгляд вдохновенного провидца. Здесь есть безумие, богатство воображения, даже ужас. Это становится нашим первым вопросом: упорство депрессии, депрессивное упорство.

Образ Дюрера помещает собаку в совершенно иное психологическое поле, полностью отличающееся от знакомых собак повседневного мира: охотничья собака спортсмена, игривая собака куртизанки, триумф заводчика на выставке, запряженная собака, с охотой тянущая свой груз, храбрая собака-спасатель, товарищ по играм для детей и любимый и верный компаньон домочадцев. Может быть, у *familiaris* госпожи Меланхолии мы научимся чему-то еще, чему-то более глубокому, к чему ведет нас депрессия?

Животное (*hayyah*) говорит, что *Zohar* – это «высшая степень ангела». К какому конкретному виду ангелов относится собака? Ангелы, от *aggelos* в греческом, являются носителями посланий; какое ангельское послание несет собака? Какой существенный интеллект воплощен в этой шерстке, за этими мягкими глазами и черной мордой того ангела, которого мы называем собакой?

Я понимаю «ангельскую сущность» как глубочайшее и высочайшее намерение, которое животное приносит в этот мир, предлагая миру необходимые качества, характерные для каждого вида животных. В этом заключается первостепенная важность этих существ, каждого из них, всех их. Вот почему они должны были быть сохранены как семена на ковчеге Ноя и почему для ранних народов, и для многих сегодня, боги сначала появляются в виде животных.

Животные в психике

В более узком смысле, с точки зрения человеческой жизни, за

каждым видом животного стоит стиль человеческого поведения, демонстрируя наши черты и нашу устойчивую природу, которые мы назвали «инстинктами». Мы встречаем животных в лесу, на улицах, но они также живут в психике, транслируя модели поведения. Человеческая природа выражена не только в сообществе, сидящем у костра, но и в зверях, живущих в окружающих джунглях. Каждая из наших душ состоит из тигров гнева, стервятников жадного голода, сов внимательной скрытности и паразитов, высасывающих жизнь из всего, за что мы цепляемся. Свиньи, скунсы и петухи на прогулке обитают в зверинце души. Все наше поведение, даже наши лица, как показали карикатуристы, выдают какой-то животный след. Псовые (собака, волк, шакал, лиса, динго) присутствуют в самой нашей структуре. Эти резцы у нас во рту – «клыки».

Животные черты в человеческих привычках весьма специфичны. Чтобы почувствовать «собачность», изучите кошку. Эти два хищника, которых мы питаем в лоне домашнего уюта, согласно легендам, никогда не могли поладить друг с другом. Они не взаимозаменяемы – это не кошка, свернувшаяся калачиком на коленях у госпожи Меланхолии, иначе мы могли бы считать ее ведьмой. Кошки приносят с собой что-то волшебное издалека, из Египта и ночи, в основе своей языческое (нигде в Библии кошек нет).

Кошка и собака, как правило, разделяются по удобной линии разлома в нашем мышлении: мужчина и женщина. Мистер Дог и мисс Китти. Социальные эволюции следуют этой басне, когда они предполагают, что собаки были одомашнены кочевыми охотниками-собираателями, в основном мужчинами, в то время как кошки больше принадлежат оседлым земледельцам (вдоль Нила), защищая хранимый урожай от мышей. Это больше мир женщин. Таким образом, собачьи лапы выдерживают длительные переходы по пересеченной местности; они переходят вброд ручьи и следуют по запаху. Им нужны физические упражнения, и они любят гоняться, в то время как жизнь с кошками более замкнута,

интимна и общительна, включая те черты, которые передаются в таких терминах, как «киса», «киска», «дикая кошка», «уличная кошка» и так далее (щенячья любовь – это только для мальчиков). Кошки, похоже, никогда не бывают полностью на «нашей стороне». Будет ли кошка пятиться, брать поводок, садиться на задние лапы или танцевать по команде? Они предпочитают наблюдать издалека, с высоты. Кошка взбирается на дерево, собака роет яму. Путь вверх и путь вниз – это не одно и то же. Собака, однако, пользуется своими «почти человеческими» качествами: например, Рин Тин Тин, Лесси, пастушьи и полицейские собаки, сенбернары и все сторожевые с их прямолинейными, не похожими на кошачьи, качествами – смелостью, преданностью, послушанием, отзывчивостью и общительностью.

Наш язык тоже показывает животных в нашем поведении, а собаку особенно в меланхолии: «собачий взгляд»; «устал как собака»; «нельзя научить старую собаку новым трюкам»; «легко найти палку, чтобы побить собаку»; «как собака возвращается к своей рвоте, так глупец повторяет свою глупость»; «если ляжешь с собаками, то встанешь с блохами»; «быть брошенным на съедение псам» и тому подобное.

В депрессии разум отправляется на охоту, чтобы найти причину, выкапывает старые кости, которые уже много раз пережевывались раньше – прошлые грехи, упущения и сожаления. Отрыгивание как медитация, и человек чувствует себя уродливым, вонючим и полным вины. Подобно собаке, разум гонится за собственным хвостом, одержимо цепляется за несчастье, трясет его, как терьер, и не отпускает, навязчиво повторяя свои жалобы, как собака, лающая и лающая еще долго после того, как почтальон ушел.

Черты, общие для собаки и депрессивного человека, были давно замечены и вошли в общие пословицы. Они также относились к «диагностике по аналогии», использованию образов для группировки и понимания страданий до современных времен.

Acedia, меланхоличная лень и тихое навязчивое отчаяние, от которых страдают монахи в монастырях, иногда обозначалась собакой (как на гравюре Дюрера). Старый Сатурн, бог зимы, темноты и холода, а также меланхолии, мог быть также представлен в старом рогатом козле; одиноком лосе в ветреном болоте, голова которого отягощена огромным весом его отростков; в слоне – его серая, мрачная масса напоминает само тело депрессии; в верблюде, который может идти несколько дней в состоянии изоляции. Эмблемы печали, каждая из которых говорит о наших чувствах ярче, чем психиатрические концепции.

Мы носим их с собой. Животные не остались позади в другом царстве, отделенном от нас широкой пропастью. Эта знаменитая старая легенда может быть неправдой: в ней говорится, что когда-то люди и животные были все вместе в мирном царстве, пока постепенно на земле не появилась трещина, и все животные оказались по одну сторону от постоянно расширяющейся пропасти, а люди – по другую. В самый последний момент собака перепрыгнула пропасть, чтобы оказаться на стороне людей.

Что неверно, так это то, что мы далеки от них, но что действительно может быть правдой, так это особое место собаки рядом с нами, возможно, в качестве их представителя, их посла с определенной миссией. Из какой страны? С какой миссией? Давайте продолжим.

Здесь мы сталкиваемся с первым сообщением от нашей собаки. Люди соприкасаются с природой через депрессию. Они погружаются в медлительность, немоту животного, растительного и минерального существа, в замешательство от неспособности ума найти слова. Депрессия возвращает нас к бессловесности животного, к тщетности объяснений, к самому языку.

Мы находим природу в нашей взаимной бессловесной связи с собакой. Это поражение Беньямина от *Überbenennung* (переименования). Это собака Кафки и Витгенштейна – «О чем нельзя говорить, о том надо молчать», или лаять, или выть, или,

чаще всего, скулить.

В глубине своего отчаяния Эрни, центральная фигура мучительного романа Шварца-Барта о преследовании евреев, решает стать бешеной собакой, «слезы... текут по его щекам, пока он хрипло лает... лает, лает бесконечно...¹⁶⁷». Не немая, не по-настоящему немая, но абсолютно бессловесная природа должна оставаться. «Когда мы направляем поток чувств, который течет между нами и животным, в слова, мы навсегда абстрагируем его от животного¹⁶⁸».

«Природа любит прятаться», – сказал Гераклит. Где она прячется? Как природа прячется? В бессловесности. Мы знаем это лучше всего, живя с этим близко.

Предки

Неужели эта первобытная собака прыгнула в пропасть, чтобы спастись от собственной тени? Чтобы оставить своего предка – волка позади? Может ли она оставить волка позади? Неужели собака не восприимчива к зову дикой природы?

Один из неизгладимых ужасов, оставшихся с детства – это оскаленные зубы внезапно прыгнувшей на нас или бросившейся на ограду из сетки собаки. Стая бегущих собак на пустыре, колли, набрасывающаяся на овечьи ноги, лай соседских собак, подгоняющих друг друга своими криками и воем, преследующий доберман, свирепость бультерьеров, питбулей, ротвейлеров, даже тьякующий джек-рассел... Наша любовь к ласковым собакам не может отрицать страха, который они могут вызывать. Как и все вещи под солнцем, они тоже овеваны тенью.

167 A. Schwarz-Bart, *The Last of the Just*, trans. S. Becker (New York: Atheneum/Macmillan, 1960), 289.

168 J. M. Coetzee, *The Lives of Animals* (Princeton Univ. Press, 1999), 51.

Важный алхимический трактат¹⁶⁹ изображает борьбу собаки и волка. Сцена происходит у реки, но на этом изображении пропасть преодолена, возможно, потому, что, как говорится в тексте, есть признание того, что они оба «происходят из одного и того же рода... и полны ревности, ярости и безумия».

И полны страданий. Снова мы находим черты госпожи Меланхолии в предке-волке. Северная прозаическая Эдда описывает мифическую фигуру Хель, сестру волка Фенрира, как «королеву обширной страны плача и стенаний; ее дворы чрезвычайно обширны, а ее врата широки, как смерть. Ее дворец называется Мокрый снег; ее блюдо – Голод; ее нож и вилка – Голод; Дряхлость – ее домашняя рабыня и Старческое слабоумие – ее рабыня; при входе ее порог – Ловушка; Прикован к постели ее тюфяк и Горестно бледнеют его занавески¹⁷⁰». Этот волк, ее брат, мог разорвать цепи всех физических оков. И у него был зверский, ненасытный аппетит. Голодный, как волк – говорим мы. Понаблюдайте, как даже маленькая собачка вгрызается в мясо; услышьте, как большая собака глотает пищу, прихлебывает воду из миски. Они с жадностью набрасываются на еду.

Если спутанная шерсть мифического волка все еще скрывается под шелковистым блеском собаки, то ужасные черты все еще прячутся, архетипически, в предках собаки. Хорошо ли домашнее животное относится к новорожденному ребенку? Защищает или ревнует? Как далеко зайдет собака, когда разжигает свою ярость, играя и дергая палку? Посмотрите, как шерсть встает дыбом у нее на загривке, как она рычит и скалится. Почему дрессировка собаки и повседневная жизнь с ней так сильно связаны с подчинением и господством? Разве невозможно, что где-то в подсознательных привычках собаки домашнее хозяйство сводится к волчьей стае с

169 N. Barnaud Delphinus, *The Book of Lambspring*, в *The Hermetic Museum*, vol. 1 (London: John M. Watkins, 1953).

170 B. Branston, *Gods of the North* (London/New York: Thames & Hudson, 1955), 170.

иерархией власти? Изучение собак должно также включать волков, шакалов и диких собак, которых предали их люди-хранители.

Собака несет своих предков: это второе послание. Волки, динго, шакалы; рычащие, воющие бешеные псы войны и полуденного солнца. Природа полна предков, все из которых ели друг друга на протяжении тысячелетий, бесконечный пир, в котором мы участвуем ежедневно, поддерживая нашу жизнь мертвым мясом. Еда – это память о предках и потребление; еда – это эволюция; поедание друг друга – это основная деятельность в жизни природы.

Цинизм

Наша собака даже помогла философской школе. Взгляд висельника, изгнание из приличного общества в собачью конуру и образ жизни «нос к носу» проявляются в цинизме (от *kuon*, «собака» по-гречески), асоциальном, аморальном и антиинтеллектуальном образе жизни, лишенном цивилизованной защиты от смерти.

Циники процветали с начала четвертого века до нашей эры вплоть до Рима, и главные истории о них подчеркивают их собачьи качества. Отстаивая первобытную природу вопреки цивилизованным обычаям, они оправдывали употребление в пищу мяса любого животного, даже человека, провозглашали лень добродетелью и отождествляли себя со своими физическими телами и своими потребностями. В диалоге с циником собеседник говорит: «Ваша еда – это то, что вы подбираете, как собаки; ваша постель не лучше собачьей¹⁷¹». Другой говорит: «Мой костюм состоит из грубой волосатой кожи, длинных волос, поношенного

171 Lovejoy and Boas, *Primitivism and Related Ideas in Antiquity* (выше, № 2), 142.

плаща и босых ног¹⁷²».

Эти босые ноги показаны достаточно крепкими, чтобы циник мог свободно передвигаться по городу и селу, подобно бродячей собаке в суматохе улиц и переулков, которые были предпочтительным «домом» циника, а не закрытой академической школой традиционного философа или отдаленной пещерой аскета.

Он мог похвастаться тем, что не ограничен законом, браком, заботой о детях, военной службой – никаких поводов, полностью автономно и без стеснения совершает все действия («природы») на публике, «как дела Деметры, так и дела Афродиты» (пищеварение, будь то рвота или дефекация, и сексуальная распущенность). У Ксенофонта¹⁷³ есть циничное высказывание: «Если у моего тела когда-либо возникнут сексуальные потребности, я удовлетворюсь тем, что есть под рукой». В другом тексте, комментирующем Эдипа, сообщается, что циник утверждает, что в инцесте нет ничего плохого, поскольку он естественен для петухов, ослов и собак¹⁷⁴. Цинизм сегодня все еще относится к собаке за ее отношение, например, когда крутые парни якобы говорят: «Если ты не можешь это съесть, и я не могу... тогда помочись на это».

Собака становится образцом прямой, практичной, непринужденной, естественной жизни, без искусственности, буквально «сырой», предпочитаемой «приготовленной». Тем не менее, древний циник считал себя «сторожевым псом человечества, лающим на иллюзию¹⁷⁵», на стороне людей, которые бедны, слабы и угнетены. Его призвание было в этом мире и этой жизни, а не в другом мире или загробной жизни.

Вот третье послание от нашего ангела собаки. Держите

172 Там же, 145.

173 *Symposium* 4.40.

174 Lovejoy and Boas, *Primitivism and Related Ideas in Antiquity* (выше, № 2), 135.

175 I. G. Kidd, *Cynics, The Encyclopedia of Philosophy* (New York: Macmillan, 1967), 285a.

циничный взгляд на идеализации и идеологии, смотрите с широко раскрытыми глазами на мудрость, великие иллюзии и манию величия, любовь к романтике и романтическую любовь. Следуйте путям природы, уткнувшись носом в землю, не сбиваясь с пути.

Нечистые

Самый глубокий вопрос по-прежнему спит, изголодавшись по ответу. Почему нечистые? Только ли из-за ежедневных свидетельств того, что собаки долго совокупаются на публике, стаям следуют за сукой во время течки, тискают ногу посетителя и шмыгают под женские юбки? Разве дело только в их слюнявых щеках и неприятном запахе после дождя, в блохах, которых они плодят, в следах их экскрементов на вашей обуви?

Или собака считается нечистой просто по контрасту с привередливостью кошки, или потому, что собака привносит в домашнюю жизнь дикость волка? Или, может быть, потому что Библия так часто говорит об этом? В конце концов, собака и ворон нарушили закон Ноя о воздержании на ковчеге, гласит еврейская легенда. Почему греческий фольклор помещает мусор на перекрестке, где правит Геката, та, чьи спутники – собаки?

Присмотритесь к кости, чтобы увидеть подсказку. Конечно, каждая собака любит кость, и каждая «хорошая собака» побежит и принесет что-нибудь похожее на кость, и будет радостно грызть ее весь день. Стремление собаки к кости привело к созданию целой индустрии по производству подделок в форме костей из кожи свиньи, коровьей кожи, пластика, резины – и мы забываем о трупе, из которого происходят все настоящие кости. От костей к трупу и на кладбище. Ворон научил собаку искусству погребения, но собака знает искусство извлечения, выкапывания того, что спрятано и похоронено, и кладет правду к вашим ногам – пусть даже эта правда скрыта в вашей ручной клади в терминале прибытия.

Тот, у кого самый тонкий нюх на мертвых – это предок шакалов: «В Древнем Египте, где это животное по ночам бродило среди гробниц, богом мертвых был Анубис, шакал, и это божество... тесно связано с разложением и распадом¹⁷⁶».

Представьте себе! Близкий родственник Анубиса спит в ногах вашей кровати. Собачья любовь к костям берет начало в еще более раннем периоде, чем древний Египет. В календаре ацтеков знак десятого дня был назван «собака», и «регентом этого знака является... бог мертвых¹⁷⁷». Этот бог питался руками и ногами человеческих трупов. В Сибири, на Чукотском полуострове, жители «отдают своих мертвецов на съедение собакам и изображают «Владыку Подземного мира» в собачьей шкуре и верхом на санях, запряженных сильными собаками¹⁷⁸». Свен Хедин сообщил из Лхасы (Тибет), что «здесь содержатся специальные собаки, и они уничтожают мертвые тела с поразительной аккуратностью. Во многих храмах собаки-трупоеды считаются святыми, и человек приобретает заслугу, позволяя им съесть свое мертвое тело¹⁷⁹». Из Монголии: «На месте захоронения... трупы бросают прямо собакам... Такое место производит ужасающее впечатление; оно покрыто грудями костей, среди которых, как тени, бродят стаи собак, питающихся исключительно человеческой плотью... Собаки Урги настолько привыкли к этой пище, что всегда следуют за родственниками умерших, когда они несут труп по улицам города¹⁸⁰».

Возможно, однако, что эти привычки являются просто проявлениями ангельской сущности собаки, необходимой для ее

176 P. Dale-Green, *Dog* (London: Rupert Hart-Davis, 1966), 85.

177 E. Herzog, *Psyche and Death: Death-Demons in Folklore, Myths, and Modern Dreams*, trans. D. Cox and E. Rolfe (Woodstock, Conn.: Spring Publications, 1983), 47.

178 Там же, 44.

179 Там же.

180 Там же.

призвания, проявлением ее архетипической природы. Осмелимся ли мы говорить о грязном ангеле?

И четвертое послание: Природа любит кости. Очищенные до основы, прочной структуры и экономии движения. Идите к мозгу, к тому внутреннему характеру, который представлен в хорошо составленном некрологе, хайку, портрете старого лица, ветреном дереве или четком анализе, проведенном судебным патологоанатомом. Это тоже следование природе.

Грязный ангел

Именно эта ассоциация со смертью – собака как демон, жаждущий смерти, морда глубоко погружена в ядовитую плоть – как я предполагаю, лежит в основе нашего страха перед собаками, нашего осуждения их как нечистых и их хандры – в нашем одиночестве. Демон смерти может появиться из-за депрессии (Черчилль называл свои приступы меланхолии «черной собакой»), из-за нашего страха перед их рычанием и внезапным прыжком или из-за нашего отвращения к собачьему носу в грязи.

Связь собаки с подземным миром и смертью широко встречается в фольклоре, в историях о призраках, привидениях и сверхъестественных интуициях, а также в мифах многих культур. Наиболее известным для нашей традиции является двенадцатый подвиг Геракла, как было сказано, его самый трудный из всех: возвращение Пса Ада, собаки-хранителя Аида, Цербера. Вывести это ужасающее существо на дневной свет означает нечто большее, чем грядущая смерть и ад, как в христианском примере сошествия Иисуса, целью которого было покончить с подземным миром и победить смерть (1 Коринфянам 15:55). Борьба Геракла также связана с собакой.

Греческий миф повторяет мотив собаки, пересекающей пропасть. В этом мифе, находясь между смертью и жизнью, собака

яростно противится покидать свою адскую обитель. Цербер также, конечно, «собственная» собака Геркулеса, склонность к смерти есть даже у «величайшего из всех людей» и у каждого человека. В отличие от других монстров, с которыми ему приходилось иметь дело, Геракл не убивает Цербера. Следовательно, усмирение собаки было последней важной задачей, если Геракл должен был стать основателем стольких греческих культов и городов, а также культурным героем, целителем и личным спасителем.

Призрак Цербера в каждой собаке обеспечивает ее архетипическое стремление охранять и защищать. Еврейская легенда гласит, что собака лает, когда приближается ангел смерти, и собака предупредила слепого старого Исаака лаем, что еда, которую приготовил для него его сын Исав, была нечистым собачьим мясом. Животное, приносящее смерть, знает, когда смерть близка, и может защитить от нее. Даже его экскременты служат защитой. Они «используются для дубления шкур, из которых изготавливаются свитки Торы, а также мезузот и филактерии¹⁸¹».

Этот двойной потенциал проявляется в Анубисе, который, будучи шакалом, осквернил тело и как бальзамировщик сохранил его. Точно так же и собака, посвященная Асклепию, целителю, который провел грань между жизнью и смертью. В его храмах исцеления увидеть во сне собаку или к ней прикоснуться означало исцелиться. Собака была богом в животной форме.

Столь важное в нашей культуре различие между жизнью и смертью, этим миром и другим миром, между чистым и нечистым подчеркивается Анубисом и Асклепием. Если собака необходима для исцеления и сохранения души, то нечистое принадлежит чистому; гниль и отчаяние необходимы для сохранения души. Да, ангел грязный. Следовательно, «собака» в некоторых арабских

181 L. Ginzberg, *The Legends of the Jews*, vol. 3: *Moses in the Wilderness* (Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998), 6.

алхимиях является кодовым словом для духа, скрытого в материи¹⁸². Путь вниз – это путь вверх. Эта настойчивость, когда, роясь носом в земле, собака выискивает продукты разложения, лихорадка и беспокойство похотливого кобеля, сука в течке, остановившийся меланхолический взгляд. Навязчивое царапанье собаки открывает дверь. Чистота стоит рядом с благочестием.

Природа – это также танатос, несущий смерть. Это пятое сообщение от собаки. Если природа любит прятаться, то скрытое – это энтропия, это медленное и неуклонное превращение пыли в пыль. Нашим человеческим попыткам продлить жизнь, открыть генетику старения собака говорит: сохранение жизни зависит от грязного ангела, ангела с любовью к земле. «Сидеть!»

Итак, в общем, когда мы выгуливаем нашу собаку для нашего здоровья или для нее, когда мы следим за тем, чтобы она делала прививки по расписанию, носила ошейник от блох, когда мы готовим ее к «лучшей выставке», когда она путешествует с нами на семейных прогулках или ездит как талисман в пикапе, мы занимаемся отвращающей беду защитой от демона смерти. Общение с собакой сдерживает наше безумие; наша верность – ее верность. Ибо именно стремление владельца остаться в живых – эта Геркулесова задача во всем человеческом – развивает в собаке ее скрытые достоинства, а также может объяснить, почему эта первобытная собака перепрыгнула пропасть. Эти добродетели – преданность, храбрость, умение подчиняться и определенная нежная привязанность, исходящая от вашей собаки, являются такими же важными чертами характера владельца, как и собаки. Взаимность натур. Собака становится *familiaris* (устаревшее название для домашнего носителя души), потому что владелец и животное знакомы в душе, ангел к ангелу, каждый знает, как глубоко может проникнуть душа, как темен проход.

182 Muhammad Ibn Umail, *Book of the Explanations of the Symbols (Kitab Hall ar-Rumuz)*, trans. S. Fuad and T. Abt (Zurich: Living Human Heritage, 2003).

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО КАК ЖИВОТНОЕ

Беседа с Джоном Стоквеллом

Джон Стоквелл: Сейчас вы говорите об «одушевлении мира». Как это связано с опасениями людей по поводу разрушения природы и об исчезновении видов, о жестоком обращении с животными и их убийстве?

Джеймс Хиллман: Согласно преобладающему западному (или северному) сознанию, мир – это просто материя, не живая и без души. Какая разница, что мы делаем со всем, что не является человеческим – оно уже мертво. Согласно этой точке зрения, добыча полезных ископаемых хороша, потому что она помогает людям, в которых находится душа. Вы можете видеть, что идея *anima mundi* как мировой души нарушает это преобладающее отношение. Космология должна измениться, если вы хотите освободить животных от их затруднительного положения на Западе. И первым шагом в изменении космологии является возвращение души в мир, то есть освобождение души из плена человеческого субъективизма.

Джон Стоквелл: Какое отношение к этому имеет политеистическое сознание? Есть ли какая-то связь с возможным образом жизни, который сохранил бы место для выживания множества видов?

Джеймс Хиллман: Поддержка разнообразия не является решающим аспектом политеистического сознания. В конце концов, Ноев ковчег также поддерживал разнообразие. Более важным в этом сознании является то, что везде, где вы смотрите на политеистические религии – Египет, эскимосы, Индия, Месопотамия, племенные общества – вы обнаруживаете, что животные являются божествами. Все, что человек делает с ними,

должно быть с их согласия, иначе он отчужден от них (как и мы). Политеистическое сознание подразумевает религиозное уважение к животным – всем животным.

Джон Стоквелл: Биорегионалист – это человек, который стремится строить свою жизнь основываясь на свойствах местной природы, пытаюсь жить здесь, в этом месте, в пределах биорегиона, определенного специфическим сочетанием фауны и флоры. *Реинхабитант*¹⁸³ еще более конкретен в этой практике.

Когда я прочитал несколько ваших эссе о городской жизни, взятых из бесед, проведенных для Далласского института гуманитарных наук и культуры и Центра гражданского лидерства в Далласе, я нашел в них много такого, что вызвало бы энтузиазм у биорегионалиста или реинхабитанта. Можно увидеть, что если бы было возможно принять такое отношение к городской среде, которое имело бы тенденцию к одушевлению, а затем действительно одушевить эти объекты – автострады, башни и так далее – то была бы осуществлена фундаментальная трансформация нашего отношения. Это была бы трансформация, которая благотворно отразилась бы на наших отношениях с природой и другими видами. Однако я задаюсь вопросом, не следует ли предположить, что этот проект на самом деле не придает дополнительного статуса некоторым основным источникам разрушения природы, а именно тем автострадам и башням, в результате чего огромное давление, которое они оказывают на природные места, скорее утверждается, чем ослабляется. Можно подумать, что такое большое дополнительное строительство башен в будущем, в

183 Слово «реинхабитация» описывает возвращение домой. С одной стороны, это означает возвращение домой к географической и биофизической местности, которую мы населяем, с ее экологической уникальностью и биопродуктивным потенциалом. С другой стороны, речь идет об углублении знакомства с уникальной местностью сознания, местной культуры, истории и обычаев, а также сюжетных линий, которые вплетают человечество в ткань места как зрелых членов более широкого сообщества жизни (примечание переводчика).

то время как мы выполняем огромную задачу по одушевлению огромного построенного мира, по-прежнему влечет за собой сопутствующее разрушение природы. Не лучше ли было бы противостоять такому строительству и, если возможно, разрушить многое из того, что было построено, а в городах приблизиться к одушевлению мира в соответствии с представлениями о городе в более человеческом масштабе?

Джеймс Хиллман: Хотя я симпатизирую как биорегионализму, так и реинхабитантству, как вы их описали, мы должны столкнуться с очень простым фактом: современное сознание полностью урбанизировано и технологизировано. Природа больше не воспринимается адекватно как Великая Мать, которая поддерживает нас; вместо этого она превратилась в очень хрупкую, находящуюся под угрозой старую леди, дряхлую и больную, которую нужно защищать и оберегать. Двадцатый век, похоже, покончил с господством Природы и заменил его господством технологии. Итак, проблема сегодня двойная: и сохранение того, что мы можем, от природы, и расширение души в технологии. Здесь я следую за своими друзьями Робертом Сарделло и Вольфгангом Гигерихом, которые пытаются пересмотреть городское и технологическое с точки зрения воплощения, слова, становящегося плотью, плотью материального мира, реальных вещей – от пепельниц и унитазов до ядерных бомб. До тех пор, пока священное и одухотворенное исключительно и сентиментально ограничено естественными вещами, все остальные вещи, такие как автострады и башни, становятся сатанинскими или бездушными. Это разделение убьет нас, это старое христианское разделение между царством Христа и царством Кесаря. Необходимо приложить все усилия, чтобы взглянуть в лицо царству Кесаря, городам, и переосмыслить их с точки зрения *anima mundi*, которая охватывает все вещи, построенные и естественные. Как только мы сможем видеть живым глазом и понимать психическое значение зданий, доверять своим глазам, у нас не будет такой крайней оппозиции между городом

и деревней. Дело не в том, что автострады и башни неправильны как таковые, а в том, что они воплощают высокомерие, паранойю и скорость. Они просто конкретизируют и массово демонстрируют те качества души, которые проявляются как в человеческих существах, так и в природных объектах. Нам крайне необходимо не ужесточать линии противостояния между защитниками застройки и защитниками природы, а, скорее, смягчить границы в наших представлениях о том, где находится душа. До тех пор, пока мы не распознаем душу в искусственных вещах, как мы распознаем ее в улитках и крикливых журавлях, мы обрекаем автострады и башни на вечное существование как бездушных монстров. Конечно, они не могут не оказывать пагубного воздействия на окружающую среду и будут по-прежнему воздвигаться как сатанинские демонстрации.

Джон Стоквелл: В нескольких своих книгах вы охарактеризовали поворот на Восток, возвращение к земле, возвращение к первобытности и поворот к животным как неправильно выбранные направления. Вы говорите, что эти способы не в состоянии распознать то, что наиболее живо и изобретательно в нашем западном сознании, а именно: архетипы/божественные личности сначала греческого опыта, а затем других западных переживаний, все еще живых в нашем собственном опыте. Вы добавляете, что при обращении к животным существует риск варварской животности. Насколько я понимаю, о чем вы говорите, это происходит потому, что отсутствие воображения, образов, психики – неспособность воздать должное божественным личностям, которые живы в нашем опыте западных людей – связано с вредом, наносимым природе. Мы похожи на Аякса, убивающего животных, потому что у нас недостаточно воображения.

Однако наша идея как защитников животных состоит в том, чтобы обратиться к животному через заботу, через признательность, через уважение и почтение к другим живым видам, даже через признание нашей общей идентичности с

другими видами. Мы обращаемся к животным как к людям, имеющим права. Мы обращаемся к ним, как люди обращаются друг к другу в нашем сообществе. Мы также превращаемся в оборотней, исследуя эмпатически и творчески, а затем этически, это более широкое чувство добра. Мы возвращаемся к животным, стремясь критиковать наше настоящее с точки зрения того, кем мы когда-то были, и, надеюсь, будем оставаться, даже в большей степени. Вы прокомментируете это?

Джеймс Хиллман: Когда я делал эти замечания против возвращения к животности, я имел в виду только одно: наше превращение в невербальных, хрюкающих тупиц – это «зверинец». Я использовал термин «животность» в обычном, оскорбительном смысле: тупой, грубый, дикий. Я обращался к тому стилю упрощенной терапии, который отказался от языка как выражения души и называет ползание и крики «воссоединением с животным телом». Когда пациентов призывают извиваться, как змея, или обниматься, как медведь, их поощряют быть такими уродливыми и жестокими, какими могут быть только люди. Эти методы лечения не замечают красоты реальных животных и того, что воссоединение с животным означает переход к более чувствительному, более искусному и юмористическому месту в психике. Таким образом, эти методы лечения, которые я осуждал во имя поиска животной души, на самом деле воспроизводят презрение нашей западной традиции.

Кроме того, отказ от языка предаёт нашу собственную человеческую природу. Я думаю, что человеческая форма демонстрации – в этологическом смысле слова «демонстрация» – это риторика. Наша способность петь, говорить, рассказывать истории, декламировать и выступать с речами имеет важное значение для наших занятий любовью, хвастовства, внушения страха, защиты территории, капитуляции и защиты потомства. У жирафов и тигров великолепная шерсть, а у нас великолепная речь. Я искренне поддерживаю возвращение к животному в

вашем понимании «животного», вы знаете это, например, из моих недавних семинаров с Гэри Снайдером, Джойей Тимпанелли и Робертом Блаем, а также из моих лекций на эту тему начиная с шестидесятых годов – все они были направлены на то, чтобы рассматривать животное как присутствующее в психике. Я старался поддерживать самопознанию человека как животного существа.

Джон Стоквелл: Биорегионалисты и реинхабитанты заметили, что коренные жители, которые обычно долгое время проживали в своем естественном регионе, в зависимости от своего места, превратились в людей, чьи отношения с миром природы были уважительными и более взаимными, чем мы считаем. Иммигранты, большинство из нас, напротив, были сформированы физиологически в другом месте, чем там, где мы сейчас находимся. Наше растущее нападение на природу проистекает из того, что мы являемся временными, из того, что мы находимся в месте, которое мы не узнаем, и из компенсирующих усилий, которые мы прилагаем, чтобы жить так, как если бы мы были в том другом месте, откуда мы пришли. Мы изменяем географию, которую не узнаем, пытаемся придать ей форму старой или просто выкорчевываем ее, или прокладываем ее, чтобы, по крайней мере, мы могли фантазировать о старом, защищаясь от земных голосов незнакомого нам места. Вместо этого жители стремятся узнать место как *это* место, с его особым характером; они стремятся жить здесь. Животные, растения, камни и воды этого места специфичны. Рассматривая сейчас залив Сан-Франциско, жизнь коренных жителей в этом месте, под его влиянием, сформированной им, мы видим, что это место породило божественных личностей, Куксу и, возможно, Койота, которые изысканно соответствуют природе и возможностям человеческой жизни здесь. Попытка приблизиться к этим местным фигурам через имитацию или даже исполнение ритуалов народов, для которых эти фигуры были живыми, является одним из способов настроиться на реальную природу этого места,

научиться видеть даже сквозь мостовую. Они являются фигурами регулирования, предлагающими предположение о пределах, в которых следует жить.

Знакомство с этими местными жителями, по мнению самих местных жителей, является очень важным фактором в борьбе с теми силами, которые разрушают это место. Отказа от попытки познакомиться с этими людьми, по-видимому, предполагает отказ от попытки выяснить, где мы находимся. Аякс, убийца животных, перепутал сцену. Геракл не имеет должного отношения к тому, куда он прибывает, к Подземному миру. Считается, что Дионис, например, потерялся в Шасте (Северная Калифорния), хотя, возможно, в меньшей степени, чем Аякс, и не имеет большого контакта с реальным местом. Но люди знают его, даже если плохо знают Грецию, даже если мы можем согласиться с тем, что вечная природа бога не позволяет ему быть иным, чем он есть.

Что касается людей западного сознания, можно подумать, что они получают видение Города на Холме (Сан-Франциско) или западных Афин (Беркли). Но достаточно ли эти понятия экологичны, чтобы оставаться гуманными? По крайней мере, людям нашего западного воображения, казалось бы, было бы неплохо самим стать новыми жителями, познакомившись с древними фигурами этого места. Однако, будучи точными в своих мифических структурах, могут ли они быть настолько политеистичными?

Джеймс Хиллман: «Видеть сквозь мостовую» – какая прекрасная метафора! Кто был бы против этого? И все же я слышу голос Геи в вашем вопросе. Видите ли, с точки зрения архетипической психологии, каждая позиция представляет голос «бога», троп, который определяет точку зрения. Акцент на географии и физиографии, на земле, растениях, камнях и прочем, по-видимому, отражает точку зрения Геи (которая сегодня стремится заменить старого Яхве новым и фанатичным монотеистическим сознанием). Опасность этой перспективы, которая, тем не менее,

очень привлекательна, заключается в том, что она тоже становится буквализмом; то есть Дионис имеет значение только в Греции, тогда как если вы живете на северо-западе Тихого океана, вы должны видеть сквозь буквальную мостовую буквальные мифы и стили коренных американцев, поскольку они когда-то буквально населяли эту землю. Повторное заселение могло бы стать своего рода «Имитацией Христа» (книга Э. Эдингера – *прим. ред.*), преобразованной в имитацию «до-белой» культуры.

Я не хочу обидеть вас или Гею, или коренных американцев Тихоокеанского северо-запада, или тех, кто следует по пути реинхабитации – повторного заселения. Тем не менее, психологически, куда бы мы ни переезжали, мы, иммигранты, мы, сыновья и дочери Европы, в основном, говорим по-английски с его корнями в Северной Европе, на латыни и греческом, с обычаями нашей цивилизации, догмами и законами и нашей Библией, мы видим сквозь асфальт только в соответствии с нашей собственной традицией. Наши глазные яблоки и уши были сделаны в Палестине и Афинах, в Риме, Флоренции и Лондоне – даже если мы изучаем дзен, меняем свое имя на санскритское или поем песни коренных американцев. Из-за нашего происхождения мы никогда не сможем услышать, как говорят камни, без искажений, которые мы приносим с собой своим слухом, в нашем бессознательном багаже. Моя задача состояла в том, чтобы распаковать чемоданы иммигрантов, настоять на том, чтобы поселенцы посмотрели на то, что они везут с собой из Палестины и Рима, с точки зрения их отношения, в котором заключается история. Дионис и Гея, и особенно христианство, продолжают влиять на то, что мы, американцы, делаем и говорим. В любом случае, даже если я ошибаюсь, разве поселенцу не требуются столетия, чтобы услышать землю того или иного места, чтобы пропитаться почвой?

Джон Стоквелл: В своем эссе «Царство животных в человеческом сне» вы трогательно пишете:

Мы знаем историю истребления. Животного царства, от пещерного человека до Дарвина на Галапагоссах и Мелвилла на китобойном судне, больше нет. На листьях лежат инсектициды. В зеленых холмах Африки слонов-быков ставят на колени за их бивни. Мы стремимся к экологическому восстановлению царства, которое невозможно¹⁸⁴.

Пожалуйста, уточните, является ли защита природы безнадежным делом? Мы и природа продолжаем жить в мечтах и воображении?

Джеймс Хиллман: Защита природы благородна; это не безнадежное дело. Это акт преданности Гее, скажем так, а также Дионису, которого звали *зоэ* (жизнь). Однако может ли природа, в романтическом смысле этого слова – Вордсворта, Руссо и школы живописи реки Гудзон – продолжаться, этого я, конечно, не знаю. Я действительно думаю, что «природа» уже довольно далеко ушла, за исключением нашей сентиментальной ностальгии. «Природа», похоже, подвергается двусторонней атаке. Мы можем провести различие между нападением на реальную почву и водно-болотные угодья, реальные виды и леса и нападением на романтическую идею природы как средоточия Красоты, как завесы Бога или как кормящей Матери. Я думаю, что мы можем защитить растения и так, если не будем подписываться на романтическую идеализацию природы. И я думаю, что мы можем защитить растения и почву, не будучи моралистами – наш Долг, их Права, наша Вина за древние злоупотребления... Каковы причины этой работы по защите? Я могу предложить три:

- а) преданность;
- б) сохранить многовековую биосферу – это практический здравый смысл;
- в) это расширяет представление о душе и опыте одушевления

184 Выше, 55.

из нашего субъективного персонализма, чтобы отдельный человек был менее изолированным и больным.

Конечно, защита растений и почвы также, вероятно, полезна для растений и почвы, но я ограничиваюсь причинами, по которым эгоцентричные западные люди могли бы поддержать эту защитную работу.

Джон Стоквелл: В том же эссе («Царство животных в человеческом сне») вы пишете об «эстетическом и экологическом восприятии», которые посещают события, представляющие собой «мгновенное восстановление Эдема», и что для «этого короткого вечного времени» существует «оригинальное совместное присутствие человека и животных¹⁸⁵». Каким вы видите образ Мирного Царства? Какому божественному лицу или лицам принадлежит этот образ?

Джеймс Хиллман: Могли бы вы превратить «Мирное Царство» из утопического идеала, из проекта (который требует «исполнения» и должен быть достигнут силой воли) в легко доступный психологический опыт? Фраза, которую вы цитируете, говорит об опыте, который может испытать каждый, играя с кошкой, чувствуя дыхание лошади, слыша крик птицы. Необычный аккорд общения, который, я полагаю, также должен ощущаться животным, может быть даже птицей. Временное увлечение новыми первооткрывателями животных (Джейн Гудолл, пара из Калахари и наблюдатели за слонами, тиграми, волками и так далее) приглашает любого к этому психологическому опыту Мирного Царства. Однако чаще всего это происходит прямо дома, в постели, во сне. И я тоже считаю, что подобный опыт дает нам очень древнее ощущение животного как божества.

Джон Стоквелл: Как вы оцениваете деятельность и мышление движения за права животных и за их освобождение? Не могли бы вы порекомендовать направления, в которых движение могло бы быть успешным?

185 Выше, 32.

Джеймс Хиллман: Я должен отказаться говорить что-либо конкретное о движении за права животных, потому что я его недостаточно знаю. Я вообще с недоверием отношусь к программам и движениям, где бы они ни скрывали психологическую пронизательность (христианство – хороший пример отличной программы, которая приводит к психологической бессознательности в отношении собственной тени). Однако идея Прав слишком локковская, слишком светская и законническая. Это похоже на еще один антропоморфизм – представлять животных как обездоленных людей, которые должны быть включены в общественный договор. Возможно, они хотят быть такими; я просто не знаю. Знает ли кто-нибудь? Однако если космология изменится, и мы представим их одушевленными, если наше восприятие станет иным, и мы увидим их красоту, если наш гуманизм изменится, и мы признаем нашу собственную инфляцию, тогда достоинство, которое права предоставили бы животным, уже было бы восстановлено. Я предпочитаю заняться этим вопросом, не расширяя наши гуманистические конституционные права, а переосмысливая сам светский гуманизм.

Джон Стоквелл: Если бы вы задавали себе вопросы о наших отношениях с животными, какой вопрос вы бы сочли самым важным? Какие ответы вы бы изначально предложили?

Джеймс Хиллман: Мой ответ, вероятно, удивит вас и даже разочарует. Самое важное – это улучшение отношений между человеком и животным во сне. Там все приходит в голову: наше уничижительное картезианское христианство, наша зависимость от мяса, наши инсектициды; все наше отчуждение от животных и высокомерие по отношению к ним проявляются каждую ночь в снах, где животных боятся, нападают, уничтожают – так что эго может проснуться утром как сосредоточенный на себе герой, готовый включиться в череду своих повседневных дел. Геракл, истребитель животных. Я нашел людей с сильнейшим сочувствием к животным, которые все еще ведут себя как животные-террористы

в своих снах. Изменение сознания может также начаться во сне, когда сновидец позволяет свирепой черной собаке приблизиться или змеиному клыку проткнуть его или ее кожу. Высвобождается огромная эмоция, преобразующее узнавание, когда видишь во сне освежеванного пони, утонувшую птицу, рыбу, лежащую брюхом вверх. Когда эти образы принимаются глубоко близко к сердцу – как нечто происходящее прямо внутри моей собственной психики, моей души – остальное воспоследует. Я даже не упомянул о чудесных животных из сновидений, которые приходят, чтобы научить эго сновидения или спасти его, или произвести на него впечатление красотой и силой.

ПРИСУТСТВИЕ ЖИВОТНЫХ

Беседа с Джонатаном Уайтом

Джонатан Уайт: Давайте начнем с того, где мы находимся. Как эта лодка¹⁸⁶ влияет и какое отношение имеют эти воды к содержанию вашего семинара «Войти в присутствие животных»?

Джеймс Хиллман: Хорошо. Первое, что я чувствую, это то, что эта лодка не разрушает мир, в котором она находится. Я не знаю, потому ли это, что она старая, или она действительно классная, или деревянная, или что-то еще. И поскольку она не нарушает мир, в котором находится, это создает правильное ощущение. Правильное восприятие очень важно в первобытном мире, в мире дикой природы, или в том, что я бы скорее назвал миром племенных людей. Племенные люди тратят огромное количество времени на то, чтобы убедиться, что их чувство правильно, с помощью ритуалов, танцев или пиров. Существуют антропологические исследования, которые утверждают, что представители племени тратят около тридцати процентов своего времени на то, что мы бы назвали работой, а остальное время готовят и выполняют ритуалы, танцы и церемонии. Зачем они это делают? Они делают это, чтобы их чувства были в правильном соотношении с миром, в котором они находятся. А мы ничего этого не делаем, мы даже не думаем об этом. Итак, эта лодка обеспечивает правильный контакт для ощущения. Это первое, что нужно знать.

Д.У.: Я часто думаю о весеннем обслуживании «Крестоносца» как о форме ритуала. Эти огромные усилия прилагаются, чтобы поддерживать старую деревянную лодку в хорошем состоянии, но это лишь малая часть всего проекта.

Д.Х.: Нет, это не малая часть всего этого, и в этом весь

¹⁸⁶ Этот разговор состоялся на борту шхуны «Крестоносец» в Чатеме, пролив Аляска.

смысл. Дело не в разговорах и не в людях, потому что вы можете разговаривать и общаться с людьми где угодно. В нашей культуре мы забываем о важности места. Вы идете куда-нибудь, чтобы послушать разговор о греческих богах и богинях, и обнаруживаете, что находитесь в подвале церкви с люминесцентными лампами, отвратительными складными стульями, где нет никаких окон. Место абсолютно разрушительное, и вы должны говорить об индивидуальности, красоте или о чем-то еще.

Я говорил об образах животных во сне в течение тридцати лет и проводил семинары во многих, многих местах, и это единственное место, где это действительно уместно. Потому что животные прямо здесь. Вы должны быть осторожны, чтобы не сказать что-нибудь глупое, потому что животные слушают. Вы не можете интерпретировать их, вы не можете символизировать их, вы не можете делать с ними что-то человеческое. Их присутствие ощущается.

Если лодку игнорируют или просто рассматривают как средство передвижения, такое отношение не сработает. Откуда мы знаем, что киты, подойдя так близко к лодке, как они это сделали в нашем путешествии, тоже не оценят ее? Откуда мы это знаем? Мы этого не знаем. Главное, мы не знаем, как они нас воспринимают, как улавливают наши вибрации. Мы знаем, что их чувствительность необычайна, что их методы слуха и общения физиологически во многих отношениях превосходят наши. Так откуда нам знать, что они тоже не залезут в лодку, и что ваше внимание к лодке – это не просто поддержание ее в форме для комфортного плавания, а нечто большее.

Д.У.: Когда мы готовим лодку к сезону, мы делаем это с большой долей памяти о приключениях прежних лет. В каком-то смысле приключения каждого сезона всегда присутствуют. Кажется, что они витают в воздухе.

Д.Х.: Предположим, что вместо слова «атмосфера» мы использовали слово «душа». Предположим, что у этой лодки есть

душа – как люди обычно говорили: «У этой лодки действительно есть душа», или «У этой старухи есть душа», или как чернокожие используют слово «душа» для обозначения брата по душе, пищи для души, музыки для души. Так что эта лодка – это лодка души. Я думаю, что если участники семинара и преподаватели, которые поднимаются на борт, приносят свои души, это добавляет души в лодку. Нам не нужна религия, или «ню-эйдж», или что-то такое, что делает ее... ну, вы же не хотите потерять животных.

Д.У.: Я хотел бы услышать, как вы расскажете больше обо всей идее подготовки, о том, чтобы правильно себя чувствовать.

Д.Х.: Что ж, давайте поговорим об этом. Чтобы отправиться на охоту или на рыбалку, или увидеть вблизи перепелов, вы учите песни перепелов или песни буйволов с целью привлечь их. Вам нужны эти песни, чтобы быть успешным в охоте и прокормить себя, свое племя и свою общину. Охотники должны были быть правильно настроены, иначе перепела и буйволы не позволят вам охотиться на себя. Когда вы готовите лодку к путешествию, вы также настраиваете себя, что отличается от простого управления судом.

Управление – это информация: убедитесь, что соединения правильные, что у вас есть правильные адреса всех, и билеты, и топливо – элементы управления качественной вещью. Но если вы сидите, выглядываете наружу, думаете об иллюминаторах или линиях, или вы идете по городу и видите что-то, что было бы чудесно на лодке, например, латунную арматуру или что-то еще, тогда вы вовлечены. Это похоже на писателя, которому приходит в голову мысль и, где бы он или она ни были, записывает ее в блокнот. Или художники, которые смотрят на что-то, что меняет их видение, и когда они начинают рисовать, это становится частью картины. Я думаю, так должно произойти, если ваш ум медитативно сосредоточен на лодке. Лодка становится средством передвижения для души, как книга для души писателя или холст для души художника. И это чрезвычайно важно. Это делает всю деятель-

ность больше похожей на ритуал. И тогда вы также не боретесь с лодкой: «О, эта штука, я должен это исправить, о, я не хочу...» Вы не могли бы написать книгу таким образом; вы не могли бы написать картину таким образом. Вы работаете по четырнадцать часов в день, но только потому, что в этом ваша душа.

Д.У.: В «Тропе в Храуру¹⁸⁷» Робин Риддингтон пишет о том, как охотятся индейцы Даннза, племя с северо-востока Британской Колумбии. Часть их подготовки состоит в том, чтобы дожидаться сна, и, когда он приходит, сон инструктирует их, как действовать дальше. Фактическое событие обнаружения и убийства животного понимается как воспроизведение сна. Поэтому, когда охотник возвращается в деревню, чтобы рассказать историю, он рассказывает сон.

Д.Х.: В этом вся разница между душой и управлением. Если бы вы думали об управлении, вы бы вернулись из этой поездки и сказали: «Что ж, это была успешная поездка, все прошло хорошо. У нас была одна небольшая проблема с туалетом, но, тем не менее, все прошло удачно, и все были вполне довольны, о чем и написали». Это было хорошо организованное управление. Но сон – это нечто другое.

И у сна есть эхо, которое продолжается в памяти, в резонансе и в других душах. Лучшее, что могло бы произойти для меня в этой поездке – это победа животного мира. Не только бы людям это было полезно, но и животным. Все десять человек чему-то научились, прекрасно. Но если бы в душе этих людей произошло что-то такое, что могло бы затронуть животных, это было бы лучше всего, потому что животные много сделали для нас за тысячи лет. Они приносили нам еду, они подарили нам танцы, они обогатили нас мудростью и техническими навыками. Кто научил нас делать крючок для палтуса? Обычно люди думают: «О боже, какой-то умный парень по имени Джо Джонс изобрел крючок, чтобы мы

¹⁸⁷ Р. Риддингтон, «Тропа в рай»: знания и повествование уроженца Севера (Айова-Сити: Университет Айовы Пресс, 1988).

могли ловить палтуса быстрее. Какая хорошая идея». Поэтому мы называем это крючком Джо Джонса.

Но изначально люди, которые жили с палтусом и чья жизнь зависела от него, наблюдая за ним, изобрели крючок. Так что мы обязаны палтусу за инструмент для его ловли. А оленям мы обязаны тем, как на них охотиться – прятаться в зарослях, идти по ветру. Они научили нас всем этим вещам. Мы очень многим им обязаны.

Работая со снами на этой лодке, я снова и снова пытался указать на то, что животные приходят в наши сны как проводники, помощники и спасители; как учителя, опять же. Мы все еще раздуваемся от гордости, думая, что спасаем их, но, возможно, они учат нас спасаться. Что происходит с нашими сердцами, когда мы видим их ранеными или обиженными? Это поворотный момент, когда животному больно. Своими ранами они учат нас чему-то: что они находятся под угрозой исчезновения. Они начинают обращать на себя внимание! Движение за права животных и усилия по спасению исчезающих видов животных возникли за последние тридцать лет, но они очень сильно изменили наше сознание. Изображения мертвых слонов, китов, тюленей и птиц оказывают на нас глубокое воздействие. Пятнистая сова спасает лес. Примите это как миф, не принимайте это как закон.

Д.У.: Большинство психологов считает, что животные приходят в наши сны, чтобы указать на какой-то важный аспект, скрытый в нас. Но вы говорите, что они приходят в наши сны ради самих себя – чтобы научить нас чему-то.

Д.Х.: Да, они учат нас чему-то, но они не являются частью нас. Они общаются с какой-то частью нас. Сон о медведе, который приснился одному человеку, соответствует его собственной земной, лохматой природе, и поэтому он может чувствовать родство. Но этот медведь вовсе не часть его собственной лохматой природы. Это сводит медведя только к части себя и оскорбляет животное. Присутствие медведя во сне соотносится с качествами

человеческой души, но не сводится только к ней.

Д.У.: Как понять, когда животное появляется во сне, чтобы научить вас чему-то, или когда оно появилось потому, что его качества соответствуют какой-то части вашей души?

Д.Х.: Я думаю, что оба эти аспекта связаны друг с другом. Я бы не хотел ставить вопрос ребром. Я бы скорее сказал, что животное в сновидении – это присутствие, которое сообщает о некотором внутреннем содержании вашего собственного «Я» – о вашем собственном волке, например, или вашем отношении к волку, будь то ненасытный аппетит или постоянное выслеживание и преследование, или одиночество, или интеллект стаи. И в то же время это представление божественного волка, бога-волка, тотема волка, предка-волка, который может привести вас к большей интенсивности в отношении этих качеств.

Так что вопрос в следующем: чего хочет волк? Почему он решил прийти ко мне? Пытается ли он напомнить мне о моей собственной волчьей сущности? Если животное является предком, то оно благословит эти качества. Оно придаст им архетипический фон. Мое одиночество, мои постоянные походы и ощущение себя чужаком благословляются появлением волка. Это хорошая мысль.

Или возьмем лису. Моя сообразительность, моя хитрость, моя попытка расхитить все, что приходит ко мне, залезть во все курятники – появляется вместо того, чтобы сказать: «Это моя психопатическая тень, это мой сексуальный комплекс», в этом момент приходит лиса и говорит: «Это часть природы, здесь мы соединяемся». Тогда вы больше уважаете эту часть своего «Я» и начинаете пытаться жить правильно.

Д.У.: Признавая присутствие животного, мы утверждаем, что бессознательное – это не просто личное место, где все, что происходит, в конечном счете, касается нашего собственного эго. Животное требует нашего уважения и внимания, и я представляю, что такой взгляд на него является частью правильного мировосприятия.

Д.Х.: «Мораль», «быть правильным», иметь «истинный» смысла вещей – эти слова, которые в нашем мире несут посыл нравственности, пришли из религиозных текстов или от священников. В племенном мире эти слова приходят из поведения животных. В этом мире вы не сможете есть, если не будете делать это правильно. Мораль подобна морали ремесленника. У вас должна быть «истинная» линия или «правильный» угол. Эти слова, «истинный» и «правильный» – слова ремесла, слова мастерства.

Д.У.: Вы говорили о присутствии животных в снах, а как насчет реальных встреч с ними в дикой природе? Например, за последнюю неделю мы были с китами, медведями, лососем...

Д.Х.: Орлы, тюлени, касатки. Боже мой, поразительно, сколько животных мы видели во время этой поездки и как близко мы к ним подошли!

Д.У.: И морские свиньи, играющие у носа лодки! Никто не знает, зачем они это делают, но кажется, что им весело.

Д.Х.: Да. То, что я пытался сказать вчера, имеет отношение к соответствующим эмоциям. Если мы чувствуем себя тронутыми, когда морская свинья прыгает и играет на носу, значит, наша эмоция соответствует эмоции животного. Помните, как все на борту подражали движениям морской свиньи – прыгали вверх и вниз, смеялись, играли? Эти эмоции говорят нам правду о чем-то. Когда мы боимся, эмоции дают нам важную информацию о страхе, желании, гневе или оскорблении. Ваша эмоция соответствует действию, внешнему миру. Это называется теорией значимости эмоций. Ваша эмоция говорит вам о значимости чего-то. Вы смотрите на большой темный лес и чувствуете меланхолию, что свидетельствует о некоем гештальте.

Так почему бы не представить, что существует связь между радостью, которую испытываем мы, и тем, что чувствует морская свинья? Когда вы слышите дыхание китов или видите, как они прыгают и медленно переворачиваются, вы чувствуете красоту,

грусть и удивление. Разве эти не соответствует чувствам самих китов? Они тоже бывают истощены, их окружение шумное, они не могут общаться так, как раньше, и их не ценят. Кто знает, что происходит в душе кита? Но почему бы не прочитать это через наши собственные чувства? Вы видите орлов, у вас возникает определенное чувство благоговения и ужаса – вы не чувствуете тепла в своем сердце.

Д.У.: Нет, это больше похоже на уважение.

Д.Х.: Уважение, точно. Удивление, когда они взлетают ввысь, и уважение. Так почему бы не читать их эмоции так, как это делали люди из племен? Это бы называлось антропоморфизмом; мне кажется, что мы слишком часто используем этот термин.

Благоговение, которое испытывают люди, волнение, когда они видят настоящее животное, гораздо сильнее, чем разговор, сон или стихотворение, обычно это происходит потому, что оно незнакомо большинству из нас. Это синергия. Это объединяет два понятия – слово и физическое явление.

Д.У.: Вчера вечером мы говорили о некоторых физических и духовных проблемах, связанных с необходимостью убийства ради выживания. Интересно подумать, как духовная проблема убийства может быть настолько интенсивной для культуры, что она перевешивает многие другие материальные проблемы. Некоторые этнологи предполагают, что духовная проблема убийства и поедания крупных животных на Крайнем Севере может представлять собой более сложное явление, чем борьба с экстремальным холодом.

Д.Х.: Инуиты говорили Расмуссену, что трагедия их жизни в том, что они постоянно поедают души других людей.

Д.У.: Ричард Нельсон и Пол Шепард, среди прочих, считают, что нет лучшего способа почувствовать нашу связь с природой, чем убивать свою собственную пищу. Хотя Урсула Ле Гуин признает необходимость убийства, она утверждает, что охоту тоже надо уметь пережить. По ее мнению, это дает такое же чувство

единения, как наблюдение за полетом воробья или за крадущейся по комнате кошкой. Есть ли что-то уникальное, что мы получаем и чего не можем получить другим способом, убивая животное?

Д.Х.: Нам нужно быть очень осторожными, очень сдержанными, говоря об убийстве. Наша американская цивилизация зиждется на убийстве – животных, деревьев, коренных американцев, африканцев, мексиканцев, и, конечно, прямо или косвенно, людей и жизни по всему миру. Я думаю, что Ле Гуин права в отношении своей кошки, но, возможно, она избегает вопроса об убийстве. Шепард и Нельсон говорят, мы убиваем ради пропитания. Лучше честно признать этот факт, чем отрицать его с помощью мяса в упаковках из супермаркетов. Природа ест природу, и мы не исключение, поэтому пусть у нас будут ритуалы, которые напоминают нам об этом. Такие охотники, как Нельсон и Шепард, просят нас вернуть сакраментальное чувство к необходимому убийству, которое поддерживает жизнь. И не только убийство животных: морковь, пшеница, вишни с дерева – все это убивают для того, чтобы мы могли это есть. Может быть, если бы мы более ритуально, более конкретно относились к убийству, которое входит в ежедневный прием пищи, мы могли бы быть менее экстравагантными в этих других убийствах – двадцати тысячах убийств, которые подросток видел по телевизору, бомбардировках Вьетнама, Ирака, Панамы и так далее. В пускании крови есть какой-то ужас, и только самые серьезные и общинные ритуалы могут его передать – как, например, то, что происходит на улице, в хирургии или когда животное забивают, чтобы сделать запас мяса на зиму.

Практически, я не вижу, как мы можем даже начать убивать – то, что мы должны есть ежедневно. Но мы можем остановиться на мгновение, когда покупаем еду, готовим и едим ее, чтобы поблагодарить Господа. Господь – это не абстракция на небесах; Господь, которого мы должны благодарить – это само животное, которое отдает себя в наши руки.

Иногда я думаю: «Я уже съел тонны мяса. Я в чертовски большом долгу перед животными. Когда и как они попросят меня расплатиться?»

Д.У.: Есть ли иные способы подойти к этой неизбежной смерти и убийству?

Д.Х.: Ну, я думаю, что мы можем быть ближе к убийству животных.

Д.У.: Что вы имеете в виду?

Д.Х.: Мы усыпляем наших домашних животных или больных лошадей, и никто этого не видит и ничего об этом не знает. Мы не хороним наших животных, мы не держим их мертвыми на руках. Мы больше ничего не знаем о мясническом деле и забое. Мы видим убитых на дорогах, но это все. Раненое, мертвое животное вызывает сильные чувства.

Что еще мы можем делать? Мы можем отправиться в путешествие на «Крестоносце». Мы можем переехать в специальные места, чтобы находиться вместе с животными и наблюдать за ними. Мы можем быть гораздо меньше связаны с пестицидами и инсектицидами и позволять себе сомневаться в их необходимости.

Например, у меня есть куры, а еноты приходят ночью и крадут цыплят. Весной еноты кормят своих детенышей, и им нужны цыплята. Но я не хочу, чтобы они забирали моих цыплят. Поэтому я в затруднительном положении. Что мне делать? Так чувствуют себя масаи или племена северной Кении. Они хотят держать диких животных подальше от тех мест, где они пасут свой скот. Это одна и та же проблема во всем мире: каковы отношения между моей территорией и их территорией? Что мне делать: раз в неделю забивать курицу и выбрасывать ее на улицу, где она достанется енотам? Или я начну кормить енотов, и это приведет к созданию совершенно другой системы среди них.

Это проблема соседства, которая затрагивает как уличных кошек и собак, так и людей, и она заставляет всех нас задуматься

о том, как жить вместе. У меня нет ответа – думай локально, а чувствуй глобально, или как там еще говорят.

И это все означает потерю позиций человека. Мы должны отдать больше территории. Если я хочу сохранить енотов в мире, я должен от чего-то отказаться. Поэтому, когда я уехал, я закрыл свой курятник. Я отдал своих цыплят парню, у которого их взял. Позволять их забивать тоже было неправильно. Поэтому я отказался от своей территории. Я не думаю, что это единственное решение, но мы должны прийти к какому-то соглашению.

Когда я говорил, что людям следует отправиться в путешествие на «Крестоносце», я имел в виду, что им стоит иметь более непосредственный контакт и, таким образом, почувствовать удивление, которое является началом религиозного переживания. Шведские этнологи утверждают, что религия началась с общения приполярных народов с медведями. Это было первое ощущение религии и начало совершения действий, чтобы умиловить животных – танцевать, петь, поклоняться, думать о медведе.

Обычно нас учат, что религия начинается с погребения, со смерти и размышлений о загробной жизни. Но моя теория заключается в том, что религия выросла из отношений человека с животными. Это позволяет вам оставаться на земле, а не думать о загробной жизни и других вещах. Я думаю, это очень важная мысль.

Д.У.: В книге «Пан и кошмар¹⁸⁸» вы описываете, как Пан, козлиный бог природы, умер с ростом монотеизма: «То, что имело душу, потеряло ее; потеряна была психическая связь с природой... Когда Пан жив, природа тоже жива, и она наполняется богами, так что крик совы – это Афина, а моллюск на берегу – это Афродита...» Как лучше участвовать в них, иначе чем через их конкретные природные проявления? Позже вы говорите, что для восстановления наших отношений с природой, как «здесь», так и

188 J. Hillman, *Pan and the Nightmare* (Putnam, Conn.: Spring Publications, 2007), 26.

«там», мы должны начать с точки зрения Пана. «Но, – говорите вы, – мир Пана включает в себя мастурбацию, изнасилование, панику, конвульсии и кошмары. Перевоспитание гражданина по отношению к природе означает не что иное, как новые отношения с «ужасами», «моральным разложением» и «безумием», которые являются частью инстинктивной жизни души гражданина». Разве это предложение не находится в прямой оппозиции ко всему, чем гордится наша современная культура? Как можно осуществить этот процесс, и где найти поддержку такому перевоспитанию?

Д.Х.: Еще бы, эти замечания о Панае противостоят «современной культуре». Психоанализ с самого своего возникновения противостоит современной культуре. Он носит подрывной характер, будучи на стороне того, что Фрейд называл «ид» – по крайней мере, в моем понимании. Это происходит потому, что анализ начинается с психопатологии. Он говорит: пойдете со мной и исследуем Ад – ужасы, особенности и жестокость, которые существуют в вашей природе. Видите ли, упомянуть Пана означает вспомнить, что природа дикая, волосатая, пугающая – настоящий кошмар. Пан, в конце концов, был богом кошмаров. Будучи детьми природы, мы все являемся детьми Пана. Мы уже создаем ад в нашей гражданской жизни, в нашей внешней политике. Поэтому наша задача – найти ритуалы, время, место и наставников, которые могли бы отдать дикости должное, а не допустить, чтобы дикость захватила нас и превратила в дикарей-подростков, как в «Повелителе Мух» Уильяма Голдинга.

Д.У.: В книге «Новости Вселенной¹⁸⁹» Роберт Блай говорит, что каждый раз, когда энергия желания человека покидает тело и уходит в холмы или лес, она шепчет, уходя: «Знаешь, однажды ты умрешь». Блай говорит, что этот шепот нужен нам для нашей заземленности. Такова ли реальность поиска отношений с природой? Не в этом ли заключается опасность и страх, что в

189 R. Bly, ed., *New soj the Universe: Poems of Two fold Consciousness* (San Francisco: Sierra Club Books, 1980), 281.

конечном итоге мы сталкиваемся с собственной смертностью?

Д.Х.: Это очень глубокая мысль. Я думаю, он прав. В одиночестве в поле или на берегу моря мы действительно чувствуем себя ближе к естественным границам, установленным смертью, к тайне жизни и смерти, чем в условиях риска, когда переходим улицу или едем в быстром автомобиле, когда смерть может быть буквально за углом. Тогда мы чувствуем страх и панику, но не тайну. Поэтому мы отправляемся на природу, в поле, на берег моря или в воды Аляски, чтобы почувствовать себя более живыми, ощутив смерть, которую природа требует не забывать. Кажется, природа хочет, чтобы мы помнили о смерти. Не потому ли так трудно выйти из дома, из машины, из лодки? Возможно, «умирая от желания выйти из дома», но на самом деле, выйдя из повседневной рутины, вы оказываетесь лицом к лицу с шепотом, который слышит Блай.

Д.У.: Как мы можем получить доступ к этим природным границам, если мы живем в городе?

Д.Х.: Некоторые делают это, смотря фильмы о животных. Сейчас по телевидению показывают гораздо больше таких фильмов, чем когда я был ребенком или даже тридцать лет назад. Вы также можете получить доступ к этим чувствам, участвуя в жизни и смерти вашего питомца, как я сказал ранее. Или уезжать из города на некоторое время. Но у меня нет единственного ответа.

Д.У.: Это сложно, я думаю. Хотя я нахожусь здесь пять месяцев в году, это не мой дом. В каком-то смысле я чувствую себя гостем.

Д.Х.: Тем не менее, это ваша область исследования.

Д.У.: Да.

Д.Х.: Я не знаю, почему вы должны отказываться от любой из этих позиций. Может быть, ощущение себя гостем очень важно в этом мире. Предположим, мы все гости. Джордж Сантаяна в своей биографии отдал дань уважения, или воспоминания, «моему хозяину, миру». Он был гостем в этом мире. Если вы гость, вы относитесь ко всему с большим уважением.

Д.У.: Мне всегда казалось странным, что наша культура

поощряет такие разные позиции по отношению к окружающей среде. С одной стороны, у нас есть величайшие лидеры в области охраны природы и самые преданные защитники дикой природы, а с другой стороны, мы сами склонны к разрушению в экологическом плане. Как вы думаете, чем объясняются эти две крайности?

Д.Х.: Эти две позиции кажутся диаметрально противоположными, но исходят из одной и той же психологической почвы. Ни одна из групп не считает себя природой. Первая группа – это добрые пастыри, воспитатели, по сути, моралисты, а моралисты всегда выше того, что они осуждают. Вторая группа – завоеватели, прометеевские и геркулесовские в своей способности преодолеть природу. Но обе группы стоят особняком. Если вы ощущаете себя природой, ничем от нее не отличаетесь, то вы просто подобны дереву или белке на дереве, и вы движетесь без того или иного отношения. Конечно, это очень романтичный взгляд, но почему бы и нет? Это не более безумно, чем два способа, которые вы только что описали в своем вопросе.

ПОЗВОЛИТЬ СОЗДАНИЯМ БЫТЬ

Беседа с Томасом Муром

Джеймс Хиллман: В нашей жизни всегда присутствуют животные, это первое. Это либо животные, с которыми мы живем – собаки, рыбы, птица в клетке, – либо животные, которых мы помним – образы из своего детства, фантазии, животные, которых мы видели в зоопарке или раздавили на дороге. Вопрос в том, почему эти животные так важны?

Томас Мур: И, похоже, поэтому люди также очарованы фильмами и книгами о животных.

Д.Х.: Верно. Посмотрите на кошек: примерно шесть из десяти нынешних бестселлеров посвящены кошкам. Что происходит? Плюс Черный Жеребец и Бэмби, и все диснеевские животные. И что делают животные во сне? Многим людям, особенно детям, снятся животные – жуки, пауки, змеи, лошади.

В большинстве сообществ животные когда-то были богами, они изображали богов. Я думаю, мы все еще чувствуем это, особенно во сне. Людям иногда снится, что животное разговаривает с ними или спасает их. Белый медведь проплывает сквозь лед, чтобы спасти сновидца, или человек садится на спину лошади и спасается. Будучи спасенным животным, человек чувствует, что в нем есть что-то особенное или святое.

Животные были богами, потому что они были вечны. Американские индейцы видели буйвола, появившегося весной, и того же буйвола, который исчез осенью. Животные спустились в землю, а затем снова поднялись, как солнце. Мы видим один и тот же восход солнца каждое утро, они видят, что одно и то же животное всегда возвращается. Это абсолютное совершенство – то, что животное всегда одно и то же – это божественное качество.

Поэтому, конечно, если вы убиваете одного из них, чтобы съесть, вы должны умиловить его, пройти через ритуал.

Т.М.: Потому что оно больше, чем человек.

Д.Х.: Да, но в нашей культуре животные стали меньше, чем люди.

Т.М.: Я помню своего дядю, когда я был ребенком и жил на ферме, который очень хорошо знал животных. Он мог издавать тихие звуки, и животные реагировали и делали то, что он хотел. Это было почти волшебство. Я думаю, что, как и многие люди, он чувствовал, что животные могут делать многое, чего не могут люди. Мы полагаемся на них, чтобы знать, например, какая будет погода. Так что есть ощущение, что они на самом деле больше, чем люди.

Д.Х.: Но если вы посмотрите на нашу западную традицию, у нас было 2000 лет, в течение которых животные деградировали. В Риме они были собственностью, и вы могли делать с ними все, что хотели. Это был особый закон; они были как рабы. В христианском мире у животных не было души. К шестнадцатому или семнадцатому веку животные превратились в машины. Картезианцы говорили, что у животных нет разума – у них даже нет ощущений. Дело было не только в том, что они не могли думать и поэтому были неполноценными. Согласно картезианцам, они не могли чувствовать. Так что не имело значения, пинали вы их или нет. Шум, который они издавали, не был признаком боли, потому что они не могли чувствовать боль. Один картезианец утверждал, что, когда он играл на своем органе, тот производил больше шума, чем его кошка, когда он пинал ее. Означало ли это, что орган испытывал боль сильнее? Животные были машинами.

Почему мы не могли позволить миру, как в Японии, Египте или даже Греции, быть континуумом, в котором все вещи принадлежат друг другу? Один японский критик сказал, что единственная причина, по которой Запад ест так много мяса, заключается в том, что в нашей культуре существует онтологическая разница

между животными и людьми. И поэтому мы можем безнаказанно убивать их. Но в культуре, где нет онтологических различий, вы должны спросить разрешения у животного. В противном случае это означает геноцид или братоубийство.

Т.М.: Классический подход схоластов состоял в том, чтобы увидеть душу животного.

Д.Х.: Но душа была низшей, потому что у нее не было разума. Большая часть западной психологии за последние сто лет была посвящена демонстрации способности рассуждать у животных. Осьминог может пройти через лабиринт; киты поют, у дельфинов необыкновенный язык. На самом деле, сейчас мы начинаем пытаться понять самих себя, наблюдая за животными. Психологи говорят, что когда людям снятся животные, они раскрывают свою животную природу. Если вам снится свинья, это значит, что вы поросенок.

Т.М.: Это похоже на способ защитить себя от животного. Если вы можете сказать, что животное снится вам, потому что вы сами свинья, вам не нужно стоять в стороне и смотреть животному в лицо.

Д.Х.: Верно. Вам не нужно воспринимать животное как нечто другое. Это часть вас, так что вы справляетесь со своей свинской натурой. Но как насчет свиньи? Откуда это взялось? Совсем иначе это звучало бы для египтянина, которому приснилась свинья. Он бы не сказал сразу: «Такова моя свинская натура». Он сказал бы, что его навестила свинья – как маленький ребенок. Ребенок придет утром и скажет: «В моей комнате свинья» или «Я видел волка прошлой ночью, не позволяй волку вернуться сегодня вечером». Ни египтянин, ни ребенок не сказали бы: «Это мое свинское «Я» или «Я веду себя по-волчьи».

Т.М.: Разве присутствие животного без интерпретации не является тем, что проявляется в христианской иконографии и скульптуре других религий, где вы лицом к лицу сталкиваетесь с кабаном, орлом или змеей? В культе Асклепия в храме действительно

находились реальные змеи. И вы не можете утверждать, что она является символом.

Д.Х.: Нет. И это так важно, потому что вы были исцелены появлением бога в образе змеи или собаки. Собака вошла в ваш сон или ваше ночное видение, лизнула вашу рану, и вы исцелились. Никто не записывал ваш сон утром, чтобы потом сказать: «Эта собака – символ вашего подземного мира, вашей темной собачьей природы. Вы были отрезаны от своего инстинкта, и поэтому вам снилась собака, но теперь, когда вы снова обрели свой инстинкт, вам лучше». Для них это было бы подлинным появлением бога в животной форме. Это так далеко от того, как мы думаем. Мы смотрим на них, главным образом, как на представителей нашей низшей, инстинктивной природы.

Т.М.: Которую нужно каким-то образом обуздать.

Д.Х.: Или выпустить на хорошую пробежку, или хорошо накормить, чтобы у вас был хороший, здоровый инстинкт. Есть даже тематические исследования, в которых изображения становятся все более и более гуманоидными, и поэтому терапевт считает, что случай становится все лучше и лучше, пока с животными не будет покончено. Навахо, напротив, сказали бы, что мир начинается с насекомых, ползучих существ. Это самый низкий уровень вещей, не в смысле низшего, а в смысле обеспечения фундамента. И все же, когда нам снятся жуки, мы думаем, что становимся «жуками» или сходим с ума.

Я собирал сны с животными с 1958 года. Один из главных мотивов – это сновидец, пытающийся искоренить животное. Другой – это сновидец, видящий животное более опасным, чем оно оказывается на самом деле. Но сближение с животным имеет решающее значение.

Т.М.: Мы могли бы принять точку зрения животного во сне. Если вы не занимаете позицию сновидца, часто нет никаких признаков опасности.

Д.Х.: Даже во сне, когда кажется, что поведение животного

опасно, вы все равно должны видеть, что делает сновидец, чтобы животное преследовало его. Американский индеец выходит на улицу в надежде, что ему явится животное. Преследование животным должно рассматриваться в гораздо более широком культурном контексте, чем его понимает наша западная традиция. Это может быть демон, которого нужно выпустить, как лягушку в сказке. Или лиса, которая останавливает маленького мальчика на его пути через лес и оказывается переодетым королем. Быть преследуемым, задержанным или допрошенным животным означает, что этому животному есть, что вам сказать. Оно чего-то хочет. Оно может захотеть укусить вас, просто чтобы проникнуть вам под кожу или чтобы вы осознали свою животную природу.

Т.М.: Оно может укусить, оно может ужалить. Но это не значит, что правильная реакция – убежать или уничтожить его.

Д.Х.: Мы платим ужасную цену за это истребление. Моя собственная маленькая фантазия состоит в том, что если бы мы могли изменить сны американцев в отношении насекомых, у нас было бы гораздо меньше токсичных отходов. В Калифорнии есть статистика о том, сколько денег тратится на инсектициды и пестициды. И есть исследования, показывающие, что если бы эти химикаты не использовались, потери урожая были бы меньше, чем деньги, потраченные на опрыскивание. Конечно, некоторые из наших фруктов не выглядели бы так, как если бы они были сделаны из воска. Но страх перед насекомым – страх перед ползучим существом – приводит нас к излишеству. Если вы живете в другой культуре, например в Индии, вы все время живете с насекомыми. Для бушменов, по словам Лоуренса ван дер Поста, главным из животных является не лев или слон, а богомол. А для навахо, как я уже сказал, мир начинается с насекомого. В индуистской мифологии насекомые чрезвычайно важны.

Т.М.: Что стоит за этим страхом перед насекомыми?

Д.Х.: У них автономная жизнь. Они идут своим собственным путем. У них автономная психика. И у нас есть ощущение, что

насекомые победят и захватят мир. Мы боимся этой автономии – она неподвластна эго. Вы не можете разговаривать с насекомым, вы не можете заставить его передумать, вы не можете его погладить. Чем более независимо животное – змеи, например – тем больше беспокойства связано с ними. Тем не менее, это также ключевой аспект божественности. Для древних египтян тот факт, что животное было автономным, свидетельствовал о его святости. Для нас это означает, что животное каким-то образом демоническое.

Одной из сторон нашего отношения к животным является беспокойство. Другая сторона проявляется в чрезмерной сентиментальности.

Т.М.: В детстве на меня произвел впечатление мой дядя, у которого не было сентиментальности по отношению к животным. Они жили в своем мире, он жил в своем. В то же время он, вероятно, защищал бы свою лошадь с такой же энергией, с какой защищал бы себя. Таким образом, с одной стороны, существует сентиментальность по отношению к животным, а с другой – недоверие к животным. Эти установки, как правило, сочетаются друг с другом.

Это наводит на мысль о другой полярности, смешении человека и животного в религии и мифологии. Меня поразил образ Хирона, великого просветителя и целителя из Греции, который был наполовину лошадью, наполовину человеком.

Д.Х.: Это сложный вопрос. Есть также изображения, такие как Минотавр, где у него голова быка и человеческое тело. Если вы посмотрите на изображения Минотавра в Греции или на некоторые из рисунков Пикассо, у вас возникнет это ужасное чувство – это так грустно, что заставляет вас плакать. Как будто все, что проходит через наш собственный разум, попадает в ловушку этого быка и не может выбраться. Это образ монстра, который сильно отличается от Хирона. Почему некоторые вещи чудовищны? Почему сочетание животного и человека в одних случаях чудовищно, а в других божественно? История медицины

восходит к этому существу.

Т.М.: В поп-культуре у нас есть фильмы о мужчинах и женщинах, превращающихся в волков. И вы испытываете к ним большое сочувствие, и в то же время вы видите все «зверские» вещи, которые они делают.

Д.Х.: В каком-то смысле потеряться в животном, войти в тотем животного – означает обрести принадлежность судьбе. Я не знаю, читали ли вы когда-нибудь «Последний из справедливых» Андре Шварц-Барта о евреях во время оккупации. Это одна из величайших книг послевоенного периода. Там есть одна длинная глава о том, как он становится собакой. Он живет жизнью собаки. Вы не знаете, воображает ли он это, или он собака, или он «как будто» собака. Но это часть судьбы, как и судьба Люциуса – стать таким.

Существует шаманская традиция, в которой превращение в животное является частью опыта. Американские индейцы так часто брали имена животных – Сидящий Бык, Бегущий Олень, Черный Лось. Это для того, чтобы взять на себя власть животного?

Т.М.: Было бы также полезно иметь некоторую автономию животного, чтобы вы не действовали просто из разума?

Д.Х.: Вы можете уступить этой автономии. Вы можете позволить животному говорить через вас. Но эта автономия, конечно, божественна.

Т.М.: Это немного проясняет, почему избавление от животного является секуляризацией психологии, потому что тогда вы сводите все поведение к этой рациональной части.

Д.Х.: Вы теряете инаковость.

Т.М.: Возможно, это было выражено философиями, которые утверждали, что у каждого человека есть животная душа, и даже современной философией, которая говорит о человеке как о животном, создающем символы.

Д.Х.: То, как мы определяем себя, определяет животных. Если мы определяем себя в терминах наших чувств, то начинаем видеть

в животных богов. Они знают все о чувствах. Но мы определяем себя как людей рациональных. Это означает, что животные ниже нас, потому что мы определяем себя с точки зрения того, чем животные не обладают.

Т.М.: Как вы думаете, религиозные люди спорят с эволюционной теорией потому что она связывает их с животными? Разве не так они обычно говорят: «Мы не обезьяны»?

Д.Х.: Отчасти это то, что символизирует обезьяна. В каждой крупной культуре обезьяна несет тень культуры. В средние века обезьяны олицетворяли пьянство. В еврейской религии они олицетворяли распутство. Обезьяна в Индии – искупитель, но она также и хитрый обманщик. Даже Гераклит заметил: «Мы для богов то же, что обезьяны для нас». Если бы мы были ближе к лошади, чем к чему-либо другому, Дарвин, вероятно, был бы широко принят.

Т.М.: Что вы думаете о символических исследованиях животных? Я заметил, что появляется все больше книг о животных в мифологии и религии.

Д.Х.: Если учеба – это способ приблизиться к божественности животного, то я думаю, что это важно. Это все равно, что пытаться познать природу бога. Путь к откровению много, и один из них может быть через изучение. Это происходит только тогда, когда учеба становится осознанием того, что она не работает.

Т.М.: Когда мы говорим, мы не делаем большого различия между животным, на которое мы смотрим, и животным из воображения.

Д.Х.: Я не хочу делать большого различия между этими двумя понятиями. Если мы думаем, что они разные, значит, мы разделили мир на субъект и объект. Я бы предпочел думать, что животное там тоже является психическим фактом. Затем вы смотрите на китайскую или японскую картину, изображающую, скажем, утку или цаплю; является ли она абсолютной копией природы или это психический образ? Нет никакой разницы. Если я пойду в зоопарк

и посмотрю на тигра, это все равно, что быть с этим тигром во сне.

Т.М.: Это относится к домашним животным?

Д.Х.: Я думаю, что домашнее животное стало антропоморфизированным животным, маленьким уродцем. Это больше не животное в качестве тотема, фетиша, Джаилиаруса или члена племени. Это все равно, что иметь карлика или евнуха, как в Средние века. Я не думаю, что это то же самое, что с вашим дядей. У него не было домашних животных. Это были дикие животные.

Но есть разные способы завести домашних животных. Домашние животные некоторых из нас знакомят с миром животных. Я могу вспомнить один конкретный случай, когда животное было представителем мира духов. Это давало очень важные признаки; у животного действительно было второе зрение или что-то в этом роде. Это был посредник в потусторонний мир в шаманском смысле. Другой мир может быть не таким замечательным. Это может быть просто то, что находится по другую сторону стены, куда кошка выходит ночью. Может быть, это одна из причин, по которой у людей есть домашние животные. Это связано с религиозной деятельностью. Знают они об этом или нет, но они все еще пребывают в культе.

СЕЙЧАС ТЫ ИХ ВИДИШЬ, А СЕЙЧАС – НЕТ

Беседа между автором и художником

Джеймс Хиллман: Эта книга [«Сновидения о животных»] берет начало в Хартфорде, когда...

Марго Маклин: ...вы пришли на мою выставку.

Д.Х.: «Метафорический Лес». Я видел, как вы рисовали животных – я особенно запомнил гепарда.

М.М.: Это была довольно маленькая картина в условиях большой конкуренции. Интересно, что вы помните это.

Д.Х.: Выставка напомнила мне призрачную реальность, очень похожую на животных в наших снах, которые могут быть такими ужасающими, такими поразительными, и все же являются «всего лишь снами». Казалось, вы уловили в картине то, над чем я работал, чему учил, пытался выразить словами в течение тридцати лет.

М.М.: Но я не рисовала животных из снов. Эти картины, которыми я занимаюсь с середины восьмидесятых, не являются картинами из моих снов. Они больше о реальном животном в нереальном мире. И да, на более глубоком уровне эти картины являются своего рода признанием.

Д.Х.: Ради них самих?

М.М.: Ну, не только ради них, но и ради нас тоже. Мы животные, и они привязаны к нашим телам. Вот почему я дала многим картинам анатомические названия: чтобы подчеркнуть эту связь братства-сестринства.

Д.Х.: И общая судьба – то, что происходит с ними, происходит и с нами. Их исчезновение – это и наше исчезновение тоже.

М.М.: Да, конечно, я постоянно об этом думаю, но эти картины вовсе не об умирании. Было удивительно, как быстро люди реагируют: «О, исчезающие виды». Это стало тревожной

фразой для меня в те дни, потому что «исчезающие виды» стали просто еще одной категорией и проблема потеряла свою эмоциональную основу. Кроме того, эти картины не просто об исчезающих видах, они о видах вообще. Нет, эти картины не являются посланиями, «предупреждающими» о надвигающейся катастрофе или потере; скорее, это образы духа животного, с их собственной автономной жизнью, их присутствием и их отсутствием. Они приходят и уходят, и вы пытаетесь удержать их какое-то время перед своим мысленным взором или заставить их выйти и оставаться неподвижными, не теряя это быстро движущееся, тонкое, мимолетное чувство, которое вы не можете полностью уловить. Есть невероятные существа «там», живущие с нами на этой планете, и то, что они не находятся прямо перед вами, не означает, что они не занимают важного положения.

Д.Х.: И снова в вашей работе показано именно то, что я пытался сказать в течение многих лет. Воображение само по себе является великим животным или вместилищем образов, которые живы сами по себе и движутся независимо. Они приходят и уходят во всем их многообразии. Некоторые образы висят вокруг, как верная собака или корова, а другие такие трепещущие и призрачные, что их невозможно поймать.

М.М.: Я потеряла много животных, которые просто не могли быть в картине. Я пробовала их там разместить, но потом мне пришлось отпустить это.

Д.Х.: Животные пробуждают воображение. Вы видите оленя на обочине дороги или гусей, летящих строем, и вы становитесь сверхосторожными. Я обнаружил, что сны о животных тоже на это способны. Они действительно будят людей, провоцируют их чувства, заставляют их задуматься, заинтересоваться и любопытствовать. По мере того как мы все больше погружаемся в воображение, мы становимся все более похожими на животных. Не звериный, но более инстинктивно живой, с большей сообразительностью, более острым носом и более острым ухом,

ум. Как сказал Юнг, старый мудрец на самом деле обезьяна. Мое намерение относительно этой книги носит терапевтический характер. Я хочу что-то сделать для животных, но я также хочу повлиять на людей: я хочу, чтобы они были ближе к самой обезьяне – хотя, возможно, это не так терапевтично для обезьяны!

Вы знаете, люди приходят на терапию действительно за благословением. Не столько для того, чтобы исправить то, что сломано, сколько для того, чтобы благословить то, что сломано. Во многих культурах животные совершают благословение, поскольку они являются божествами. Вот почему части животных используются в лекарствах и обрядах исцеления. Благословение животным все еще продолжается и в нашей цивилизованной жизни.

Допустим, у вас есть быстрая и умная сторона вашей личности. Вы иногда лжете, вы склонны воровать в магазинах, вас возбуждают пожары, вас трудно выследить и трудно поймать в ловушку; у вас такой острый нюх, что люди стесняются иметь с вами дело, опасаясь быть перехитренными. Тогда вам снится лиса! Теперь эта лиса – не просто образ вашей «проблемы с тенью», вашей склонности к скрытности. Эта лиса также дает архетипическую поддержку вашим поведенческим чертам, помещая их более глубоко в природу вещей. Она приходит в ваш сон как своего рода учитель, животное-врач, который знает намного больше, чем вы, об этих ваших чертах характера. И это благословение. Вместо симптома или расстройства характера у вас теперь есть лиса, с которой вам нужно жить, и вам нужно присматривать друг за другом.

М.М.: Но я бы не хотела забывать о настоящей лисе. Я хотела бы видеть такое же уважение к настоящему животному, где бы оно ни появлялось. Я думаю, что важно видеть животное так, как вы видите его во сне, но при этом животные во сне не должны быть отделены от животных, обитающих на заднем дворе, под вашим крыльцом или в лесах. При усыновлении «внутреннего»

животного нужно быть осторожным, чтобы связь с животным миром не сводилась к состоянию хорошего самочувствия. Есть кое-что еще.

Д.Х.: Верно. Методы лечения, которые говорят о животном духе и руководствах, забывают об этой печали. Просто посмотрите в глаза собаке. В животном есть душа, душа древней печали. Все, что вам нужно сделать, это постоять в лесу или в поле, и вы это почувствуете.

М.М.: ...и увидите это.

Д.Х.: Давайте вернемся к животным. Это не те животные, на кого мы можем смотреть по телевизору в шоу о природе. «Исчезновение» на наших картинах мимолетное неопределенное качество животных, и их двусмысленное значение в снах не имеют ничего общего с ностальгическими сентиментальностями по поводу вымирания видов, как об этом говорят по телевизору.

М.М.: Хотя немного грусти не повредит. Однако для меня важно, чтобы эти картины не сводились к одномерной ностальгии.

Д.Х.: Ностальгия архетипична. Это затрагивает тоску по Эдему, по ковчегу, по аркадийской земле пастушеской природы, где лев и ягненок лежат вместе. Ностальгия – это тоже очень по-американски. Я полагаю, что небольшая грусть относится к нашим чувствам по отношению к животным. Может быть, они тоже испытывают ностальгию и смотрят на нас, желая, чтобы мы все вернулись в Эдем, ковчег и Аркадию – до пестицидов и скотобоен.

М.М.: Настоящие животные тоже совсем не ностальгируют. Они идут в ногу со временем. Олени, еноты, скунсы, койоты подбираются все ближе и ближе, даже дикие свиньи и медведи. Города полны дикой природы.

Д.Х.: Но их действия по необходимости и выживанию не восстанавливают райскую гармонию. На самом деле, мы развесили предупреждающие плакаты о бешенстве и болезни Лайма... Мы действительно не хотим, чтобы они были слишком близко. Между ними и нами остается глубокий ров, несмотря на каникулы в сафари

и подводное плавание. Мы можем желать их присутствия каким-то подсознательным образом; однако наше поведение удерживает их «снаружи».

М.М.: Совершенно верно. Вот почему животные на моих картинах не полностью «там», не полностью видны.

Д.Х.: Невидимое так же важно, как и видимое. И я вижу, что ваши картины также посвящены тому, что я называю «невидимками». Невидимые, которые были забыты и прошли мимо. Возможно, мы узнаем, что происходит с нашим окружением, когда мы проходим мимо невидимок. Если бы только мы могли взглянуть на сегодняшнюю ситуацию с совершенно другой точки зрения. Возможно, невидимки делают именно то, что требуется здесь и сейчас, в эту эпоху чрезвычайной ситуации с животными. Возможно, в их исчезновении есть намерение. Возможно, происходит холокост или жертвоприношение животных. Куда подевались все лягушки и почему? Бабочки-монархи? Возможно, они удаляются, как древние боги удалились из негостеприимного, непочтительного мира. Являются ли причины только научными, экологическими? Разделяют ли они планетарные страдания, неся на себе больше, чем их доля?

М.М.: Ну, обстоятельства, безусловно, против них. Я думаю, что они хотели бы, чтобы мы, прежде всего, вышли за пределы человеческого, насколько это возможно. Не просто смотрели на них по телевизору для развлечения, но уважали их, предоставляя им их законное «место».

Д.Х.: Вот почему наши внутренние животные не похожи на тех, кого показывают по телевизору, где они существуют внутри человеческих историй. Вы не видите леопарда просто как леопарда. Это помещено в историю хищников, вымирания или «чудес спаривания». Или вам преподают урок о материнстве, о том, насколько рискована жизнь животных и как все должно скрываться под камуфляжем; или речь идет о больших деньгах, и конкурирующих за них женщинах. Это все *человеческие* истории.

Более того, эти замечательные шоу – а фотографии действительно потрясающие – делают животное там, на природе, все более и более заметным, даже ночью, когда наши камеры вторгаются в их частную жизнь. Мы поражены теми крупными планами, которые вы никогда не увидите в жизни.

М.М.: Я сомневаюсь в нашей способности помнить, что эти животные действительно существуют, живут на земле, а не только по телевизору. Странно, как шоу, которые должны приблизить нас к животным, повышая осведомленность об их исчезновении, странным образом делают настоящих животных ненужными. Вот они, прямо в наших собственных гостиных, виртуальные иконки с улучшенным освещением, увеличением и детализацией. В то время как они чрезмерно экспонируются и размножаются на телевидении, сами животные быстро и бесшумно исчезают с планеты.

Д.Х.: Я не думаю, что мы в состоянии избавиться от животного духа, живущего внутри этих образов. Животный дух не будет затмеваться телевидением. И он может прийти в наши сны непредсказуемым образом.

М.М.: Непредсказуемым, то есть невидимым?

Д.Х.: Я имел в виду непредсказуемое – животные как архетипические вечные образы, как обитатели воображения, могут умереть, но не исчезнуть. Все это увлечение динозаврами и вымершими или легендарными видами показывает, как образы животных продолжают размножаться в воображении. Именно поэтому их появление в нашей психике носит непредсказуемый характер.

М.М.: Вы имеете в виду, что, сохраняя их только частично видимыми, мы позволяем им быть свободными вне человеческого контроля. Непредсказуемыми.

Д.Х.: Я думаю, что легче изобразить исчезающее животное, чем писать об этой неуловимости. На ваших картинах животные появляются или исчезают, они кажутся там и не там. Они

принадлежат одновременно и природе, и воображению. Я не могу получить то же самое присутствие или отсутствие, когда пишу о свинье или белом медведе.

М.М.: Я в этом не уверена. Вы намекаете на то, что означает животное, но не говорите этого. Вы описываете природу жирафа или лося, в то же время вы каким-то образом позволяете животным оставаться наполовину скрытыми...

Д.Х.: ...в качестве метафоры, как они есть во сне. Очень трудно сдерживать желание интерпретировать, уловить в животном смысл.

М.М.: Расскажите мне об этом, я все время борюсь с этим. Недавно разговор шел о картине со змеей. Я сказала, что мне неинтересно ее рисовать. У змей просто слишком много всего происходит, и меня не интересует вся эта символика. Затем – бум, три встречи с настоящими змеями, оставшимися совершенно неподвижными, и я могла их хорошо рассмотреть. Именно тогда я поняла, что на самом деле никогда до этого не видела змею.

Д.Х.: Мы, «цивилизованные» люди, не можем оставить все как есть. Мы не можем удержаться, чтобы не вставить эту змею в какую-нибудь историю и не придать ей какой-то смысл. Когда я иду в зоопарк, мне приходится бороться с собой, чтобы не прочесть маленькую информационную табличку и карту на клетке, чтобы просто посмотреть, что там есть, а не превратить это в научный факт или историю.

М.М.: Но зоопарки – это совсем другая история. Цель зоопарка – предоставить такую информацию. Животные в зоопарках были принесены в жертву за наш доступ к этой информации. Я думаю, что нам придется начать понимать, что зоопарки – это места обитания животных будущего, какими бы удручающими они ни были. Эта зебра, жующая гранулы в зоопарках по всему миру, приносит с собой потерю равнин и своего стада. Она становится своего рода трагическим представителем меняющейся связи животного со средой обитания.

Д.Х.: Может быть, нам стоит переосмыслить зоопарки.

Посмотрите, как это делают маленькие дети – больше похоже на книгу рассказов, среду обитания воображения, а не на изображение Африки или Антарктиды – правильное, но фальшивое. Предположим, зоопарк – это скорее место для воображения, общения и даже молитвы, чем для обучения.

М.М.: ...или другой вид обучения, что, я надеюсь, станет финалом этой книги. Здесь животные тоже встроены в среду обитания, и это может заставить людей взглянуть на них по-другому.

Д.Х.: Вы хотите сказать, что изучения животных, знания о них, даже сочувствия к ним недостаточно? Мы должны вдохновлять их. Войдите в них как в воображаемые существа, войдите в них как в образы. Вот что сделал Адам: он посмотрел на эти изображения, проходящие мимо, и прочитал их имена по их природе. Он был внутри образа животного. Он знал животных своего воображения по именам, и они являлись ему во снах.

М.М.: Я хочу сказать, что считаю необходимым немного очеловечить человека. Для меня быть внутри образа животного означает войти в тело животного и попытаться увидеть мир оттуда. Просто не имеет смысла отделять себя от животного мира, когда существует слишком много конкретных сходств.

Д.Х.: Или сначала появились слова, поскольку некоторые теории утверждают, что мы получили наши слова от звуков животных. Мне нравится думать, что правильные слова тоже что-то говорят животным.

М.М.: Это мило, послание животным. Хм...

Д.Х.: Отчасти я пытаюсь им что-то сказать: сообщение о том, как они запечатлеваются в человеческом воображении, в наших знаниях и фантазиях, в наших системах символов, даже о том, что говорит о них наша зоология. Как бы отчитаться перед ними о том, как их воспринимают. Вот почему я использую так много разных источников. Зоология вторична, потому что, по сути, существует только один источник для всех видов историй – сам образ зебры. Племенные народы говорили бы о зебре-духе, которая порождает

все, что мы говорим о зебрах, где бы мы ни встречали этот образ – в стихотворении, в зоопарке или в Серенити. Наш цивилизованный разум совершает ужасную ошибку, противопоставляя «реальных» животных и «образы животных», как будто тот, кто стоит в зоопарке, и тот, кого вы встречаете во сне – это два совершенно разных зверя.

М.М.: Вот что я имела в виду, когда говорила, что мои картины о реальном человеке в нереальном мире... нереальный мир, означающий различные миры... миры, которые не изображены буквально, но, тем не менее, представляют собой «место».

Д.Х.: Края картин с вашими животными должны исчезнуть и размыться, точно так же, как жесткая грань между фактами и знаниями должна быть смягчена, иногда устранена. Ваши картины и эта книга похожи на те старые средневековые бестиарии, которые были, после VIII века, самыми читаемыми книгами в течение примерно тысячи лет. Эти книги о животных не учитывали сегодняшних различий между природой и воображением. Они были докартезианскими, донаучными. И наша книга тоже восходит к архаичному менталитету, а также к радикальной феноменологии: леопард есть леопард, где бы он ни появлялся, совершенно феноменальный.

М.М.: Научное мышление не обязательно означает картезианское мышление. Это зависит от того, как вы используете науку – «занимайтесь наукой». Проблема в том, что мы становимся одержимыми буквальными фактами, которые могут блокировать воображение.

Д.Х.: Научный метод был разработан именно для этой цели – обуздать фантазию и исправить «вымыслы» воображения наблюдаемыми фактами. Но я думаю, что нет объективных фактов без субъективного вымысла. Само по себе наблюдение занимает только одну половину, ту половину, которую вы видите сейчас. Воображение включает в себя другую половину – то, чего сейчас нет. В девятнадцатом веке диких животных изучали, охотились,

собирали как природные явления, факты.

М.М.: В основном они тоже изображались таким образом, их отливали в бронзу – очень детализированно и натуралистично. Вы знаете, редко можно увидеть животное на картине в течение великого столетия современного искусства, с 1860 по 1960 год, скажем, от Моне и Сезанна до Ротко. Вы видите маленьких собачек, каретных лошадей и сцены охоты – и всегда есть серьезные исключения, такие как Пикассо и Франц Марк – но интересно, как много животных было оставлено без внимания.

Д.Х.: И теперь, когда они исчезают, они нашли свой путь обратно в воображение. Секрет воображения заключается в исчезновении реального. Их фактическая смерть возвращает их к жизни, и изображение этой «смерти», этого отсутствия, может быть лучшим способом сделать для них «достаточно». Сбор фактов, символов, басен, фотографий, окаменелостей, игрушек, лозунгов, рисунков, книг по искусству животных и бестиариев – всего этого вместе взятого недостаточно, оно не может заполнить то странное чувство долга, которое мы испытываем по отношению к ним. Мы все еще чувствуем, что что-то упущено.

М.М.: Кое-что упущено: человеческое смирение.

Д.Х.: Я завидую вам, вы рисуете. Как бы это ни было трудно, по крайней мере, вам не нужно приводить весь этот материал, все эти ссылки, чтобы попытаться воздать должное животным.

М.М.: Я стараюсь избегать ссылок. Я хочу каким-то образом избавиться от всего хлама. Я хочу, чтобы ум был совершенно спокоен и не поглощен всей этой информацией. Как только животное нашло свое место на картине, оно, кажется, само о себе заботится, и эти ссылки не нужны.

Д.Х.: Ваше прошлое тоже очень важно. Они оба позволяют животному выделиться из него и исчезнуть в нем. Опять же, это так похоже на страну грез: обычно на расплывчатом экране выделяются только фрагменты сна. Ваше смутное прошлое...

М.М.: Эдвард Кейси, философ, писал: «Пейзажная живопись

не только определяет местоположение вещей, но и перемещает их. Это дает вещам – конкретным или абстрактным, какими бы они ни были – возможность быть. Где-то еще, кроме естественного мира (если это физические вещи) и где-то еще, кроме эфирного мира (если они являются объектами размышлений или созерцания). Где-то в другом месте, в других руках, кроме простого места, в котором они «изначально» или «надлежащим образом», или «по большей части» расположены. Другое место означает другую жизнь – вторую жизнь. Таким образом, вещи (включая переживания вещей) не просто изображаются или запоминаются на картинах; они «выживают» там в смысле продолжения жизни, буквально переживая свою первую, правильную жизнь»...

Д.Х.: «Где-то в другом месте», чтобы они могли жить дальше.

М.М.: Но тогда я спрашиваю себя, достаточно ли этого – «где-то еще»? А как насчет реальной экологической выгоды? Тогда я отвечаю: экологическая выгода может произойти только тогда, когда наше обычное восприятие будет подвергнуто сомнению, и мы начнем «видеть» вещи по-другому.

Д.Х.: Правильно – если это изменит наше обычное восприятие, хотя бы немного освободит его от наших интерпретаций, если это позволит нам почувствовать больше родства с животными. Когда вы знаете, что тигры уходят, покидают планету навсегда, как слоны и лягушки, вы начинаете скорбеть и смотреть вокруг другими глазами. Я рассматриваю ваши картины как ритуальные предметы, как будто вы оплакиваете уход животных, устраняя их полноценное присутствие.

М.М.: Это половина всего, да. Другая половина заключается в том, чтобы в полной мере оценить что-то – нужно ли это полностью раскрывать?

Д.Х.: Наши сны делают это постоянно. Вот почему я говорю о животных из сновидений. Я пишу сонник животных не больше, чем вы рисуете натуралистические картины животных. Мы оба боремся с призраками животных. Гастон Башляр сказал, что

воображение требует отсутствия и деформации. Поэтому я всегда борюсь с тем, чтобы написать как можно больше о сне и животном и в то же время сохранить его неясным, загадочным, таинственным. Я пытаюсь разместить их на странице, а затем призываю их уйти.

М.М.: Ха! Я уговариваю их принять участие в картине, а затем призываю их остаться.

ИСТОЧНИКИ

"The Animal Kingdom in the Human Dream" was originally published in *Eranos Yearbook* 51 (1982).

"Imagination is Bull" was originally given as a lecture at the Dallas Institute of Humanities and Culture in March 1981 and revised for a talk at the conference *Between the Horns of the Bull*, organized by the C.G. Jung Institute of San Francisco in March 1981. It has not been previously printed, and my revisions have aimed to keep the original oral form.

"A Snake is not a Symbol," "Horses and Heroes," "The Rat," "Lions and Tigers, or Why there are two Great Cats," and "Now You See Them, Now You Don't: A Conversation Between the Author and the Artist" were originally published in J. Hillman and M. McLean, *Dream Animals* (San Francisco: Chronicle Books, 1997).

"Going Bugs" was presented in November 1980 at the conference *Anima, Animal, Animation*, hosted by the Western New York Society for Analytical Psychology in Buffalo, N. Y.

"The Elephant in The Garden of Eden" was delivered as a talk at Boise State University in October 1986 and first published in *Sprint* 50 (1990).

"You Dirty Dogf" was originally published in M. Ludington, *The Nature of Dogs* (New York: Simon & Schuster, 2007). The more colloquial, fuller, and fulsome version printed here was presented in June 2007 at the conference *Nature and Human Nature* at Pacifica Graduate Institute as "Nature in the Doghouse."

"Human Being as Human Animal: A Conversation with John Stockwell" was originally published in *Between the Species: A Journal of Ethics* 1/2 (1985).

"Let the Creatures Be: A Conversation with Thomas Moore" was originally published in *Parabola* 8:2 (Summer 1983).

"Animal Presence: A Conversation with Jonathan White" was originally published in *Talking on the Water-. Conversations about Nature and Creativity* (San Francisco: Sierra Club Books, 1994).